

Анатолий Зарецкий

Буран

На шлёме,

ИЛИ

В брызгах космической струи

16+

Анатолий Зарецкий

**На излете, или В брызгах
космической струи**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Зарецкий А.

На излете, или В брызгах космической струи / А. Зарецкий —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Эта книга – рассказ о создании МКС “Энергия-Буран” – непревзойденного достижения СССР на излете его существования. В основе личные воспоминания военного инженера-ракетчика, волей обстоятельств 20 лет отработавшего в испытательном отделе ГКБ. Герой молод, энергичен, фонтанирует идеями, которые зачастую одобряют. “Что за “Буран?” – ворчит его наставник. “Что это, победа или поражение?” – соображает герой, вчитываясь в ТЗ. Что же будет создавать ведущее КБ страны? Уникальный носитель или советский вариант “Шаттла”? Будем ли работать на опережение или догонять ускользящее время? И вот уже нет СССР. Закрыта программа МКС “Буран”. Но не отпускает память о грандиозной работе, которая много лет увлекала настолько, что порой не обращаешь внимания на козни кучки негодяев и вдохновенно делаешь свое дело с коллегами, о которых хранишь самые светлые воспоминания. Имена персонажей изменены (кроме имен лиц исторических и широко известных), а любое их совпадение с именами лиц реальных – случайность.

Содержание

Вместо предисловия. Детство, юность, годы молодые	5
Глава 1. На нулевой отметке	16
Глава 2. В Москву	32
Глава 3. Московский штиль	36
Глава 4. Ответственный квартиросъемщик	42
Глава 5. Здравствуй, Москва!	56
Глава 6. Подлипки-Дачные	59
Глава 7. Подъём	70
Глава 8. Вокруг РЛА	78
Глава 9. Этот День Победы	83
Глава 10. Праздник со слезами на глазах	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Анатолий Зарецкий

На излете, или В брызгах космической струи

Вместо предисловия. Детство, юность, годы молодые

В отрасли космического ракетостроения я оказался случайно. Впрочем, именно случай так или иначе определяет большинство событий нашей жизни, хотя зачастую нам кажется, что мы сами выбираем жизненный путь. Увы.

С детских лет я мечтал о небе. Трудно сказать, когда и откуда это пришло. Скорее всего – из раннего детства, когда наша семья долгое время жила в лагерях немецких военнопленных в Харькове. Там работали мои родители. Там же за полгода до окончания войны в одной из теплых землянок, в которых размещалась поликлиника лагеря, родился я.

В лагере я долго был единственным ребенком – любимцем пленных немцев. Уже лет с пяти мне позволяли самостоятельно перемещаться по всей территории лагеря, включая зону. В том ограниченном мирке, казавшемся таким огромным, я чувствовал себя комфортно в любом месте. Сторожевые вышки, ряды колючей проволоки, солдаты охраны и колонны пленных немцев, – все это навсегда врезалось в память.

Немцы всегда улыбались, весело шутили, но никогда не насмехались и не обманывали, даже в шутку, как наши солдаты. Многих пленных я знал не только в лицо, но и по фамилии, а то и по имени. Было у меня и свое немецкое имя – Пуппи (Куколка). Оно мне не нравилось, но моего настоящего имени немцы, похоже, не знали, или так им было привычней.

– Пуппи! Ком цу мир, – приглашал подойти кто-нибудь из солдат, едва входил в любое из помещений, где находились пленные, – Битэ, – подавал он кусочек сахара или самодельную игрушку.

– Филен данк, – благодарил за подарок.

А из другого конца помещения уже неслось очередное призывное: “Пуппи!” Кто-нибудь из сидящих на табуретах, сажал к себе на колени, и мы слушали импровизированный музыкальный номер, исполняемый на одной, а то и сразу на нескольких губных гармошках. А иногда солдаты, надев вместо пилоток смешные шляпки с перышками, пели необычные песни. Слушая удивительные переливы их голосов, смеялся от восторга. Лишь через несколько лет, уже вне лагеря, узнал, что слушал тирольские песни.

Мне нравились мои немецкие друзья, а особенно переводчик – гер Бехтлов. Он единственный понимал меня, когда в разговоре, не задумываясь, смешивал русские и немецкие слова. Он тут же все повторял, но по-немецки, без русских слов, или наоборот.

– Варум? – часто спрашивал его, и он терпеливо отвечал на многочисленные вопросы маленького “почемучки”. Именно гер Бехтлов несколько лет нашей дружбы открывал мне окружающий мир, заодно прививая азы немецкой культуры.

– Ауфштейн! Штиль гештанден! – командовал унтер-офицер и все, включая меня, вскакивали и вытягивались в струнку, держа руки на бедрах. Входил немецкий офицер. Офицеры – такие же пленные, как и рядовые, но немецкий армейский порядок есть порядок. И я это понимал и принимал, как должное.

Мне нравился немецкий порядок. Мне нравились немецкие офицеры – строгие и недоступные. С ними нельзя заговорить первым, можно лишь отвечать на вопросы. Они не гово-

рили со мной, как рядовые солдаты, зато часто одобрительно похлопывали по плечу. В моей памяти они остались строгими людьми в красивой форме.

Но, больше всех нравились летчики Люфтваффе. Их форменная одежда была самой красивой. К тому же только они угощали необычным лакомством – шоколадом. Иногда предлагали сначала полетать, и когда соглашался, высоко подбрасывали и ловили почти у самого пола. Захватывало дух, было страшно, но я не плакал, а наоборот – громко смеялся от необычных ощущений. Летчики тоже смеялись и говорили, что буду русским летчиком. Что такое быть летчиком, я не знал и, как всегда, засыпал вопросами гера Бехтлова.

– Если станешь летчиком, будешь, как они – сильным, ловким, в красивой форме, – отвечал он, – А главное – будешь летать в небе, как Ангел.

Мы покинули лагерь, когда мне исполнилось шесть лет, то есть, когда как личность вполне сформировался. И теперь не только внешностью и знанием языка, но и характером походил на немецкого ребенка. Все последующие годы я сам и окружающие с большим трудом ломали этот характер.

В лагере мы жили в каком-то искусственном мире, созданном за рядами колючей проволоки. Совсем не так было вне лагеря. Я повсюду видел следы страшной войны. Город все еще лежал в руинах. А надписи на домах “Мин нет” сохранились даже, когда пошел в первый класс.

Но я никогда не видел ничего другого. Вид разрушенного города казался привычным – нормальным. Он не удивлял и не поражал. Но, только вне лагеря впервые увидел людей, обездоленных войной. По улицам катались на тележках инвалиды без ног. Часто встречались люди на костылях, или без рук. Это было непривычно и страшно. Я боялся этих людей.

Признаком времени были громадные очереди, и в первую очередь – за продовольствием. Повсюду множество нищих, просящих подавание. Иногда их нестройные колонны куда-то вели милиционеры с револьверами наизготовку. Ничего подобного никогда не видел в лагерях военнопленных.

Вне лагеря у меня, наконец, появились друзья и подруги. И самые первые – это Людочка Кучеренко и Вовка Бегун. Людочке едва исполнилось пять лет, а Вовка – мой ровесник. Нам не было и семи. А через год мы с ним пошли в первый класс, где, растолкав всех, сели за первую парту.

Во втором классе всех моих школьных друзей перевели в бывшую женскую школу. А наш “мужской” коллектив разбавили группой девочек. Начиналась эпоха смешанного обучения. В результате вместо Вовки Бегуна на освободившееся место за парту сел Женька Иоффе. Не сразу, но мы все же подружились.

Однажды Женя пригласил в гости. Он жил в военном городке ХВАИВУ (так тогда сокращенно называлось авиационное училище, где работал его отец). Оказалось, Владимир Владимирович, отец Жени – генерал-лейтенант авиации и второй человек в этом учебном заведении. Несмотря на солидное положение главы, семья вела скромный образ жизни, обусловленный частыми переездами из гарнизона в гарнизон. Вскоре в этой семье я стал своим человеком. С Женей мы дружили почти три года, пока его отца ни перевели в Москву. В военном городке ХВАИВУ я впервые увидел курсантов в летной форме и воочию представил свое будущее.

Семья Жени жила в обычном многоквартирном доме, но в особом, так называемом “генеральском подъезде”. Вскоре я уже знал в лицо всех жильцов подъезда, да и они меня тоже. “Сближению” способствовали периодические коллективные вылазки “на подхоз” – в подсобное хозяйство училища. В выходные дни вереница генеральских “Побед” и полковничьих “газиков” доставляла высокие семейства за город, где были лес, пруд и большая поляна, на которой тут же разбивали палаточный лагерь. Мы с Женей и другими детьми, среди которых были и наши одноклассники, играли в детские игры, купались в пруду, загорали. А взрослые устраи-

вали импровизированное коллективное застолье, расстелив скатерти прямо на траве. Там впервые узнал вкус сыра, колбасы и даже красной и черной икры.

Вскоре у нас с Женей появился наставник – их сосед по лестничной клетке. У соседа-генерала не было детей, а потому мы с Женей стали своими в его маленькой семье. Украшением генеральской квартиры была шикарная библиотека, которую семья, похоже, собирала всю жизнь. И, конечно же, я стал самым активным ее читателем. Я пользовался этой библиотекой еще несколько лет уже после того, как Женя уехал из Харькова. Постепенно перечитал все, что было так или иначе связано с авиацией. А было очень много редчайших книг.

Однажды, ориентировочно в начале пятидесят шестого года, мы с Женей узнали настоящую тайну. Мы впервые услышали столь подробный рассказ о ракетно-ядерном щите страны и о зенитных ракетных комплексах. Сообщая эту, несомненно, секретную информацию, генерал пытался убедить, что занимавшая наши умы военная авиация обречена, и вместе с приоритетом вскоре потеряет свой былой блеск и привлекательность.

Потому что будущее – за автоматизированными комплексами, скрытно расположенными повсюду. Там будет совсем мало людей и много умной техники. Управляемые из подземных бункеров беспилотные ракеты в любой момент смогут быстро доставить атомные бомбы прямо к целям, расположенным за тысячи километров. Аналогичные ракеты мгновенно уничтожат любые группы самолетов противника еще на подлете. Никаких воздушных боев не будет, а самолеты не спасет ничто – они непременно будут сбиты.

Мы впервые не поверили нашему наставнику. Нам так нравилась военная авиация. Именно военная, потому что гражданская уже казалась нам, юным поклонникам покорителей неба, обыденной, лишенной романтики. А ракеты воспринимались как что-то неодушевленное, архаичное, типа сигнальных ракет, снарядов от “катюш”, или же наоборот – как нечто из области научной фантастики, типа межпланетных кораблей будущего.

В тот день генерал был чем-то огорчен, а потому, похоже, много выпил. Иначе, мне кажется, вряд ли затеял бы с нами тот странный разговор. Именно его состояние и заставило нас усомниться в достоверности рассказа.

– Фантазер, – не сговариваясь, заключили мы с Женей и не стали ничего уточнять у его отца, тем более, генерал просил строго хранить доверенную тайну. Повторных бесед на эту тему не было. А потому мы по-прежнему “бредили” авиацией.

Как-то раз, когда уже учился в шестом классе, мне поручили навестить нашего заболевшего одноклассника – Володю Ткачева. У него я впервые увидел сделанную им кордовую модель самолета. Особенно поразил миниатюрный моторчик, который работал как настоящий авиационный двигатель. Я был разочарован тем, что двигатели авиамоделисты не делали – их выдавали в кружке. А вот все остальное они создавали своими руками.

С легкой руки Володи Ткачева я несколько лет был активным членом кружка авиамоделистов при харьковском Дворце пионеров. В кружке научился не только проектировать и собирать достаточно сложные модели, но и управлять ими в полете. Одно время полностью захватили “пилотажки” и модели воздушного боя. Но со временем увлекся изготовлением летающих моделей-копий. Мое увлечение сохранялось долгие годы, а высшим достижением стала копия американского самолета F-102, которую сделал из тонкого дюралья по заводской технологии. Но, это уже было, когда учился в Харьковском авиационном институте и работал на авиационном заводе.

Когда умчат тебя составы
За сотни верст в далекий край,
Не забывай родной заставы,

Своих друзей, своих подруг не забывай.

Не забывай, что после вьюги
С весной опять приходит май.
Не забывай своей подруги,
Своей весны, своей любви не забывай.

Эту песню я услышал во сне. Я проснулся, когда уже отзвучали ее последние аккорды. Мелодия, а особенно слова песни показались необыкновенно выразительными. Непостижимым образом они затронули какие-то особо чувствительные струны души девятилетнего ребенка, каким тогда был.

Несколько минут лежал и тихо плакал от избытка переполнявших меня чувств. “Я никогда тебя не забуду, Людочка”, – мысленно повторял одну и ту же фразу, заливаясь слезами. Возможно, это была песня-предчувствие моей судьбы. Не знаю. Но, мелодию и слова запомнил с того самого единственного исполнения. За пятьдесят с лишним лет мне так и не удалось услышать песню. А память сохранила лишь эти два куплета, да обрывки стихотворных фраз. Я не искал песню. Зачем? Она до сих пор живет в моей душе – такой, какой помню. Мне незачем ее менять.

А в то утро, когда она прозвучала из репродуктора, до нашей первой весны оставалось еще более семи лет, то есть ровно столько, сколько тогда было моей подруге Людочке, с которой уже дружил больше двух лет.

С того самого дня к Людочке я всегда относился с особой симпатией, как ни к какой другой девочке. А через много лет девятнадцатилетняя девушка призналась, что она это знала, причем именно с семилетнего возраста. И ей нравилось мое отношение к ней.

Летом шестидесятого года впервые увидел землю с высоты. И я не был пассажиром. Целый день на допотопном “кукурузнике” мы распыляли химикаты над колхозными полями. По командам летчика включал и выключал распылитель. Мы взлетали и садились для дозаправки с десятков раз и летали на высоте “бреющего полета”. Восторгу моему не было предела.

А осенью моя подруга поразила тем, что стала чемпионкой города среди школьников по художественной гимнастике. Именно тогда осознал, что она необыкновенно привлекательна и может нравиться другим ребятам. В тот день окончательно понял, что люблю Людочку, и мне еще предстоит бороться за ее признание. И тогда решил удивить ее так же, как она удивила меня. Через месяц меня приняли в аэроклуб – на курсы подготовки планеристов. Людочка была в восторге.

Весна шестьдесят первого года стала нашей с Людочкой первой весной. Мы объяснились без слов и все дни, оставшиеся до моего отъезда в Крым, были так счастливы, как никогда больше потом.

Крымское лето подарило мне крылья. За три месяца ежедневных полетов освоил столько, что был отмечен инструктором, который пригласил меня на командные сборы планеристов и предложил обучаться по особой программе. В то лето я видел небо и землю такими, какими не видел больше никогда.

Но, с осени началась черная полоса моей жизни. Без объяснения причины, моя любимая Людочка порвала все отношения на долгих пять с половиной лет. А через месяц узнал, что не прошел медкомиссию военного училища летчиков. Вдобавок меня тут же отчислили из аэроклуба. Я потерял подругу и любимую. Я потерял мечту. Я разом потерял все, чем жил в юности.

Долгие годы душа разрывалась от боли. И эту боль я доверял только моим стихам и никому больше. Никто, даже друзья, не знали о том, что творилось в моей душе. А внешне был бодр, даже весел и хорошо учился, почти не прилагая усилий.

Учебу на первом курсе авиационного института мне, как и многим студентам технических вузов, пришлось совмещать с работой на авиационном заводе. С непривычки было тяжело, зато отвлекало от тяжелых дум. А на втором курсе, когда нагрузка спала, и осталась лишь учеба, беда навалилась с удвоенной силой. И я не выдержал. В институте мне было неинтересно всегда, а в состоянии депрессии – невыносимо тоскливо. Я перестал посещать занятия, не стал сдавать весеннюю сессию, и был отчислен.

Под давлением родителей согласился с их неверным решением и вместо срочной службы в армии угодил в военное училище. Бывшее ХВАИВУ уже изменило профиль обучения – стало готовить офицеров для ракетных войск стратегического назначения. Теперь оно называлось командно-инженерное училище – ХВКИУ. От авиации сохранилась лишь летная форма.

Так в круг моих интересов вошла ракетная техника. Я готовился стать военным инженером-ракетчиком. И на три года моим домом стала казарма.

Лето шестьдесят шестого года стало поворотным в моей судьбе. Черная полоса продолжительностью в пять лет стала светлеть. В Бердянске, где отдыхал в семье Саши Бондаря, с которым дружил все пять лет учебы в училище, познакомился с удивительной девушкой – Валею Кузнецовой. Валя-Валентина, как ее звал тогда, вернула меня к жизни, вселила уверенность в себе, подорванную годами самоотречения. Она была инициатором нашего бурного романа. Эти трое суток в городе у моря запомнились нам обоим на всю жизнь.

Увы, внезапно мы потеряли друг друга на целых три года. А когда встретились, она уже была замужем за Сашей. Именно тогда я потерял его как друга.

Осенью того же шестьдесят шестого года случайно встретил подругу Людочки. В непросто разговоре неожиданно узнал, что это она расстроила наши с Людочкой отношения, оклеветав меня перед любимой. От нее же стало известно главное – все пять с половиной лет нашей разлуки Людочка не забывала нашу весну. У нее много друзей, но она, как и я, до сих пор одинока.

Три с половиной года Людочка избегала любых разговоров со мной, еще два года мы не виделись вовсе. Но стоило ей прочесть мои стихи, которые передал через подругу, поняла, как ошибалась все эти годы.

И вот мы встретились. Мы взглянули в глаза друг другу, и слова стали лишними. К нам вновь вернулось счастье взаимной любви.

Но, это уже было горькое счастье. Людочка знала, что безнадежно больна, а потому, вопреки чувствам, не хотела развивать наши отношения. Она была готова пожертвовать своей любовью ради моего мнимого счастья. Но, я любил мою Людочку так сильно, что просто не мог поверить в неизбежное и был готов на все, чтобы его предотвратить. Моя бесконечная любовь придавала силы. Я развил такую бурную деятельность, что даже Людочка поверила, что может быть спасена. Мы впервые объяснились, не скрывая чувств и сомнений, и решили соединить наши судьбы, какие бы испытания не готовила нам жизнь. Мы объявили о помолвке, и моя любимая Людочка стала моей невестой. С того дня она стремительно пошла на поправку.

Но, чудес не бывает. И полгода счастья закончились внезапной смертью любимой. Моя душа умерла вместе с Людочкой. Утешало лишь, что она ушла, не разочарованная жизнью. Мир опустел без моей Людочки. Стало неинтересно жить. Ведь, чего бы я не достиг, об этом никогда не узнает моя любимая.

Нет больше глаз, отражавших Вселенную.

Жизнь твоя – чудо неповторимое –

Вмиг промелькнула, неудержимая,
В светлую память, в твой образ нетленный.

Но, однажды вспомнил, что, прощаясь со мной, она взяла обещание “учиться всему и всегда”. И тогда я с головой погрузился в учебу, на время подавив свои чувства.

Моя дипломная работа была признана лучшей. Но, меня не оставили в училище. Не направили и в строевую часть, хотя “доброжелатели” уже подготовили именно этот вариант. Вместе с Сашей Бондарем и еще двумя сокурсниками меня распределили в испытательную часть научно-исследовательского полигона, широко известного под громким именем “Космодром Байконур”.

Прощаясь с родным городом, посетил наши с Людочкой памятные места, где мы были так счастливы. У могилы любимой долго вспоминал эпизоды нашей жизни и неожиданно понял, что обязан сделать все, чтобы сохранить память об этой неповторимой девушке, о нашей с ней чистой дружбе и большой любви. Впервые появилась конкретная цель, которая придала некий смысл моей унылой жизни.

К месту назначения ехали вдвоем – Валя с Сашей и я. Для нас с Валею этот путь оказался непростым. Мы встретились с ней через три года безвестности и, наконец, выяснили, кем и как были разрушены наши отношения. Я не принял ее неразумного предложения отстать от поезда и вернуться домой. Валя все еще нравилась мне, но в глубине души понимал, что любить ее так, как любил Людочку, уже не смогу никогда.

Меня распределили в часть, которая проводила летные испытания ракеты Н1. В то время это была самая мощная космическая ракета-носитель страны – аналог американской ракеты “Сатурн 5”, обеспечившей высадку космонавтов на Луну. К сожалению, С.П. Королев не успел довести этот проект до этапа летных испытаний. А без него работа шла трудно, если не сказать больше – безнадежно плохо.

Часть уже провела два аварийных пуска. Вторая запущенная ракета взорвалась прямо на стартовом сооружении. И “правый старт” потом восстанавливали несколько лет.

Меня назначили начальником бортового расчета стартовой команды и поселили в гостинице части прямо на площадке. На левом старте, который не пострадал при взрыве, уже стоял макет ракеты. В первый же день меня определили в наряд по его охране. И закружилась карусель бесконечных нарядов. Я бы навсегда утонул в том водовороте, если бы не моя специальность.

Уже через месяц меня освободили от всех нарядов и приставили к ракете. Я оказался на виду – в эпицентре событий. Как губка впитывал все, что узнавал в процессе круглосуточной посменной работы, и через два месяца уже ничем не отличался от моих сменщиков. Но, глубокой осенью макет сняли со старта и вернули в МИК для доработок.

Мне удалось удержаться в составе технической элиты – отныне я вел все занятия по специальной подготовке.

Напряженная работа не давала расслабиться, но в номере гостиницы, где оставался наедине с собой, на меня тяжким грузом наваливалась тоска одиночества. В конце концов, поступил как все – присоединился к одной из многочисленных пьющих компаний.

Зиму почти не заметил – она пролетела в тщетной суете бесконечных нарядов и в пьяном угаре однообразных вечеров и выходных дней.

А на излете зимы у меня появилось свое дело. Мне поручили сделать спецкласс с тренажерами для подготовки боевого расчета. В той работе я почувствовал себя главным конструктором. Да собственно так оно и было – я руководил коллективом единомышленников, и все мои решения были окончательными. В сжатые сроки пришлось разобраться с алгоритмом работы всех бортовых и наземных систем и создать имитаторы этих систем. Это творчество

увлекло настолько, что отдавал ему все мое время и душу. И все получилось. Системы и агрегаты работали, как часы.

– Так бы настоящие функционировали. Ракета давно бы летала, – заявил командир части полковник Ширшов, председатель конкурсной комиссии.

В конкурсе к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина мы заняли первое место. Меня, как победителя конкурса, наградили юбилейной медалью.

А потом произошли события, которые радикально изменили мое представление о работе и, соответственно, мое к ней отношение. Мы уже с месяц работали с макетом на старте, когда узнал, что наш спецкласс полностью уничтожен. Оказалось, накануне прибытия какой-то комиссии командование решило скрыть следы воровства, которое велось в части с размахом. Списанным имуществом, якобы уничтоженным при взрыве ракеты, нагло торговали. В Куйбышеве был пойман и изобличен некий начальник цеха. А потому командование приказало срочно закопать в степи все, что сохранилось с правого старта и было припрятано для продажи. Никто не стал разбираться в происхождении деталей электроники, и нашу самодельную аппаратуру спецкласса сломали и выбросили заодно.

Я был морально раздавлен.

По рекомендации командира части взял отпуск. В отпуске и сразу после него долго и мучительно размышлял о будущем. Было очевидно, что спецкласс – это самое большое мое техническое достижение. Другой такой случай, вряд ли представится. Остальная работа – это выполнение несложных операций по обслуживанию ракеты. В перспективе – контроль выполнения подобных операций, а в более отдаленной – организация обслуживания в целом. И это все?! Скорее всего, да.

Вывод был очевидным. Армия – основное препятствие на пути к моей цели. И я сделал решительный шаг – подал рапорт об увольнении. С того момента началась моя многолетняя борьба с бездушной бюрократической машиной государства. Куда только не писал свои просьбы и жалобы – главному ракетных войск, министру обороны, главе государства – стандартный ответ с отказом получал от одного и того же виртуального лейтенанта Макарова. Все эти годы он так и оставался все в том же скромном звании. И ничего не происходило. Ничего. Это обивало.

Все лето и осень прошли в бесконечных работах с макетом. А зимой вновь вереницей потянулись тоскливые вечера и выходные дни.

И лишь с приходом весны часть зашевелилась. Начались бесконечные смотры и проверки. Но, я так и не дождался их завершения – меня направили в МИК для приемки летного изделия. Вскоре ракету вывезли на старт, но вместо подготовки к пуску начались ее доработки прямо на стартовом сооружении. Для меня это мало чем отличалось от привычных работ с макетом. Через полтора месяца таких работ мы уже почти забыли, для чего в конечном итоге вывезли ракету. Казалось, что ее, как и макет, вскоре снимут и увезут в МИК.

Но, доработки все же провели, и начались контрольные проверки систем ракеты. Шли недели, а проверки упорно “не шли”. “Управленцы” тихо сходили с ума от бесчисленных отказов электроаппаратуры. Но, всему приходит конец.

Началась подготовка к пуску. В тот раз мне пришлось устранять неисправность во время заправки ракеты. За двенадцать минут до пуска мы с коллегой и приданным нам для связи радистом последними покинули старт.

Увы. И этот пуск оказался аварийным. Ракета ушла со старта, но через несколько секунд полета развалилась. Зрелище аварийного пуска было впечатляющим. Но это была картина гибели того, что многим из нас уже представлялось почти живым существом, с которым за

время работы сроднились и которому сочувствовали. А потому в тот день у многих ракетчиков на душе было тяжело.

В июне семьдесят первого года я женился, что еще больше осложнило мне жизнь. К счастью, жена разделяла мои устремления, иначе с мыслями об увольнении из армии пришлось бы расстаться. Ведь семья – это ответственность не только перед самим собой, но и перед теми, кто тебе дорог.

К удивлению, естественные изменения в личной жизни были восприняты моими родителями “в штыки”. Им не понравился мой выбор. Но, они не одобряли и моей дружбы с Людочкой, которая была для меня всем. Мне кажется, родителям не подошла бы никакая моя невеста. Но, Татьяна уже стала моей женой и ждала нашего ребенка. Тем не менее, наш отпуск был превращен ими в ад. Неожиданно “масла в огонь подлила” Валя, которая появилась в Харькове, когда огонь уже затухал. Теперь же он разгорелся с новой силой. В этот раз Валя предложила мне сбежать с ней в Бердянск, куда она направлялась.

После отпуска выяснилось, что квартиру в Ленинске мы сможем получить только в порядке общей очереди. А пока нам разрешили поселиться в гостинице части, но в платном “элитном” номере. В декабре проводил Таню в аэропорт. Она улетела домой в Москву, а я снова остался один, наедине со своими невеселыми мыслями.

Одиночество скрасил новый сослуживец Саша Дудеев, с которым постепенно сблизился, интуитивно ощущая родство душ.

В январе семьдесят второго года родилась дочь Светлана, а в марте я впервые увидел наше сокровище. Было известно, что жить с ребенком в гостинице части запрещено, поскольку она находилась в опасной зоне. Но в предоставлении квартиры нам окончательно отказали. И я с новой энергией продолжил безнадежную борьбу за увольнение из армии.

Очевидно по команде сверху, ко мне, наконец, проявили интерес спецслужбы и политорганы. Меня стали вызывать в свои кабинеты эти странные люди и информировать, какие кары меня ждут, если буду настаивать на своей вполне законной просьбе.

В разгар лета, оставив Светлану с бабушкой, в командировку приехала Таня. Она оказалась рядом со мной вовремя. Потому что моя бесконечная депрессия постепенно развивалась в болезнь. Но, едва вышел из этого состояния, Таня сообщила, что больше не сможет здесь оставаться, поскольку скучает без дочери. Она прервала командировку и уехала домой. Я не очень расстроился, потому что впереди был долгожданный отпуск.

А накануне отъезда Тани мы навестили Сашу Дудеева. Он находился в психиатрическом отделении госпиталя, куда его определило командование полигона после ряда дисциплинарных взысканий. Саша сказал, что его, скорее всего, комиссуют по болезни, которой у него разумеется нет. И это, похоже, единственный способ уволить из армии офицера.

Из госпиталя Саша вышел накануне моего отпуска. Его комиссовали, и теперь ему осталось только дождаться приказа и оформить документы. Служба в армии для него окончилась. Саша проводил меня на поезд, и мы расстались с моим армейским другом на несколько лет.

Уже в отпуске, размышляя над словами Саши, придумал способ, как обойти непотопляемого лейтенанта Макарова. Из отпуска вернулся с надеждой.

А в части ждала новость – начало работ с очередным летным изделием. Работы по приемке ракеты уже шли полным ходом. Теперь в нашей команде самым опытным начальником расчета был я. Время в напряженной суете полетело незаметно.

Отшумели пыльные бури осени, похолодало, а ракета все еще была на старте. Проблемы все те же – низкая надежность электроники. И снова со старта уезжал последним. Когда мы с Петей Ивановым добрались в район эвакуации боевого расчета, ракета уже была в полете.

Визуально полет прошел нормально. Народ ликовал. И лишь по дороге на старт узнали, что и этот пуск оказался неудачным. Обломки ракеты упали в трехстах пятидесяти километрах от старта.

Наступил очередной период бездействия части. А я с нетерпением ждал реакции на письмо Тани на имя Л.И. Брежнева. Увы. Никаких сведений из ЦК КПСС ей больше не поступало. Случайно узнал, что на запрос ЦК наше командование ответило, что я давно переменял решение, а моя жена просто не в курсе. Я ликовал. Это именно тот шанс, который нельзя упустить. Если командование поймет, что обман может раскрыться, оно постарается избавиться от меня способом, которым избавилось от Дудеева.

Время шло, а никакой реакции не было. Меня же загрузили нарядными, как никогда до того. Постепенно снова впал в состояние глубокой депрессии. Мучили ночные кошмары, которые не давали отдыха в период между бесконечными круглосуточными дежурствами. Мои нервы были на пределе. Почти месяц спал по два-три часа в сутки. Но, в этот раз рядом со мной не было никого – ни жены, ни друзей. И в пустые вечера и бессонные ночи я умирал от бесконечной тоски.

И вот стало известно, что на полигон прибыла комиссия ЦК КПСС. Никто не знал цели ее визита. Но, в период работы комиссии командование уже не смогло проигнорировать мой очередной рапорт об увольнении – он был зарегистрирован.

Меня снова попытались пугать всевозможными карами, но быстро поняли, что лучше этого не делать. В итоге я, как и Дудеев, оказался в палате психиатрического отделения госпиталя. И даже на той же койке, где полгода назад лежал мой друг.

Через два месяца меня комиссовали. В день, когда выписали из госпиталя, мир улыбался мне яркими красками весны. Но прошел месяц томительного ожидания перемен, а ничего не менялось. Я изнывал от неприкаянности и чувствовал, что еще месяц, и мне снова потребуется помощь психиатров. А приказа об увольнении все не было и не было.

И мне нестерпимо захотелось попасть на место падения ракеты – туда, где находилась почти вся наша команда. Захотелось проститься с товарищами по службе и еще – со своей молодостью, которая, я это чувствовал, уходила от меня вместе с армейской службой.

Это путешествие в центр пустыни едва ни стоило жизни. Волей случая, поисковый отряд, с которым отправился за обломками ракеты, заблудился. Вертолетчики нашли нас на третьи сутки, когда мы, высушенные беспощадным солнцем пустыни, уже умирали от обезвоживания.

Я сбежал из госпиталя, куда нас доставили вертолетами, и с трудом добрался на свою площадку. На следующий день мне сообщили, что приказ подписан. Я уволен из армии. Я добился цели, к которой стремился более трех лет, а радости, как ни странно, не было. Те три дня в пустыне что-то во мне надломили.

И вот за два дня из раскаленного ада среднеазиатской пустыни я переместился в зеленый рай умеренно теплого московского лета.

Я по ветру пушу
Пыль растоптанных дней,
Как на крыльях, домой
Полечу налегке.
Напоенные счастьем
Свободы моей,
Песни новых стихов
Зазвучат по весне.
Нежной зеленью встретят

Родные края –
Я давно уж забыл
Цвет зеленых полей –
Там, в цветущих садах,
Под журчанье ручья
Встречу утро грядущих
Бесхитростных дней.

Всего год назад, сочиняя эти строки, именно так представлял себе мгновение моего освобождения из добровольного рабства. Но все оказалось как-то буднично, не столь романтично, как в стихах. И лишь когда взял на руки и обнял мою маленькую доченьку, сердцем ощутил, что в моей жизни действительно произошли радикальные перемены.

Правда, пока все перемены шли лишь в одну сторону – я стремительно “обнулялся”. И вот он пресловутый нуль достигнут. Из документов, удостоверяющих личность, у меня на руках лишь предписание – прибыть в райвоенкомат города Харькова. Весь пакет документов направлен именно туда, а не в Москву, где живет моя семья. Все мое имущество – в моем чемодане. Другого у меня нет. Нет у меня и денег – все, что полагается, мне должны выдать, когда оформлю “гражданские” документы в Харькове. Неясен и вопрос с пропиской. Ведь дома меня ждут, как гостя, а не в качестве лица, претендующего на жилплощадь. А без паспорта с пропиской меня не примут даже на простую работу. И с какой пропиской? С харьковской в Москве не устроиться. Мысли, мысли, мысли.

С этого самого нуля теперь начнется моя новая жизнь. Хотя, какая она новая? Столько всего позади. У меня хоть и маленькая, но семья. Совсем недавно, во время краткосрочного отпуска, я перевез ее на новую квартиру. Эту квартиру получила теща – на себя, дочь и внучку. И снова мысли, мысли, мысли.

Но, за два дня в Москве я все же кое-что сделал, чтобы, наконец, сдвинуться с нулевой точки. Прежде всего, мы с Таней съездили в Подлипки, где мне удалось разыскать людей, с которыми работал на полигоне, и договориться о работе в центральном конструкторском бюро – ЦКБЭМ. Посетил институт радиоэлектроники и автоматики – МИРЭА, в котором предполагал заочно получить дополнительное образование.

В родном городе ждали перемены. Родители получили квартиру в отдаленном районе города, вовсе мне незнакомом, чужом. Так что мое возвращение домой оказалось мнимым. Впрочем, отныне мой дом должен быть там, где живет моя семья.

В райвоенкомате “обрадовали” тем, что документы придут не ранее, чем через месяц, а пока предложили отдохнуть.

Весь мой второй день в родном городе я провел на кладбище у могилы моей любимой Людочки. Я рассказал ей обо всем, что со мной случилось. Я разговаривал с ней так, словно она была рядом, словно была живой. Проговорив сам с собой целый день, внезапно реально ощутил перед собой страшную бездну, которая навсегда разлучила меня с любимой.

Над могилой твоею цветы
Выткали яркий узор.
А я знаю, что это ты,
Смерти наперекор.
Это дыханье твое
В прозрачных алмазах-росинках,
Это твоя красота
В утренней свежести листьев.

Для меня ты – мгновенье и вечность.
Мгновенье наших встреч
И вечность разлуки
НАВСЕГДА.

Этим стихотворением я завершил мою первую повесть, озаглавленную “Odnoklassniki.ru. Неотправленные ПИСЬМА другу” и посвященную светлой памяти Людочки Кучеренко.

В той повести я рассказал о наших детстве и юности, о первой любви, которая стала для нас обоих большой любовью на всю жизнь. Там подробно рассказал обо всем, что здесь, в предисловии, изложил конспективно.

А сейчас перед Вами повесть о моей “гражданской” жизни в удивительной стране, под названием СССР, на излете ее существования.

Глава 1. На нулевой отметке

Я проснулся оттого, что кто-то топтался в дверях комнаты. С трудом открыл глаза. Так и есть, на пороге улыбающийся отец с небольшим подносом в руках.

– Проснулся сынок? – спросил батя, хотя, конечно же, увидел, что не сплю. Впрочем, в таком полумраке, если специально не приглядываться, действительно не разглядеть, – Может, поправим здоровье, сынок? Вчера в Мерефу съездил, такой первачок привез. Горит. Градусов на семьдесят потянет, – бодро рассказывал он, пристраивая меж тем свой поднос, на котором обнаружил маленький графинчик, пару рюмочек и несколько кусочков черного хлеба с настоящим украинским салом.

Да-а-а. Мерефянский самогон это вещь. Харьковские казаки большие спецы по этой части. Помню, как мы с отцом навестили его друга – дядю Ваню Запорожца. Тогда еле уехали из той Мерефы аж на третьи сутки. Выпитого самогона на месяц бы хватило, а там, на свежем воздухе, да при отличной закуске! Нет слов. И еще поразило, что казаки пили не рюмками, а гранеными стаканами, и не пьянели. Лишь хорошо набравшись, валились сразу. Пили все, включая старушек и даже малолетних детей. Детям, правда, не наливали, а делали “тюрю” – крошили в мисочку белого хлебушка и поливали самогоном и медом. Пятилетняя дочка дяди Вани, отведав такой тюри, быстро и без обычного скандала уже через полчаса отправилась спать. Да и сало в Мерефе умеют делать. Великолепное сало. Ну, а харьковский черный хлеб – это особый разговор. Помню, как мама Саши Бондаря попросила, чтобы он всякий раз, приезжая на каникулы в Бердянск, привозил в качестве подарка буханки три харьковского черного хлеба.

– Привет, батя, – поприветствовал отца, – Не откажусь за компанию. А что так темно? Может, откроем окошко? – потянулся я к плотным оконным занавескам.

– Что ты, сынок! Лучше свет включим, если темно, – вдруг всполошился тот.

– Что за маскировка? – не понял я.

– Да этот дурацкий первый этаж. Такой неудобный. На старой квартире проблем не было. А здесь мать даже хотела решетки на окна установить. Так я сразу отбой дал. Мне в тюрьме эти решетки глаза намозолили, а тут еще дома за решеткой. А вот занавески приходится закрывать. Кто не пройдет, обязательно заглянет. И что за привычки у людей, – возмутился отец.

– Чем это вы там занимаетесь? – заглянул к нам Сашка, средний брат, – Привет, Толик. Понятно. Лечишься после вчерашнего, – тут же определился он, закуривая меж тем сигарету.

– Привет, Санька. Ты что курить здесь собрался? – удивился я.

– Да я потихоньку. Ладно, батя, наливай. А то мы что-то много говорим. А Толик страдает.

– С чего ты взял, что страдаю? – возразил ему.

– Да ты вчера пришел на себя не похожий. Одежда, будто где-то валялся. Как пришел, так и лег. Все признаки, – выложил свои наблюдения Сашка.

Я не стал спорить, разубеждать. Пусть лучше думают, что действительно выпил с кем-то из друзей. Вряд ли поймут, если расскажу, что целый день пробыл на кладбище у могилы Людочки. И промок под проливным дождичком, и высох под теплым солнышком. И за целый день ни крошки, ни капельки во рту. А когда домой пришел, тут же лег и уснул. Слишком переволновался в тот нелегкий день, да и не хотелось, чтобы спрашивали. Никого не видел с утра, никого не захотел видеть и вечером. Весь день посвятил самому дорогому человеку – моей любимой Людочке.

Едва выпили по первой, заглянул младший брат Володя. От выпивки отказался, но вскоре, к моему ужасу некурящего, обнаружил, что в небольшой комнатухе курят уже трое.

Какой кошмар! Выставил всех из помещения, открыл занавески и форточку. Не знаю и не хочу знать ваших порядков. Душегубка, а не комната. При ярком свете дня обнаружил, что белые тюлевые занавески пожелтели от никотина. Ну и ну!

Заправив по армейской привычке кровать, пошел умыться. Боже мой! Из двери кухни в коридор валят густые клубы табачного дыма. Оказалось, вся троица уже окуривает там бедную маму и, как оказалось, не только ее. И на кухне все светлые занавески тоже пропитаны никотином. Сколько же лошадок накрылось бы от таких доз, а этим все нипочем. Тут же выгнал бестолковую троицу за двери, на лестничную клетку. Поворчали, но гостя послушались.

На кухне мама готовила завтрак, а Тамара, жена Сашки, в такой жуткой атмосфере кормила годовалого племянника Сережу. Не обращая внимания на всеобщее возмущение, я и здесь открыл весь набор занавесок и форточку. Понятно теперь, почему мама постоянно кашляет. Типичный пассивный курильщик. Скоро и Тамара закашляет, а там и Сережа, как и его непутевый отец, лет с семи задымит вместе с мужским коллективом.

Умывшись, прошел в “большую” комнату. Там уже накрывали стол. Ну и квартирка. Называется, улучшили жилищные условия. Старая квартира на втором этаже нашего двухэтажного домика дореволюционной постройки и та была больше, да и гораздо удобней, хоть и без туалета и, разумеется, без ванной.

Собственно, квартиры там, как таковой, не было. Когда нас переселили из лагеря военнопленных, отцу выделили ее как комнату в коммуналке. Просторная, с высокими потолками, она размахнулась на 35 квадратных метров. Ее перегородили деревянной перегородкой, получив две комнатухи и небольшой уголок у печки. Был еще и чуланчик – типичная девятиметровка, но без окон.

Топили в основном углем. Запасы дров и угля хранили в сарайчике, расположенном во дворе. Во дворе размещались и “удобства” – в большом кирпичном сарае. В детстве поход в туалет был для нас, детей, пыткой. Причем не только зимой, но и летом. Там жили гигантские крысы, которые никого и ничего не боялись. Они копошились в громадной куче бытовых отходов, которые сносили жители близлежащих домов. Поговаривали, что крысы нападали на детей. Так ли это, не знаю, но без палки мы, дети, да и женщины тоже, в туалет не входили. Дежурная палка всегда стояла у входа.

Воду для всех нужд брали все в том же надворном туалете, где была единственная на всю округу раковина с водопроводным краном. Ее носили оттуда, как в деревне – ведрами на коромыслах. Лишь года через два прямо в наш чуланчик провели водопровод.

Купаться ходили в баню, которая располагалась довольно далеко – за городком общежитий “Гигант”. Странное название этой бани – “Лазня” – в детстве очень веселило, пока не узнал, что по-украински это слово, собственно, и означает “баня”. А рядом была еще более забавная вывеска “Перукарня”, хотя там ничего не выпекали, там была парикмахерская. А дальше – совсем непонятное “Пико. Плисе. Гофре” и “Панчохи та шкарпетки”. По подобным вывескам я и учился читать, а заодно осваивал украинский язык.

Когда мне было лет десять, дом газифицировали. Большую печь сломали, а на ее месте появилась компактная газовая. Уголок у печки разгородили, а в громадной общей прихожей установили необычные газовые плиты, заменившие привычные керосинки и керогазы. Вскоре, по всеобщему согласию, прихожую перегородили, и получились три небольшие кухоньки. Самая удобная оказалась у нас. Она единственная вышла не проходной, как у соседей, и стала только нашей кухней-прихожей. Благодаря этой самодеятельной перестройке, в каких-то документах, составленных комиссией по инвентаризации, все это безобразие почему-то обозвали трехкомнатной изолированной квартирой, а потому отца долго не ставили в очередь на улучшение жилищных условий.

И вот их, наконец, “улучшили”, как оказалось, всего на один квадратный метр. По проекту новая квартира значилась двухкомнатной, площадью 36 квадратных метров. Но “умельцы” быстренько установили дебильную кирпичную перегородку, разделив большую комнату на две маленькие – восьмиметровку и шестнадцатиметровку. Заодно разделили пополам и единственное большое окно, выходящее на лоджию, отчего обе комнаты стали темными. Даже днем в них наблюдался устойчивый полумрак, усугубляемый постоянно закрытыми занавесками.

– Батя, как же ты, следовательно, допустил, что тебя так бессовестно нагрели с этой квартирой? – спросил отца, едва сели за стол.

– Что нагрели, то нагрели. В порядке они ее записали трехкомнатной, а общую площадь вписали в графу “Жилая”. Когда уличил, начальник тюрьмы сказал по-простому: “Ты, Афанасий, уже пенсионер. Не хочешь, не бери. Желающие найдутся, а ты снова будешь лет десять первым на очереди, пока еще один дом не построим. А там, глядишь, она тебе вообще не понадобится”. Так-то. Грубо, но доходчиво. А когда ему сказал, что в ордер почему-то не включили невестку с внуком, рассмеялся. Вот тебе и выход, говорит, думай. Так что неизвестно, сынок, кто кого нагрел. Вот я и подумал. Пусть Сашка с Тamarой и Сережей там остаются. А тут ты еще появился. На троих нам эту квартиру могут и не оставить, а на четверых обязаны.

– Батя, я в Москве буду жить. Там теперь моя семья. Вот оформлю документы и поеду, – невольно сообщил о своих планах. За столом наступила гнетущая тишина.

– А ты с нами посоветовался, прежде чем принимать такое решение? – тут же взорвалась мама.

– Мама, ты меня удивляешь. Вы сами определили меня в военное училище. Оттуда, тоже меня не спросив, направили служить в Казахстан. Если бы остался в армии, все время службы прожил бы в Ленинске. Таких там полно, кто еще с основания города живет. И лишь лет в сорок пять вырвался бы оттуда. Да еще неизвестно, где бы мне предоставили жилье. Одному подполковнику, нашему земляку, обещают квартиру аж в Чирчике. А он уже эту Азию на дух не переносит.

– Ты бы все равно в Харьков приехал, как сейчас, – продолжила гнуть свою линию мама.

– Я не знаю, что с нами будет через семнадцать лет. Да мне это уже не интересно. Я уволен из армии, и сейчас никто. Фактически на нулевой отметке, как у нас говорили в части. Самое время подумать, как жить дальше. Вот я и думаю. В Москве масса предприятий по моему профилю, а в Харькове – всего одно, и то не по моей специальности. Да и моя семья живет в Москве.

– Работать можно, где угодно, – все еще пыталась спорить мать. Отец же, похоже, все понял и теперь сидел, нахмурившись и не ввязываясь в разговор, – А эта твоя семья еще неизвестно, примет ли тебя на свою жилплощадь. Тебе не стыдно примаком быть? Ты еще не знаешь, что такое с тещами и свекровьями жить, – продолжала она агитировать и запугивать.

– Мама, я не хочу работать, где угодно. Мне хочется работать в конструкторском бюро. Мне нравится именно такая работа. В Москве уже договорился обо всем. Меня берут старшим инженером в наше Центральное конструкторское бюро. Можно сказать, по благу, потому что знают много лет по работе. Был я и в институте радиотехники. Там готовы принять сразу на четвертый курс на вечернее отделение. Ну а про все остальное и говорить не хочется. Не примут на жилплощадь, буду думать, что делать. Знаю только, будет работа, будет и жилье.

– Ладно, давайте завтракать, а то все стынет, – прервал наш спор отец. Я облегченно вздохнул. Первое сражение, похоже, выиграл. Но, увы, вряд ли оно последнее, и сколько их еще предстоит, пока буду “отдыхать” в Харькове, не знаю. Но, думаю, немало. Мама у нас человек упорный.

После завтрака решил съездить на старую квартиру. Там прошли мои детство и юность. Там осталось все из прежней жизни. А здесь – как в гостях. Лишь изредка на глаза попадется то один, то другой предмет, напоминающий о прошлом. Даже мебель и та другая. Ею мама уже похвалилась еще в день приезда. На нее, оказывается, копили деньги, которые им высылал. Года три назад записались в очередь, а она до сих пор не подошла. Все решилось проще – у отца впервые в его долгой жизни появился “блат” в мебельном магазине. Оказалось, грузчиком там работает его бывший сослуживец по лагерю военнопленных. Он-то и организовал отцу контакт с мебельными спекулянтами, а потом сам отобрал мебель прямо на складе и доставил на новую квартиру.

Едва заявил о своем желании, тут же захотели ехать все, включая Тамару с младенцем. Ехать таким табором совсем не хотелось, но выбора не было.

И вот мы уже громыхаем ступенями открытой железной лестницы, ведущей на второй этаж родного дома. Я не был здесь целых два года. На веранде тепло встретила наша соседка тетя Дуся – интеллигентная женщина, бывшая балерина. Сколько ее помню, она нигде не работала. Нас это удивляло, потому что детей у нее не было, и ей не за кем было ухаживать. Однажды она пригласила меня с братом в свою комнату и угостила пирожными. Ничего подобного мы еще не пробовали. Но больше, чем пирожные, удивили развешанные по стенам комнаты старые театральные афиши. На некоторых была изображена молодая тетя Дуся в балетной пачке. Тогда-то мы поняли, кем в молодости была наша соседка. Тогда же узнали, что балерины очень рано выходят на пенсию.

Пока мама разговаривала с соседкой, а остальное сопровождение неспешно втягивалось в квартиру, немного постоял на своем любимом месте веранды. Как всегда, нахлынули воспоминания.

Помню, как троица наших давних “врагов” во главе с Толиком по кличке Фриц загнала нас с братом сюда – на эту веранду. Не решаясь преследовать на пороге квартиры, ребята стали бросать камни. Они не долетали и лишь грохотали по железной лестнице, а мы в ответ дразнили Фрица и смеялись над ним. Он и его друзья уже пошли в первый класс, а мы с братом нет. И нам было весело оттого, что такой большой не может добросить камень до второго этажа. У меня это давно получалось. Его товарищи уже отошли от лестницы, а Фриц все не унимался.

И вдруг увидел, что кусок кирпича не отскочил от железа, а, скользя вдоль ступени, на мгновение задержался на лестнице. Недолго думая, остановил ту четвертушку ногой. Теперь я был вооружен. Фриц это понял и отбежал подальше от лестницы. Но, я уже метнул свой снаряд. Как в замедленных кадрах кинохроники и сейчас вижу тот красный камень, который, отскочив от асфальта, какими-то замысловатыми прыжками приближается к противнику. Он же, оторопев от ужаса, смотрит на скачущий к нему увесистый предмет и не может сдвинуться с места. Наконец, камень с силой ударяет его прямо в щиколотку. Фриц приседает от боли и оглашает двор громким ревом. Нам его не жалко – получил по заслугам. Мы торжествуем победу.

После того случая он нас больше не обижал, признав наше право считать двор своим. И вот мы стоим втроем на этом же месте веранды и во весь голос распеваем странную песню. Я запомнил только припев.

Ице русин прахом пидэ,
Кегда захоцемо!

Откуда она взялась, та песня, не знаю. Я почти не понимал ее смысла, потому что она на незнакомом языке. Неожиданно у крыльца остановилась хорошо одетая дама.

– Мальчики, – обратилась она к нам, – Вы хоть понимаете, что поете?

– А як же, – ответил ей по-украински.

– Та вы що, ляхи скажэнни? – спросила она, – Йды-но сюды, хлопче, – так и не дождавшись нашего ответа, обратилась она ко мне. Мы спустились к ней втроем. А она очень внимательно вглядывалась то в меня, то в Толика Фрица. Мы не знали, что подумать.

– Я живу вон в том доме. Пойдемте ко мне, мальчики. Я вас чаем с конфетами угощу. Заодно познакомимся, – неожиданно предложила она.

Взрослая тетя захотела с нами познакомиться. Это было удивительно. Кто же откажется от чая с конфетами осенью пятьдесят первого года, когда и хлеб был не всегда. Но, что ей от нас надо? Посоветовавшись, все-таки согласились, а Сашку оставили на веранде. Пусть видит, куда пойдём. Конечно же, конфет ему ообещали принести.

И вот мы оказались в просторной, почти пустой и очень светлой комнате. Свет шел не только из огромных окон, но и откуда-то сверху. Посреди помещения стояло странное сооружение. А когда женщина сняла с него покрывало, увидели гигантскую картину. На ней был изображен товарищ Сталин. Он сидел за большим письменным столом, а вокруг него в разных позах расположились дети. Некоторые уже выглядели, как живые, а другие были еще только намечены углем. Пока разглядывали картину, женщина принесла чай и коробку шоколадных конфет. Таких мы еще не видели. В лагере меня угощали шоколадом, но он был в плитках. Уже здесь мама иногда покупала нам конфеты-подушечки. А это было нечто особенное. Я скромно взял две конфетки – для себя и для Сашки. Толик, глядя на меня, тоже взял две. Но оказалось, они быстро тают в руках. Женщина рассмеялась.

– Не стесняйтесь, мальчики. Берите, сколько хотите, но по одной. А что останется, возьмете потом с собой, прямо в коробке. Ну, так кто тут из вас поляк? – спросила она. Мы молчали, – А почему поете по-польски?

Мы продолжали смущенно молчать. А женщина продолжила допрос.

– Какие языки знаете кроме русского и украинского?

– Ихь фэрштэе унд шпрэхе дойч, – ответил ей, как сказал бы немцам.

– Надо же! – вдруг удивленно и радостно воскликнула она, – Так ты немец, а не поляк?

– Я не немец и не поляк, – ответил странной тете, не понимая, что ее так обрадовало.

– Странно, – неожиданно расстроилась женщина, – Мальчики, вы оба очень похожи на немецких детей. Я художница. И мне надо нарисовать немецкого пионера. Мне бы повезло, если бы кто-то из вас оказался настоящим немцем. Я бы его нарисовала на этой картине рядом с товарищем Сталиным, – наконец разъяснила свой интерес к нам художница.

– У меня папа настоящий немец. Его звали Адольф. А мама русская, – вдруг тихо сказал Толик Фриц. И я внезапно понял, откуда у него такая странная, оскорбительная по тому послевоенному времени, кличка.

– Он правду сказал, тетя, – поддержал товарища, хотя и догадался, кого она будет рисовать рядом с вождем, – Его потому все Фрицем зовут.

– Правда? – снова обрадовалась художница. Толик только кивнул низко опущенной головой.

А вскоре Фрица переодели в голубую рубашку и даже повязали красный галстук, хотя он и не был пионером. Его посадили рядом с картиной, и художница начала рисовать. Я впервые увидел, как рисуют картины.

Несколько дней подряд мы приходили к художнице. Каждый раз она угощала нас чаем с шоколадными конфетами. И постепенно на картине рядом с товарищем Сталиным, совсем как живой, возник Толик Фриц в синем галстуке немецкого пионера.

И снова я стою на своем привычном месте. А мимо проходит первая осень моей несчастной любви. Моросит мелкий дождик, и душа плачет из солидарности. Природа тихо умирает

вместе с надеждой на счастье быть рядом с любимой. Весь двор усыпан желтыми листьями цвета разлуки. А откуда-то с верхнего этажа дома напротив доносится негромкая душераздирающая песня – чья-то непреходящая боль.

Шпав жувтэ калэндажэ,
Жувтэ калэндажэ шпав.

Что ж, только и остается – сжечь желтый календарь ушедшей жизни. А что дальше? “Я никогда тебя не забуду, Людочка”, – вдруг как заклинание повторяю про себя фразу, с которой плакал в детстве. А сейчас она всплыла в памяти и, похоже, поселилась там навечно, как и бесконечная любовь к моей миленькой подружке, неожиданно ставшей недоступной, чужой.

А вот и она – моя богиня. Легкой походкой она неслышно проплывает над ковровой дорожкой из осенних листьев. Ее гордо поднятая красивая головка так и не качнется в сторону моего приюта, обрекая на вечное одиночество. Она скользнула как легкий ветерок, не возмущив природу, но всколыхнув океан безнадежно любящей души.

Резкий взмах руки и самодельный кинжал глубоко вонзается в древесину подоконника веранды. Вспышка бессильной ярости, обращенная в молнию разящей стали, поглощена расщепленными волокнами мертвой материи. Смерть поглощает все. Чья смерть?

Людочка – это моя жизнь. Людочка – это подарок судьбы, вечную жизнь сулящий. Людочка – это память о первом, еще неизведанном волнении сердца. Людочка – это моя любовь навсегда. Живи, любимая. Живи радостно и счастливо. А я буду тихо стоять в сторонке, как сейчас, и любоваться твоей неземной красотой, чувствуя каждый твой вздох, каждый удар твоего сердца, словно ты это я – недоступная половинка моей бессмертной души.

“НАВСЕГДА” – это слово я вырезал кинжалом на подоконнике веранды в тот дождливый, но еще теплый осенний вечер.

– Паскудник! – взорвалась тишина воплем дяди Коли Василенко, мужа тети Дуси, – Я красил подоконник, старался, а ты его ножом, – возмущался главный умелец нашей коммуналки.

Неожиданно он крепко взял мою правую руку, словно в стальные тиски, не спеша повернул к себе, поднес почти к лицу и стал с интересом разглядывать кинжал.

– Чья работа? – спросил мастер – лучший слесарь автодорожного института, собравший своими руками несколько автомобилей, установивших мировые рекорды.

– Моя, – опасливо ответил ему, понимая, что меня уличили не столько в порче подоконника, сколько в более серьезном преступлении – хранении холодного оружия. Дядя Коля спокойно вынул кинжал из моей руки, обессиленной его мощным “капканом”, и продолжил внимательно осматривать мое произведение.

– Хорошая работа, – наконец заключил он, возвращая кинжал, – Где научился? – спросил, с интересом разглядывая меня. Мы с братьями с детства побаивались дядю Колю. Он был суровым неразговорчивым человеком и любил, мне кажется, только железо и хорошую работу по обработке этого самого железа. Людей он ценил лишь по их отношению к предмету его обожания – железу.

– Основам – в школе. На уроках труда. А особенностям – в кружке авиамоделлистов при Дворце Пионеров, – ответил ему, пряча оружие. Кажется, пронесло.

– Хорошая школа, – снова похвалил дядя Коля, но уже явно не меня, – А что на подоконнике нацарапал? – взглянул он на подоконник, – Хорошо, не ругательство. Возьми у меня кисть и краску. Закрась без шпаклевки. Пусть останется. Сделана от души.

Два года назад эта надпись, сделанная осенью шестьдесят первого года, еще была. А сейчас от нее осталась лишь буква “Н”. И нет на свете моей любимой Людочки. Вот уже больше шести лет.

Нет больше глаз, отражавших Вселенную.
Жизнь твоя – чудо неповторимое –
Вмиг промелькнула, неудержимая,
В вечную память, в твой образ нетленный.

Так ли это? “Нет! Нет! Нет!” – кричит страдающая душа. Людочка – это моя любовь НАВСЕГДА. Людочка – моя невеста НАВСЕГДА. Живи, любимая. Живи в моей памяти и в моих мыслях. Живи, пока я жив.

– Ты где застрял, сынок? – отвлек от воспоминаний отец, – Мы тебя заждались.

И я, наконец, прошел через кухню тети Дуси и проходную кухню Абрамовых в нашу кухню-прихожую. Здесь ничего не изменилось за два года. А дальше?

Дальше ощущение жилого помещения исчезло. Нет. Письменный стол отца, сделанный еще немецкими пленными, на месте, но в каком виде. Около него два немецких стула. И это вся обстановка комнаты.

В большой комнате стоит наш разваленный старенький диван. Года три я спал на этом диване, когда он был совсем новым. А вот и никелированная кровать с панцирной сеткой. Сколько же ей лет? Трудно сказать, но я помню ее еще по лагерю. А над кроватью на стене висит все тот же репродуктор военной поры. Как ни странно, еще работает. Оттуда несетя бодренькая музыка.

Я подошел к окошку в маленькой комнате и взглянул на вход в общежитие “Гигант”. Сердце, как всегда, екнуло. Там все без изменений, лишь деревья подросли, да не стало клумб и лужаек напротив здания. Все пространство безжалостно вытоптано стадами бесконечной череды студентов, снующих туда-сюда, не разбирая дорог.

Больше смотреть не на что. Нужен хороший ремонт. Сказал об этом Саньке с Тамарой. Восприняли без энтузиазма. Похоже, эта квартира больше не интересует никого. Странно.

Уже на выходе встретили Моисея Марковича – брата нашего соседа Михаила Марковича Абрамова. Оба брата преподавали математику в автодорожном институте. В мои юные годы Михаил Маркович был палочкой-выручалочкой. Едва возникал дефицит времени, я тут же подключал его к решению задачи, которая не выходила сходу. Выдав задание, уносился к своим моделям или на тренировку, а когда возвращался, готовое решение уже лежало на нашем с отцом письменном столе, и я бежал благодарить профессора. Он лишь смеялся.

– Да ты сам такую задачку в два счета решишь. У тебя математический склад ума. Я-то вижу, – частенько говорил он.

– Михаил Маркович, если бы у меня были эти самые два счета. А то только один. Подумать чуть-чуть – времени не хватает, – оправдывался, как мог.

– Ты прав. В молодости времени всегда не хватает, – грустно вздыхал он.

Я застал его пожилым человеком. Он умер, когда я еще учился в школе. Но, он был первым уважаемым мной ученым человеком, кто сообщил мне о каких-то там способностях. Вторым стал наш математик Яков Яковлевич Корф – “Я в квадрате”, как его называли в школе. Это его своевременное признание спасло меня в период депрессии, которую переживал осенью шестьдесят первого года – в выпускном десятом классе. Именно он вытащил из трясины уныния, в которую погружался все глубже и глубже.

Нет уже и Нины Васильевны – жены Михаила Марковича. То была удивительная женщина, увы, плохая домохозяйка. Ее можно было слушать часами. Ее познания о мире театра и кино были энциклопедическими. Увы, единственными личными достижениями стали дочь Вера и сын Марик. В них она вложила душу и нерастратченную энергию. Конечно же, кое-что перепало и Михаилу Марковичу.

Моисей Маркович часто навещал семью брата. Особенно, когда Михаил Маркович отошел от дел. Моисей Маркович подхватил эстафету из рук брата – стал профессором, заведующим кафедрой. К нему я обращался гораздо реже – лишь, когда требовалась профессиональная консультация. Но, это уже было в период моей математической подготовки в университете.

Мы вышли в наш дворик. Он вроде бы остался тем же, то есть, очерченным теми же зданиями и сооружениями. Увы, это уже не тот двор нашего детства, который снится. Наш каштан стал еще солидней. Но, величавые гигантские тополя, засыпавшие пухом весь двор, уже лишены своей мощной кроны. Безжалостно кастрированные, они превратились в уродливых карликов – в приземистые толстые столбы, покрытые небольшими шапочками неправдоподобно крупных листьев.

А собственно двор. Теперь это лишь территория. Нет клумб, нет газонов. Нет столов с лавочками и вечными доминошниками. Все утрамбовано, голо, мертво.

– Азохен вей, Майор, – раздался знакомый голосок бабушки Кукли. Боже мой! Она еще жива! Сколько же ей лет – этой бодренькой старушонке, часто отбиравшей наш мяч, едва он отлетал в сторону ее палисадника? Мне кажется, не меньше ста.

– Азохен вей, бабушка Кукля. Здравствуйте, дядя Майор, – поприветствовал соседку и ее зятя, удивительное имя которого в детстве принял за звание, и долго думал, что тот служит в армии или, скорее всего, в милиции, потому что совсем не ходит в военной форме.

– Толик! – мгновенно узнала она, – Как ты вырос! Ты не уехал в Китай? Как там, в Китае? – забросала своими обычными вопросами.

Почему она решила, что я должен был уехать в Китай, не знаю. Но, всякий раз, когда приходил в увольнение из казармы, или позже приезжал в отпуск, непременно расспрашивала меня о моих делах в Китае. Старость не радость. Я обнял ее и утешил: “В Китае хорошо”. Она радостно закивала головой.

Вечером во время семейного ужина предложил сделать ремонт квартиры своими силами. Опыт ремонтных работ у меня был. Да и время моего вынужденного безделья пройдет не в пустых разговорах о моем будущем “на гражданке”, а в реальной работе с пользой для всех.

А моей маленькой тайной было желание побыть одному в родном доме, где прошли детство и юность и где даже стены хранят память о прошлой жизни – о времени, когда, несмотря ни на что, было так хорошо.

Как ни странно, моя инициатива не нашла поддержки семьи. Даже мама высказалась против ремонта старой квартиры.

– Тут в этой квартире дел столько, что за год не переделаешь. Если хочешь, можешь хоть завтра начинать. Прямо с ванной. Там горячая вода течет. Целый бак натекает за час. Не выльешь вовремя – зальет. То же на кухне. Вот тебе и новая квартира, – тут же озадачила мама. Что ж, завтра и начну.

С утра встал рано, когда все еще спали. Дефект оказался сложным. И я отправился в ЖЭК. К моему удивлению, заявку не приняли, хотя были обязаны. Причина отказа рассмешила – на складе нет именно этой детали. Тут же поступило традиционное предложение – договориться с сантехниками.

Аварийную работу сделают вне очереди? Какое счастье! Меня подвели к мастеру, у которого “случайно оказалась своя деталь”. Да-а-а. Жизнь на гражданке имеет свои особенности, но, похоже, такая же паскудная, как и в армии.

– Трояк за деталь, пятерка за работу. Идет? – определил цену вопроса мастер.

– Идет, – ответил ему, прекрасно понимая, что по заявке эту работу должны сделать немедленно и бесплатно. Но, приключения не кончились. Минут через пять снова подошел мастер.

– Знаешь, мы втроем будем работать, а то я не помню, где у вас горячую воду перекрывать.

– Хоть впятером. Мне, какое дело.

– Как какое? Трояк за деталь, да по пятерке на нос. Идет?

– Хорошо устроились, ребята. За такие деньги я и сам сделаю. А потом вами займусь, козлы вонючие.

– Ну, давай-давай, умник. А ключик-то от подвала у нас! – злобно проорал “мастер”. Но, я уже вышел из гнусного заведения по имени “ЖЭК”. А вслед понеслась нецензурная брань оскорбленной троицы, оставшейся без “халтуры”. Удивило, что проглотили оскорбление и не выскочили вслед за мной. А жаль.

В третьем по счету магазине “Сантехника” подходящая деталь нашлась. За полтора рубля купил целых две – так, на всякий случай.

Оставалось придумать, как не свариться в потоке горячей воды, меняя деталь “под напором”. Годы работы с ракетой не прошли даром. Досконально продумав детали операции и подготовившись, мы с братом, страховавшим меня, за тридцать секунд устранили дефект. Окативший нас обоих душ навредить не успел. К счастью, это оказалась самая сложная ремонтная работа в квартире.

За две недели переделал все, что было намечено в мамином списке “Работа для Толика”. Все те дни ни разу не выходил из квартиры. И мне, наконец, предложили передохнуть и съездить в наш садик, расположенный на окраине города. Там был небольшой домик, который мы построили вдвоем с дядей Ваней – мужем маминой сестры. Весь сад тогда посадили в один год лет десять назад, а потому там было, чем полакомиться.

Но, мне и там нашлась работа. По аналогичному маминому списку “Работа в саду для Толика” успел привести в порядок весь садовый инвентарь, пока остальные собирали ягоды. Мимоходом отметил, что фундамент домика все же, как и предполагал, оказался слабоватым. Тогда мы с дядей очень спешили, а потому сделали его из тех материалов, которые были. И мама тут же пополнила свой заметно похудевший список. Да-а-а. Мужиков много, а мужчин, похоже, в семье нет.

Вечером напомнил о своем предложении двухнедельной давности. И снова меня не поддержали. Странно. Оба брата работали художниками во Дворце студентов “Гигант” и ежедневно тратили по три часа на дорогу. Понял лишь Тамару – в новой квартире ей, конечно же, жилось проще. Но и там у нас всегда под рукой была горячая вода – в баке на газовой плите. Странно.

Съездил в военкомат. Мои документы все еще не пришли и придут не раньше, чем через месяц. Еще месяц “на нуле”. Бред какой-то.

Дома объявил, что уезжаю в Москву. Там тоже дел хватит.

Сработало. Наутро родители сообщили, что мое предложение принято, и я могу хоть сейчас приступать к работе. Тут же взял ключи и поехал на рекогносцировку. Жаль, сообщили поздно – поехал бы с братьями. Но, трясясь в переполненном транспорте, сразу представил, что творится в утренние “часы пик”.

Для начала пошел во Дворец студентов навестить братьев на рабочем месте. Мастерская художников оказалась примитивным подвалом, заваленным хламом. Оказалось, это не хлам, а “расходный материал”. Братья вытаскивали подходящих размеров подрамники, смывали старые рисунки и по эскизам делали новые. Работа кипела. Сновали какие-то личности, дающие указания и очередные эскизы. Понял, пора убираться.

Подходя к дому, на лавочке, что у “асфальта”, увидел Милочку Полонскую с детской коляской. “Асфальтом” у нас называли асфальтированную крышу заглубленной трансформаторной подстанции, расположенной по соседству с надворным туалетом. Крыша возвышалась над землей больше, чем на метр, но рядом всегда была лавочка, с которой мы, местная мелюзга, легко попадали на асфальт. Во что только здесь не играли. Поблизости не было окон, которые можно нечаянно разбить мячом. Девочки рисовали свои квадратики и прыгали. В общем, все было при деле. Но самой интересной забавой были прыжки на металлический входной люк в помещение станции. Когда все прыгали друг за другом несколько минут подряд, грохот стоял невероятный. И никто нас не останавливал, потому что здесь мы никому не мешали.

Милочка Полонская. Помню, как много лет назад в нашей квартире возник переполох. Сначала вошла мама с тетей Ноной – соседкой с первого этажа. Тетя Нона держала какой-то сверток, который все долго не знали, куда пристроить. Наконец, его положили прямо на папин письменный стол и развернули. К моему удивлению, в свертке оказалась маленькая девочка. Это и была Милочка. Потом вошла мама тети Ноны – Мария Григорьевна.

Пока взрослые куда-то ушли, я смотрел на девочку. Вдруг она открыла глазки и посмотрела на меня. Потом смешно сморщилась и начала тихонько хныкать.

– Мама-мама! – закричал я, – Скорей все сюда! Девочка смотрит и плачет!

– Что ты так кричишь? – спросила тут же возникшая тетя Нона, – Мы уже идем. А девочку зовут Милочка, – сообщила она имя девочки.

– Мама-мама, – обратился потихоньку к матери, – Значит, ее зовут Людочка-Милочка?

– Да. Я тебе уже говорила, – почему-то сердито ответила мама.

Вскоре посреди комнаты на двух немецких стульях поставили корыто и налили в него теплую воду. Потом меня выставили в другую комнату. А так хотелось посмотреть, как будут купать маленькую девочку. Я сидел в большой комнате и слышал голос матери.

– Какая прелесть. Куколка. Даже фигурка совсем другая. Что значит девочка. А у меня эти мальчишки. Так хочется девочку, – причитала мама сквозь плеск воды. Я и не догадывался, что через три месяца у меня появится младший братик. И мама снова будет огорчена, в этот раз – на всю оставшуюся жизнь. А тогда вдруг стало так обидно. Значит, мама нас с Сашкой совсем не любит, раз хочет девочку. И мне захотелось плакать.

Но тут Милочку принесли в большую комнату и положили в мою кроватку. Этого только не хватало. Похоже, мама хочет обменять нас с Сашкой на эту противную девчонку. И я горько заплакал от обиды.

– Что случилось? – удивленно спросила мама.

– Мама, а где я буду спать? Я же не помещусь с этой противной девчонкой.

Взрослые вдруг рассмеялись. Мне же было не до смеха.

– Успокойся, сынок. Милочка поспит немножко. А потом мама возьмет ее домой. У нее там своя кроватка. Что ты так расстроился? – успокаивала мама.

– А что она у нас делает? Пусть сейчас же идет домой.

– Она у нас в гостях. Ее маме и бабушке надо уйти. Вот Милочка у нас пока побудет. А они вернутся и возьмут ее домой.

– А ты не отдашь им меня с Сашкой вместо Милочки?

– Глупенький, разве я вас отдам кому-нибудь, – успокоила, наконец, мама.

Вечером Милочку действительно забрали. И я успокоился окончательно. Но на следующий день все повторилось. А дня через три уже нисколько не боялся, что нас обменяют. И мне даже понравилась Милочка, потому что она так хорошо спала в моей кровати, что впервые захотелось, чтобы у меня вдруг появилась такая сестричка, только постарше, чтобы с ней можно было играть.

И тут вспомнил о другой Людочке-Милочке, которая была Людочкой, а не Милочкой. Именно с того момента захотелось, чтобы Людочка непостижимым образом вдруг стала мне сестричкой и переселилась к нам. Только ей я готов уступить свою кровать насовсем. Только ей отдал бы все свои игрушки. Только для нее готов сделать все, что попросит.

И действительно, вскоре большая часть моих игрушек, привезенных из немецкого лагеря, перекочевала к Людочке.

А Милочка росла-росла и вот она передо мной – молодая мама такой же крошки, какой помню Милочку.

Но, едва направился к Милочке, вышла тетя Нона, и женщины куда-то спешно удалились, толкая перед собой коляску. Маму Милочки узнал сразу, несмотря на то, что она сильно изменилась. Я увидел в ней Марию Григорьевну, но в том ее возрасте, когда они приносили к нам в гости маленькую Милочку.

Я перешел мостовую, вошел во двор и сел на опустевшую лавочку. Да-а-а. Нет уже Марии Григорьевны, нет ее импозантного мужа, нет половины жителей нашего старенького дома, кого, так или иначе, хранила память. Смерть поглотила всех.

А ведь когда-то кипела их жизнь. Мы были маленькими, а они – кто молодыми, кто пожилыми, но они были до нас и какое-то время жили вместе с нами.

Вот здесь, прямо напротив этой лавочки однажды надолго встал новенький, сверкающий свежей краской и хромом, автомобиль “Москвич”. То был первый автомобиль в нашем дворе – автомобиль Полонских. Это было событие.

Посмотреть на автомобиль приходили даже ребята из соседнего двора, и мы ревностно следили, чтобы никто из них не трогал нашу дворовую драгоценность руками, потому что тоже этого не делали, “дабы не оставить на краске жирных пятен”.

А в это время во дворе началось бурное строительство. Снесли, наконец, огромный “ничейный” сарай, расположенный между асфальтом и туалетом.

Когда оттуда вывезли на свалку несколько машин всевозможного хлама, в глубине сарая, к всеобщему изумлению, был обнаружен тщательно замаскированный немецкий мотоцикл с коляской. На нем был немецкий номер, а прямо на коляске – настоящий пулемет.

Кто спрятал этот мотоцикл, неизвестно. Говорили, сарай принадлежал каким-то жителям нашего дома, которые сбежали с отступающими немцами и назад не вернулись. Их знала только тетя Зина – мать Толика Фрица. В нашем доме она была единственным человеком, пережившим оккупацию.

Прибывшая милиция изыла оружие. А мотоцикл оставили во дворе, потому что никто так и не смог его завести – он оказался неисправным. Мотоцикл нам понравился больше, чем машина, потому что мы по очереди сидели на всех его сидениях, и к вечеру отполировали все до блеска своей одеждой и руками. Зато дома нас ждала “головомойка”.

Вечером мотоцикл увидел дядя Коля Василенко и объявил своей собственностью. Никто не возражал. А вскоре на месте снесенного сарая были построены два гаража – для машины Полонских и для мотоцикла Василенко. И обе игрушки на время исчезли.

Через неделю мотоцикл выкатили из гаража и к нашему восторгу, наконец, завели. С того момента у нас появилось новое развлечение. Дядя Коля садился за руль, его коллега из института, бывший гонщик – на заднее сиденье. А мы, по двое, а то и по трое, по очереди

забирались в коляску. И целый месяц, пока дядя Коля осваивал мотоцикл, катались по улицам и переулкам Харькова.

И лишь через год из гаража выкатили автомобиль. Его стали готовить к необычному по тем временам путешествию – Полонские собрались в Москву.

А незадолго до этого события случайно узнал удивительные новости. Я играл на асфальте с Толиком Фрицем и Вовкой Бегуном, когда к лавочке подошли тетя Зина и Мария Григорьевна. Их разговор нас, бдительных школьников младших классов, насторожил.

– Ты зачем скрываешь свое имя? – спросила тетя Зина, – Зачем назвалась Марией, если ты на самом деле Малка? Вот я Зинка и Зинка. А то почтальон принес письмо какой-то Полонской Малке. Да еще заказное, с самой заграницы. И написано не по-нашему. Говорю ему, такая у нас не проживает. А он, адрес и фамилия совпадают, распишитесь. Ну, расписалась, а кому письмо, от кого письмо и что в нем – непонятно. Хорошо, ты призналась. И как только прочитала?

– Это от моего двоюродного брата. Он живет в Польше. Он у нас еврейский поляк. А написал на нашем языке. Только адрес не по-нашему. Пишет, скоро будет в Москве, предлагает встретиться. Так что мы с мужем скоро поедem в Москву на машине. И Ноночку с собой возьмем.

Вот это да-а-а. Оказывается, соседка скрывает свое имя, совсем как шпионка. А может, она и есть шпионка? У нее за границей брат, который пишет ей непонятные письма, которые, как в кино, нельзя прочитать. А скоро эти шпионы соберутся в Москве.

Мы долго обсуждали втроем, что делать. Сообщить в милицию, или лучше сказать родителям. Но потом решили, раз тетя Зина уже все знает, сообщать никому не нужно.

Но, меня распирало от услышанного. Дома тут же все рассказал маме.

– Мама-мама! Оказывается, Марию Григорьевну зовут по-другому. Она не Мария, а Малка. Она скрывает свое имя. Ей письмо пришло из Польши. Написано не по-нашему. У нее в Польше живет брат. Он еврейский поляк. Он, наверное, шпион. Полонские скоро едут в Москву на машине и будут с ним встречаться. И Мария Григорьевна тоже, наверно, шпионка, а тетя Зина ее разоблачила.

– Не выдумывай, сынок. Полонские – обычные люди. Они, как и мы, происходят из Польши. Полония – это старое название Польши. Вот и родственник у них нашелся. Поискать, и своих найдем. А шпионов в Москву просто не пустят. За всеми иностранцами следят наши чекисты. А имя это имя. Правильное – в документах записано, а звать можно по-разному. Тебя вот все Толиком зовут, а в метрике ты – Анатолий. А Сашка – Александр.

– Да-а-а?! Значит, меня зовут Анатолий? Мама-мама! А Толик Фриц тоже Анатолий?

– Ну, конечно. Иди лучше уроки делай, а не шпионов ищи.

А потом мы с ребятами смотрели, как загружали вещи в багажник и привязывали на крышу автомобиля. Наконец Полонские сели в машину и медленно поехали в Москву, а весь двор долго махал им вслед, пока машина не скрылась за поворотом.

А через несколько лет Полонские вдруг выиграли новый “Москвич” в ту самую первую денежно-вещевую лотерею. Все их поздравляли, но не понимали, зачем им вторая машина, и почему именно им повезло, а не тем, у кого машины нет вовсе. А вскоре старую они продали новому соседу – Марику-музыканту. И рядом с гаражом дяди Коли возник еще один гараж.

Как давно все это было. А так ясно, будто вчера.

За неделю я отремонтировал всю квартиру с побелкой потолков и окраской стен, полов, окон и дверей. И еще сделал две самодельные люстры в обе комнаты. Квартира стала, как

игрушечка. Я и не догадывался, что этот ремонт окажется моим прощальным подарком нашей старой квартире в доме, который до сих пор считаю родным.

Едва закончил ремонт, приехал Шурик – сын дяди Вани. Он поступил в новый институт общественного питания, и теперь будет учиться в Харькове. В нашей и без того тесной квартире стало еще тесней. И еще Шурик сказал, что дня через два в гости приедет его отец.

Радости мало, зато появился предлог, и накануне приезда незваного гостя, Сашка с Тамарой и Сережей были спешно переселены в отремонтированную квартиру. И, как оказалось, вовремя. Вернувшийся из института Шурик рассказал, что едва он зашел в гости к ребятам, в незапертую дверь (а дверь в старой квартире запирали лишь на ночь) ввалился здоровенный слегка подвыпивший мужичок. С деловым видом он тут же начал осматривать квартиру. Увидев в комнате Сашку, удивился.

– А ты что здесь делаешь? Как сюда попал? Вон отсюда, пока морду не набил! – заорал неизвестный и с угрожающим видом двинулся к Сашке. На шум из большой комнаты вышли Шурик и Тамара. Узрев подмогу, неизвестный остановился.

– Я здесь живу. А вот ты кто такой? – даже не встав из-за стола, спокойно спросил Сашка, не раз бывавший и не в таких передрягах.

– У меня ордер на квартиру! Так что выметайтесь, а то враз всех спущу с лестницы! – снова заорал агрессивный претендент на квартиру.

– Ордер твой, дядя – липа. Так что выметайся сам, пока я не встал. А за нападение на жилище я и шлепнуть могу, – ответил на угрозу Сашка, открывая ящик письменного стола.

– Ах ты, шпана! – бросился к Сашке агрессор.

– Я даже не успел шевельнуться, – рассказал Шурик, – Сашка выхватил из ящика самодельный пистолет и выстрелил. Стекло на кухне вдребезги. Этот бежать. Сашка за ним. Я за Сашкой. Видел бы, как он летел по ступеням! А Сашка на веранду выскочил и вверх пальнул. Тот еще быстрее. А внизу ребята знакомые стоят, ржут. Один даже спросил, может, придержать? Тот как услышал, так прямо через перила и прыгнул, только пятки засверкали.

– Где же он мой дробовик взял? Когда ремонт делал, в столе ничего не было, – не удержавшись, спросил Шурика. Этот двуствольный дробовик я сделал, когда мне было лет десять, и пришлось обороняться от преследований нашей дворовой банды. Дробовик бесследно исчез, когда мне было уже пятнадцать.

– Сашка сказал, нашел, когда ваш сарай ломали. Он его припрятал в мастерской, а вчера принес домой. Даже не думал, зачем. Зато сегодня пригодился. Ну, мы быстро осколки вымели, а Тамара новую занавеску повесила. И пистолет выбросили.

– Куда? – не выдержал я. Так хотелось посмотреть на оружие, которое сделал почти восемнадцать лет назад.

– Толик, извини, разломали и по частям разбросали в разных местах. А стволы утопили в вашем туалете. Успели вовремя. Нагрянула милиция. Проверили документы. Прописка есть и у Сашки, и у Тамары, да еще Сережка к обоим вписан. Проверили ордер. Тоже не фальшивый. Ладно, говорят, это дело суда, а вот за оружие схлопочешь. Стрелял, спрашивают? Сашка, стрелял, а что оставалось – нападение на жилище, а он жлоб здоровый, да еще пьяный. Потребовали сдать пистолет добровольно. Ну, Сашка и сдал им игрушечный пугач. Посмеялись, но квартиру обыскали. Искали и пулевые отметины. Сашка потом сказал, что специально пальнул в стекло – звону много, а следов почти не бывает.

Встретили дядю Ваню. Тот в своем репертуаре. Из вагона вышел сгорбленный мужичонка в затрапезном пиджачке, милицейских галифе и сильно поношенных кирзовых сапогах. На голове – немыслимая, выдававшая виды кепка, а на спине выцветший, местами засаленный вещмешок. Даже Шурик был потрясен.

– Отец, ты что так вырядился? Одеть что ли нечего? Выглядишь, как клоун.

– Ладно, сынок. Зато в поезде не ограбят.

Мы уже давно знали слабость дяди Вани приbedняться и не удивлялись. Но, в тот раз он превзошел самого себя.

– Отец, да мне рядом с тобой стоять стыдно. У тебя хоть другая одежда есть?

– А зачем она мне? По дому буду ходить в пижаме. А так, куда мне выходить? – гнул свою линию дядя Ваня.

Меж тем он выпрямился и даже спрятал в вещмешок свою ужасную кепку и пиджак. Под пиджаком оказалась выгоревшая ситцевая рубашка с короткими рукавами невнятного цвета и подозрительно смахивающая на женскую кофточку. Моя догадка подтвердилась.

– Натуральный скоморох. Даже Лидкину кофту напялил, – с досадой вырвалось у Шурика, помнившего, очевидно, кофточку сестры.

Уже дома, когда застолье в честь гостя близилось к завершению, Шурик, в знак протеста сидевший подальше от отца и не проронивший за все время обеда ни слова, вдруг активизировался.

– Отец, ты хоть деньги привез, как я просил, или опять скажешь, что в кармане оказалась дырка и они случайно выпали?

– Привез, сынок. А ты думаешь, для чего этот маскарад? – гордясь своей предусмотрительностью, радостно ответил дядя Ваня, расстроенный неласковым отношением собственного сына.

– Отлично. Тогда собирайся, поедem покупать тебе костюм. А остальные деньги мне давай. Вечером меня будут ждать. Я уже обо всем договорился.

Несмотря на возражения дяди Вани, мы втроем поехали решать непростую задачу поиска подходящей одежды. Объехав с десятков магазинов, лишь убедились, что все вешалки отделов забиты костюмами, которые мало чем отличались от клоунского наряда дяди Вани. Отчаявшись, решили ехать в центр искать спекулянтов. Собственно, их можно было и не искать. Стоило остановиться с задумчивым видом у любого магазина, как тут же подходили предприимчивые ребята с предложениями. Они узнавали, что требовалось, и объявляли сумму “сверху”. Стоило согласиться, вели прямо в магазин и без всякой очереди и прочих формальностей передавали продавцу, который тут же предоставлял “случайно завалившийся на складе” нужный товар. Купить что-то приличное как-то иначе в Харькове было невозможно.

К моему удивлению, сновавшие у магазина “Одяг” спекулянты обходили нас стороной. А когда сам стал подходить, срывались с места и на некоторое время исчезали в толпе. И вдруг до меня дошло – их отпугивали милицейские галифе “переодетого” дяди Вани. Я отошел в сторонку и быстро вычислил “старшего”.

– Привет, я Проф, на Ленчика щипал, пока он коньки не откинул. Нужна помощь, – представился ему своей липовой, но известной в криминальном мире кличкой. Спекулянт посмотрел с удивлением.

– А ты разве не с ними? – показал он на дядю Ваню и Шурика.

– Обижает. Ты кого испугался? Это дядя мой – сундук деревенский. По дурусти думает, такие штаны в городе щипача отпугнут. В общем, приодеть его надо поприличней, чтоб вороной не выглядел. За мной не пропадет.

– Ладно, понял. Сделаем по номиналу. В память о Ленчике. Подходи, если что надо, – протянул руку старший и щелкнул пальцами. К нам тут же подскочил один из шустрых ребятшек, – Проводи вон тех двоих в отдел. Оформи по высшему разряду. Сверху не брать, – дал указание спекулянт, конечно же, знавший, что щипач не только “верх”, но и всю сумму легко вернет, причем непременно со спекулянта, не уважившего просьбу.

Через полчаса из магазина вышел одетый с иголки джентльмен – дядя Ваня. Рядом шел Шурик с увесистым узелком его маскировочного хлама.

– Ты куда делся? – спросил удивленный моим появлением Шурик, – Представляешь, странный спекулянт попался. Быстренько, говорит, за мной. Ну, мы рискнули, пошли. Представляешь, отца в момент одели, дешево и прилично. Да еще отказались от благодарности. Ничего не понимаю. Даже продавец у отца рубль не взял.

– Они, думаю, дядю Ваню приняли за переодетого мента. И спектакль разыграли. Сделали вид, что не раскусили его маскировочку и показали, что торгуют по всем правилам, – серьезно пояснил Шурику, едва сдерживаясь от расправившего смеха.

– Да ты что! Надо же. Хоть в чем-то повезло. Ты посмотри, какой костюмчик. А туфли. А рубашка. И все – по цене того дурацкого костюма, который отцу приглянулся. А тут еще галстук подарили от магазина, – восторгался Шурик.

Дядя же шел в состоянии раздвоения чувств: с одной стороны, был доволен удачным приобретением, а с другой – сожалел о деньгах, бессмысленно потраченных на ненужную покупку. А потому всю обратную дорогу до дома улыбался и ворчал одновременно.

Дома его покупку одобрили. Слегка выпив перед обедом и таким образом обмыв обновку, дядя Ваня, наконец, успокоился. Но, как оказалось, ненадолго. Вечером явился Шурик. Но, явился не просто, а В ЗОЛОТОМ СИЯНИИ. Сияла его рыжая шевелюра, сияли его веснушки, сиял широкой улыбкой сам Шурик. Не хватало лишь сияющего нимба над его бестолковой головой. Все остальное, необходимое для счастья студента-первокурсника института общественного питания, у него, наконец, было. Демонстративно расстегнутая почти до пояса рубашка обнажала массивный золотой нательный крест на золотой, разумеется, цепочке. Запястье левой руки украшали золотые часы с золотым браслетом, запястье правой – тонкий золотой браслет из тех, которые обычно носят женщины. А на пальце красовался массивный золотой перстень-печатка. Не хватало лишь серьги в ухе, как у пиратов, да кольца в носу, как у дикарей.

Дядя Ваня, похоже, сразу все понял. На него было больно смотреть. Он не произнес ни слова. Он просто зарыдал. Наконец, всхлипнув пару раз, дядя Ваня взорвался.

– Что ты наделал, мерзавец! – выкрикнул обиженный и одновременно разгневанный отец своему балбесу-сыну, – Я ему деньги везу, скопленные годами. Ну, думаем с матерью, сын жениться собрался, или еще на что серьезное деньги потребовались. Стыдно, видите ли, ему со мной ходить. Костюм он мне купил, паразит, на мои же деньги. А я, старый дурак, согласился. Думал, с родителями невесты познакомиться хочет. А он себе игрушек накупил. Сам ты на клоуна похож в этих побрякушках!

– Ничего ты не понимаешь, отец, – вдруг пошел в контратаку сынок, – Ты знаешь, какие люди со мной будут учиться? Ты знаешь, как они одеты и что носят? Да я с этими цацками им в подметки не гожусь, а без них они на меня даже не взглянут.

Весь вечер шли словесные баталии отцов и детей, усугубляемые спиртными напитками. Но, все проходит. Прошел и тот злополучный вечер.

С утра отцы перешли в атаку – нас подняли ни свет, ни заря. Мне было проще, потому что давно привык к раннему подъему, да еще в ином, более раннем часовом поясе. Шурику же пришлось тяжело. Опохмелившись и плотно позавтракав, все отправились в сад. Так началась наша двухнедельная каторга.

Работая втроем с утра до вечера, мы с дядей Ваней и Шуриком укрепили фундамент, вырыли и оборудовали погреб рядом с домиком и сделали над ним пристройку, которая добавила домику небольшую комнату. Отец снабжал нас стройматериалами, а мама привозила обед. В выходные приезжали братья и слегка помогали. Работа сгладила обиды, и вскоре о костюме и золоте уже никто не вспоминал.

Почти под занавес нашего строительства отец привез плохие новости. Претендент на нашу старую квартиру подал заявление в суд. Сашка с Тамарой тут же подали встречный иск. Но, хуже всего то, что приостановлено действие ордера на новую квартиру, то есть до принятия судебного решения никому из лиц, вписанных в ордер, нельзя будет в ней прописаться. Я и не предполагал, что все это напрямую коснется меня.

Еще как коснулось! В райвоенкомат, наконец, пришли мои документы. И тут же заработала, закрипела на холостых оборотах неповоротливая и тупая бюрократическая машина. Моей справки о том, что по военному ведомству у меня никогда не было жилплощади, оказалось недостаточно. С меня затребовали справку, что жена и ребенок тоже ничего не имеют. Я пояснил, что семья благополучно живет в Московской квартире, и попросил переправить мои документы в Москву – по месту жительства семьи.

Увы. Мне пояснили, что это невозможно. Семья должна сдать московскую квартиру и ехать ко мне. Иначе в Харькове мне квартиру не предоставят.

– Да не нужна мне ваша квартира! Представьте себе, что я сошел с ума, сбежал от жены и уехал к маме! Справка из дурдома в моем деле имеется, – выходя из себя, прокричал военкому.

Но, мне объяснили, что до нашего официального развода никакие дальнейшие действия военкомата невозможны.

Все. Очередной тупик.

Я вдруг почувствовал, что вновь накатывает состояние депрессии, близкое к тому, в котором находился накануне моей принудительной отправки в госпиталь. И когда совсем отчаялся, случайно возникло приемлемое решение.

Перед отъездом дядя Ваня вдруг возжелал побывать в старой квартире. И когда мы прибыли туда, как всегда, всей толпой, к Сашке зашел адвокат. В бумагах, которые он показал, неожиданно увидел свои данные. Оказалось, это была справка из паспортного стола. И тут только выяснилось, что все годы моей службы в армии я числился прописанным в нашей старой квартире. Каким-то образом не сработала автоматика регистрации жителей, и меня случайно не выписали из квартиры. И это оказалось выходом из моей, казалось, безвыходной ситуации.

Со справкой о прописке я вновь объявился в военкомате. Там написал заявление, что претензий к военкомату по жилью не имею, и ржавый бюрократический механизм, наконец, сдвинулся с мертвой точки. Мне выдали документы для оформления паспорта.

В паспортном столе ситуация повторилась один в один. Правда, в гражданском ведомстве все-таки сработал мой довод о том, что я сбежал от жены. Скорее всего их убедила справка военкомата о моем увольнении из армии по психиатрической статье. Сумасшедшему поверили и паспорт, наконец, выдали, проставив все необходимые штампики, кроме данных о прописке. Мне заявили, что этот штампик поставят только по решению суда. А сумасшедшим можно и не работать. Позаботится государство.

Приехали.

У меня на руках был паспорт, но без прописки. А это все равно, что не было ничего. Я все там же – на нулевой отметке.

Как долго ждать суда, а тем более его решения, никто не знал. И я решил ехать с дядей Ваней и Шуриком в Москву.

Глава 2. В Москву

В Москву я ехал на волах
И думал о тебе,
Волов я палкой погонял,
Кричал им: “Цоб! Цобе!”

Эта песенка, которую мы с Вовкой Бегуном распевали под гитару, когда нам было лет по пятнадцати, очень точно отражала скорость нашего перемещения к Москве.

Накануне завершения сезона летних отпусков билетов в Москву попросту не было. Транзитные пассажиры металась от кассы к кассе, сшибая друг друга с ног тяжелой поклажей. У отдельной кассы яростно ругались, толкались локтями и периодически замахивались, а то и действительно кого-то били своими палками крепенькие, закаленные в битвах и скорые на расправу “инвалиды” всех мастей.

Лишь у воинских касс было скучно – там билеты были, но по воинским требованиям. И я впервые пожалел об изменении своего статуса. Безрезультатно послонявшись дня три у касс и не торопясь обогащать вконец обнаглевших спекулянтов, мы оставили затею с билетами, тем более что дядя, поиздержавшийся на золото Шурика и свой костюм, не спешил раскошелиться. У меня же денег не было вовсе.

Еще пару дней пробовали договариваться с проводниками. Это оказалось не дешевле, да и свободных мест давно не было, и потому нам чаще отказывали. Поезда были забиты под завязку, а люди с юга все ехали и ехали.

Посоветовавшись, решили ехать через Воронеж в Рязанскую область, а уж оттуда в Москву. Три пересадки, общие вагоны и прочие неудобства, но это был реальный выход. И дядя начал готовиться к поездке.

Прежде всего, он решительно стряхнул “золотую пыль” с не менее решительно сопротивлявшегося Шурика. Все побрякушки были тщательно упакованы и зашиты в милицейские галифе. Не менее тщательно были упакованы и все обновки. Чувствовалось, дядя с удовольствием зашил бы их в свой засаленный пиджак, но, увы, это оказалось невозможным. Естественно, что и на этот случай все было предусмотрено. Каждую упакованную вещь дядя заворачивал во что-нибудь из своего немудреного гардероба: в грязную майку, в мятые пижамные брюки, или во что-то еще из подобного непрезентабельного набора. Каждый такой ком он дополнительно оборачивал в маскировочный хлам. И я, наконец, понял, что искал дядя, роясь в куче мусора мастерской художников, и что он тогда привез домой и тут же сунул в свой жуткий рюкзак.

Вскоре собранный в дорогу “мусор” был сложен, а дядя, переодевшись, приобрел вид нищего паломника, едущего на богомолье.

– Посоха только не хватает, – выдал я ценное замечание, критически оглядев внезапно преобразившегося в старика крепкого мужчину средних лет.

– А что! Идея, – неожиданно поддержал дядя, – К тому же посох это отличное оружие от грабителей.

– Да уж, – невнятно согласился с ним. А Володя, весело смеясь, уже нес из своей комнаты нечто вроде посоха. Это была толстая суковатая дубовая палка с удобным хватом, которую Володя уже кое-где украсил резьбой.

– Хороша-а-а! – с восхищением отметил дядя, разглядывая неожиданный подарок, – Только вот выглядит, как новая, – расстроился он.

– Сделаем, – ответил брат и минут через десять вынес искусственно “состаренный” посох. Дядя Ваня мгновенно засиял как Шурик в своем золоте, отчего сразу стала заметной их генетическая идентичность.

– Отец, я рядом с тобой не пойду, – вдруг заявил “обеспыленный” Шурик.

– И не надо. Так даже лучше. Вы с Толиком делайте вид, что облагодетельствовали старичка, разрешив ему посидеть рядом. И в разговоре зовите меня по-простому – “дед”, – выдал ценные указания дядя. Да-а-а.

Сколько усилий, чтобы сохранить “несметные богатства”, которые обеспечат его балбесу-сыну лишь снисходительные взгляды сыновей сильных мира сего.

Сделав пересадку в Лисках, которые недавно были благополучно переименованы в Георгиу-Деж, мы за сутки одолели путь до станции Кораблино Рязанской области, где жили дядя Ваня и его семья. Путь от станции до их дома напрямую занимал не более десяти минут. Но это был путь домой. А потому первым делом наш незаметно высадившийся десант, озираясь, зашел в станционный туалет, где из рюкзака были извлечены обновки, а из освободившихся галифе золото Шурика.

И вот уже джентльмен-отец под руку с позолоченным денди-сыном налегке движутся к дому, но не напрямую, а в обход – по центральной улице старого Кораблино. А позади них, навьюченный как китайский кули, опираясь на посох, бреду я – отставной офицер Советской Армии.

Похоже, в этом провинциальном городке, где все знают все обо всех, наша процессия производит фурор. Встречные останавливаются и тут же, пятясь задом, сдвигаются в сторонку, уступая нам дорогу даже на широкой улице. Они не только первыми приветствуют встретившихся им “господ”, но, кажется, даже слегка им кланяются, как в старые добрые времена. А “господа” лишь снисходительно кивают головами, даже не отвечая на приветствия.

– Иван Алексеевич. Александр Иванович. С приездом, – слышится со всех сторон.

Волшебный миг торжества пустого тщеславия. Бессмыслица. Но, как манит.

Как же недолговечны мгновения успеха, а особенно, если успех мнимый. Дома один в один повторилась харьковская картина ЗОЛОТОГО СИЯНИЯ и такой же эффект ее воздействия на лиц не случайных, а заинтересованных. Из состояния истерики тетю Нину пришлось выводить достаточно долго, к тому же с применением нашатыря, валерьянки и прочих средств из домашней аптечки.

Перепало и дяде Ване, допустившему бессмысленную трату средств семьи. Примерно через час обнаружили, наконец, меня. Все время семейных дрызг я тихо сидел в сторонке, стараясь не привлекать внимания. Переключение тети на мою персону на время сгладило остроту противоречий между блага дающими и блага потребляющими. А домашние хлопоты, связанные с подготовкой праздничного обеда в честь гостя, и вовсе отложили час расплаты до худших времен.

Засуетился принявший свой повседневный вид дядя Ваня. Он притащил странного вида аппарат, оказавшийся самогонным. И работа закипела. Благо, сусло уже было подготовлено предусмотрительной тетей Ниной заранее. Вскоре проявились серьезные дефекты этой неудачной самоделки, изготовленной когда-то Шуриком. Работа была приостановлена, благо спиртного на первый случай уже хватало. А после обеда я вплотную занялся аппаратом. К вечеру из его останков и подручных материалов удалось сделать намного более совершенный, почти лабораторный, прибор, который впоследствии много лет служил дяде верой и правдой.

К вечеру собрал и установил в гостиной самодельную люстру наподобие тех, что соорудил в Харькове. Дяде они тогда понравились, и я сделал его семье небольшой подарок. Тете сюрприз тоже пришелся полюбю, а потому вскоре в доме установилась нормальная атмосфера,

и Шурик, наконец, получил возможность выйти из своего убежища, где пробыл почти целый день, спасаясь от гнева матери.

Включили телевизор, и остаток моего вечера ушел на его ремонт. Когда он заработал, как положено, выяснилось, пора спать. Первый день в гостях у дяди Вани прошел.

Мое первое утро в Кораблино один в один походило на первое утро в Харькове. Только вместо отца, на пороге топтался дядя Ваня с подносом, а вместо мерефянского самогона в графинчике плескался самогон кораблинский.

– Всю ночь гнал, – радостно сообщил дядя, – Аппарат работает, как зверь. Все перегнал. Надо новое сусло ставить. Давай по стаканчику, – предложил он.

А после завтрака мы с дядей и Шуриком штукатурили стены внутреннего двора. Работа была давно знакома – еще с детства, когда мы с братом помогали бабушке устранять последствия затяжных дождей. Украинские хатки смотрятся красиво, но как много сил тратят хозяйки, чтобы поддерживать этот вид.

Не счесть, по сколько раз мы с братом по просьбе бабушки ездили за мелом, глиной или песком. Мы брали у сарая ручную тележку, брат с лопатой забирался в нее, а я впрягался вместо лошади. И мы рысью направлялись через коровий выгон по степной дорожке к родникам. Вскоре менялись местами. Так играя, приезжали на место, где было открыто множество пещер и просто ям, в которых местные жители добывали мел. Мы отыскивали участок, где мел был самым белым и самым чистым, и, набрав его полную тележку, отправлялись в обратный путь. Глина и песок были гораздо ближе.

А потом месили глину с коровяком и соломой, отплясывая в ней босыми ногами. Вначале нам, городским детям, это казалось чем-то неприятным, противным, но со временем забыли эти первые ощущения. Мы лихо штукатурили и затирали стены, а постепенно освоили их окраску мелом. Завалинку дома и глиняные полы в доме окрашивали сажей в черный цвет. Окрашенные полы посыпали цветным песком. Поверх песка рассыпали ароматные травы, а потом расстилали разноцветные домотканые коврики. А окна, двери и передний угол с иконами украшали вышитыми рушниками – тоже домоткаными. И хата приобретала свой традиционный вид.

Вначале меня поражало, что такой “ремонт” бабушка проводила еженедельно – по субботам. Потом понял, что это обычная работа, вроде генеральной уборки в городской квартире. А вот после затяжных дождей ремонтных работ бывало побольше.

Плотно пообедав с самогоном, после короткого перерыва приступили к другой работе – чистке водоотвода и водосборного колодца. А вечер ознаменовался дегустацией образцов продукции, выгнанной дядей за ночь. Дядя, не спавший всю ночь, быстро захмелел, горько плакал и просил меня немедленно объяснить тете Нине, что костюм его заставил покупать Шурик, а сам он этого делать вовсе не хотел. Тетя Нина уже давно спала, и я отказывался ее будить даже для столь важного сообщения. Дядя настаивал. Я снова отказывался. Выпивали за то, чтобы утром все прояснилось. Вскоре дяде снова становилось невтерпеж, и он снова настаивал, а я снова и снова отказывался. Мы уgomонились далеко за полночь.

А наутро вновь повторилось харьковское утро, но снова с дядей и кораблинским самогоном. После завтрака пошли “рыть картошку”. Эта работа отняла весь день. За день мне так и не удалось сообщить тете важную для дяди информацию о костюме. А потому вечер прошел так же, как и предыдущий.

Третье утро не отличалось от первого и второго. А после завтрака я поблагодарил гостеприимных хозяев и заторопился в Москву. И тут только выяснилось, что дядя, удрученный костюмом и золотом, потерял интерес к столице. Шурик вообще все эти дни старался быть

малозаметным. А потому стало ясно, что дальнейший путь в Москву предстоит одолеть в одиночку.

За две бутылки самогона дяде удалось достать мне билет до Рязани в общем вагоне проходящего поезда. К моей сумке с вещами добавился мешок картошки, которым дядя награждал за ударный труд. Поезд, как всегда прибыл задом наперед, то есть с нумерацией вагонов, обратной той, которую накануне его прибытия несколько раз сообщили по радио. Мне никогда не нравились эти шутки железнодорожников. Я часто наблюдал их эффект со стороны, и мне почему-то не было весело. Когда мы тринадцать часов просидели в Лисках, тщетно пытаюсь попасть на поезд до Кораблино, меня поразило объявление станционного радиоузла:

– Граждане пассажиры. Поезд номер семьдесят шесть, опаздывающий на полтора часа, прибывает к пятой платформе. Нумерация вагонов с головы поезда, но вследствие опоздания, возможна и наоборот. Для посадки в поезд проходите через тамбуры почтово-багажного поезда, стоящего на первом пути. Проводники почтово-багажного поезда, пропустите пассажиров через тамбуры своих вагонов для их прохода на посадку. Граждане пассажиры. На третьем пути стоит товарный поезд. Смело проходите под вагонами стоящего поезда. Граждане пассажиры. Будьте внимательны. К четвертому пути может внезапно подойти товарный поезд. Дождитесь его полной остановки. Берегите свои жизни. Время стоянки семьдесят шестого поезда пять минут. Вследствие его опоздания время стоянки может быть сокращено. Счастливого вам пути.

Это было реальное, а не шуточное объявление. И подобных объявлений за вечер было несколько. Лиски – напряженный железнодорожный узел. Я представил себя на месте бабушки с внуком и вещами, которая должна преодолеть эту устроенную железнодорожниками полосу препятствий в сумерки или при слабом ночном освещении. Жуть. Глупой шуткой звучало всякий раз пожелание счастливого пути. Счастливого пути, граждане пассажиры, если доберетесь.

Еще хуже чувствовать самого себя объектом подобной дурости, когда мы с дядей и братом рысью неслись к своему вагону с мешком картошки и вещами наперевес. А за нами – еще десятка два кораблинцев, и все были устремлены в один вагон. Только в этот вагон продали билеты. Успели лишь потому, что кто-то дернул стоп-кран.

Стоп-кран, похоже, нравился не только кораблинцам. Путь в семьдесят километров до Рязани ознаменовался пятью такими инцидентами. Во время одного из них, с третьей багажной полки в проход нашего купе упал спавший на ней пьяный. Все замерли от ужаса. Но, лежавший без видимых признаков жизни “пострадавший”, похоже, продолжал спать, даже не заметив своего падения. А когда все очнулись от шока и загалдели, разбудив бедолагу, его рука вдруг шевельнулась, быстро влезла в корзину одной из старушек, вытащила оттуда огурец и потянула его ко рту. Галдеж был мгновенно перекрыт пороссячим визгом “обобранной” старушки, которую тут же усовестили. Пьяный с добычей всеобщими усилиями был водружен на место, а обе старушки продолжили прерванную инцидентом трапезу. Они сели в Кораблино с полными продовольственными корзинами, а вышли в Рязани с пустыми. Трапеза отняла у них все движимое имущество, потому что другого у них с собой не было, но наполнило смыслом потерянное, было, впуская время в пути.

Добравшись до Рязани, почувствовал, что Москва почти рядом. Отсюда уже можно, при необходимости, добраться электричками. Конечно же, хотелось попасть на фирменную “Рязань-Москва”, о которой уже существовал анекдот-загадка – длинная зеленая, с синей полосой, пахнет колбасой. Увы, фирменная уже увезла десант рязанцев в московский набег за дефицитными в Рязани колбасными изделиями. Пришлось ехать обычными электричками, с множеством остановок у каждого столба и пересадками на узловых станциях. К вечеру я, наконец, позвонил в московскую квартиру, откуда уехал более двух месяцев назад.

Глава 3. Московский штиль

Конечно же, дома меня давно ждали, но, естественно, не с теми результатами. Мой вынужденный отпуск слишком затянулся, причем на неопределенный срок.

В первую неделю мне еще радовались все. В квартире, наконец, появился мужчина. Всю неделю я устранял строительные дефекты и следы женской инициативы.

Моя деятельная теща, привыкшая рассчитывать только на себя, в бетонной коробке почувствовала себя неудобно. До переселения она всегда жила в деревянных домах, и теперь ее раздражало, что она не могла вбить гвоздь в стену там, где ей хотелось.

А когда Таня принесла с работы горсть дюбелей, теща с утра до вечера пыталась вколотить их в бетон при помощи обычного молотка. Она оставила эти попытки лишь, когда отлетевший от стены дюбель попал ей в лоб.

После этого она стала вбивать их в оконные рамы, в рамы встроенных шкафов, в любые деревянные детали. К ним она привязывала веревки для сушки белья. Естественно, под нагрузкой дюбели рано или поздно вылетали. И постепенно их место занимали все более крупные гвозди, приколачиваемые рядом. К моему приезду часть деревянных конструкций уже была в трещинах и сколах и имела непрезентабельный вид, усугубляемый торчащими вкривь и вкось огромными гвоздями.

Когда все было приведено в порядок, теща стала изводить нелепыми поручениями. То требовала перевесить ковер чуть повыше, то сдвинуть его на метр влево, а то и вовсе переместить на противоположную стену.

– Вы решите окончательно, тогда переделаю, а бессмысленно дырывать стену больше не буду, – взбунтовался я.

– Будешь. Мужчина нужен, чтоб носить в дом деньги, а дома должен все время стучать молотком, выполняя женские прихоти. Денег ты не носишь, вот и стучи, – ехидничала теща. Я уже кожей ощущал ее неприязнь к моей персоне, вторгшейся, вопреки ее воле, на территорию, где она до сих пор царила безраздельно. Для начала я запретил ей выполнять “мужскую работу” по дому. А она это любила, хотя и ничего не умела.

Что ж, денег от меня действительно пока не было, но и бессмысленно стучать молотком не хотелось. “Не бери в голову. Гуляй пока со Светланкой”, – посоветовала Таня. В армии этот совет слышал неоднократно. Но, я не в армии. И что теперь? Бороться с тещей? А может, мама права, когда предупреждала, что жить в примаках нелегко? Ладно, дождусь, когда начну “носить в дом деньги”.

А пока переключился на прогулки с дочерью. Прямо с утра мы уходили с ней из дома. Я не брал прогулочную коляску – мы оба любили ходить пешком. А когда Светлана уставала, брал ее на руки и носил, пока снова не просилась на землю. Главное, мы много разговаривали. Я старался говорить доступным ей языком, не сюсюкая. Рассказывал сказки, фантазируя на ходу, и наблюдал ее реакцию. И мне нравились эти прогулки, потому что мне показалось, мы стали понимать друг друга. Моя маленькая доченька стала моей расширяющейся Вселенной.

На прогулках мы никогда не ходили по одному и тому же маршруту. Я постепенно изучал окрестности и прилегающий лесной массив Лосиногостовского Острова. До сих пор я, житель лесостепи, а потом пустыни, редко бывал в лесу. Теперь же лес был рядом с домом. И я изучал его с большим интересом.

В конце августа объявились дядя Ваня и Шурик. Они намеревались остановиться у моего двоюродного брата Бориса, но не знали, что он недавно переехал в Измайлово. А потому

вынуждены были разыскать меня. Я уже знал его адрес, но еще не был у него в новой квартире. И вот такая возможность представилась.

В Москву дядя приехал все в тех же милицейских галифе и синем, в тон брюк, форменном кителе со следами споротых погон, но уже в хромовых сапогах и приличной рубашке с короткими рукавами. Не было на его голове ужасной кепки, а на спине – выгоревшего засаленного рюкзака. Собственно, в руках у дяди вообще ничего не было. “Похоже, в этот раз все ухитрился зашить в галифе”, – подумал, увидев его в дверях нашей квартиры. Не был обременен поклажей и Шурик.

– Что это они? Вроде в гости приехали, а без гостинцев, – не преминула уколоть теща.

– А мешок картошки? Это дядя тогда передал, – выручил гостя, хотя и сам давно знал о его скупости. Он и в Харьков тогда приехал с пустыми руками. Да и Шурик недалеко ушел.

Отобедав, отправились в Измайлово. Боря встретил меня восторженно.

– Ну, наконец. Давно тебя ждал. Слышал, ты уволился, и будешь жить в Москве. Когда мы с тобой виделись в последний раз? – искренне интересовался моими делами брат.

– Год назад, когда ты из Чарджоу возвращался, – напомнил ему.

Я хорошо помнил тот день, когда пришла телеграмма: “Буду проездом. Поезд... Вагон...” Мне удалось добраться в Тюра-Там, когда поезд уже прибыл и готов был отправиться дальше. Я успел вскочить в соседний вагон, когда он уже тронулся. Борю увидел в тамбуре.

– А я подумал, ты телеграмму не получил, – обрадовано бросился он ко мне, – Молодец! А поезд уже едет, – обеспокоено глянул в окно Борис.

– Я с тобой проеду до Казалинска. Это час езды. Успеем немного пообщаться, – успокоил его.

Мы тогда о многом рассказали друг другу. Я узнал, что брат уже не работает на заводе “Каучук”, где всю жизнь проработала его мать, где до сих пор работали брат, их жены и где с юношеских лет работал сам Борис. Оказалось, великолепный специалист, мастер своего дела со среднетехническим образованием теперь работает сторожем на автостоянке.

– Боря, что случилось? – поразился тогда невиданному кульбиту любимого брата. Борис был старше на двенадцать лет. Он всегда казался мне человеком опытным, бывалым. По любым вопросам имел свое мнение, иногда противоположное общепринятым представлениям и нормам. Много лет брат был непререкаемым авторитетом, образцом для подражания. С годами я обошел его по многим показателям, но преклонение осталось навсегда. И Боря тоже особо выделял меня из толпы родственников.

– Знаешь, Толик, надоело горбатиться на государство. Хочется хоть немного нормально пожить, – удивил таким ответом брат.

– Нормально пожить сторожем?

– Причем здесь сторожем? Сторож – это мое прикрытие, чтоб не оказаться тунеядцем и не попасть под статью. Работа великолепная – сутки дежуришь, трое свободен. Занимайся, чем хочешь. Вот и занимаюсь. Хобби стало моей работой. Днем снимаю детский садик или школу, ночью проявляю пленки и печатаю фотографии. С утра сдаю их воспитателям или учителям, а дня через три снимаю выручку. За одну съемку выходит моя зарплата сторожа, за две – зарплата мастера цеха. И три недели в месяц свободен, как птица. Делай, что хочешь. Захотел, поехал на Урал, захотел – на Дальний Восток. Вот сейчас еду из Чарджоу. Поснимал там от души. Такие лица. Экзотика.

– Боря, а дальше что? Поснимал и все?

– Почему все? Некоторые снимки показываю знакомым фотохудожникам из АПН. Иногда критикуют, иногда хвалят. Несколько снимков уже опубликовали под своими фамилиями, а гонорар мне.

– Боря, а почему тебе самому не стать фотохудожником того же АПН?

– Нашел дурака. Да я их зарплату за неделю зарабатываю. Они сами рады на моем месте поработать. Только оказалось, не все могут. У них стабильности нет. Тут некоторые по моей наводке попробовали поснимать. Провалили все дело. Через неделю принесли в школу несколько снимков. Отличные снимки. А остальные, где? Снимались-то все. Не получилось, говорят. Вот тебе и фотохудожник на промысле. А у меня – скорость, стабильность и качество. И, соответственно, заработок.

Не понял я тогда меркантильных соображений брата, потому что все еще мыслил, как типичный идеалист – главное это полезная человечеству работа, а зарплата и прочие блага придут автоматически, по твоим заслугам. Государство само оценит твой труд достойно. Как же я ошибался!

– Ну, здравствуй, дядя, – приветствовал меж тем Боря дядю Ваню, – Ты не меняешься. Заморозился в одном возрасте. О-о-о! Какие шикарные штаны себе приобрел! А сапоги! Неужели натуральный хром? Типичный жокей! В скачках собрался участвовать, дядя? Или так, для форса? – шутил Борис. Шурика он даже не замечал. И тот молча стоял в дверях.

– Ты все шутишь, как всегда, – недовольно ворчал дядя, – Нет, чтобы пригласить всех в дом, а потом расспрашивать, – поучал он племянника.

– Ну, раздевайтесь и проходите в дом, – пригласил Боря и вышел из тесной прихожей, – Пойдем, Толик. Пусть раздеваются.

Мы прошли в гостиную.

– Знаешь, Толик, вот не люблю я этого жлоба, хоть убей. Еще с детства, когда мы с Генкой жили в войну в Кораблино. Да и сыночек под стать папаше, – пожаловался Борис.

Степенно вошли гости – дядя Ваня в галифе, домашних тапках и рубахе с короткими рукавами, а за ним Шурик как был, но в носках, ему тапок не хватило.

– Представляешь, Боря, такой большой кусок сала тебе приготовил. Специально выбирал. На стол положил. Так и остался на столе. Представляешь, склероз проклятый, забыл. Так жалею. Верить? – вдруг понес дядя какую-то чушь.

– Верю, дядя. Ты же совсем не меняешься. Спасибо тебе за сало. Сейчас вот место в холодильнике освобожу, чтобы Нина посмотрела, какой большой кусок ты для нас приготовил, – поддержал дядю Ваню Боря, а я содрогался от беззвучного смеха, – Ладно, дядя, ты зачем приехал? Говори, а то мне некогда. Надо фотографии срочно печатать.

– Так, ты, гостей встречаешь? Даже не угостил, а сразу в разговоры полез, – снова заворчал дядя.

– Дядя, ты же не предупредил, что в гости приедешь. Хозяйка на работе, да и я не прохлаждаюсь. А угощение еще найти надо. Я даже не знаю, что у меня в холодильнике осталось, кроме твоего сала.

Боря достал из холодильника начатую поллитровку водки, поставил три рюмочки, быстро нарезал хлеб, положил на тарелку несколько маринованных огурчиков из банки. Дядя с явным неудовольствием следил за приготовлениями.

– Ну, ладно, вы тут давайте, угощайтесь, а я пошел, – сказал Боря и пулей вылетел из кухни.

– Ну и племянничек. Выставил початую бутылку. Как кость собакам бросил. Закуски никакой. И сам ушел. Ладно, Толик, наливай, – поворчав, выдал команду дядя.

Мы выпили и закусили. Стало ясно, больше здесь делать нечего. Сильно потускневший дядя Ваня тут же засобирался навестить второго племянника – Гену. Когда прощались, Боря отвел меня в сторонку.

– Толик, ты извини. Но, честное слово, я как завязал, на этот процесс спокойно смотреть не могу. Тянет так, что сил нет. Но, надо держаться. Мне нельзя ни капли, иначе сорвусь, –

пояснил Боря свой стремительный уход из кухни, – Ты заходи ко мне в любое время. Я в основном дома. Тогда и поговорим.

Гена жил в самом центре, где занимал комнату в коммунальной квартире. Старый дом был в ужасном состоянии. Вскоре его должны были снести, а семья Гены уже давно жила на чемоданах. Тем не менее, Гена очень обрадовался приезду дяди. Особенно, когда тот попросился пожить у него несколько дней. Оказалось, недавно освободилась комната, из которой очень кстати выехали соседи.

Передав дядю с Шуриком в надежные руки, вернулся домой.

К Боре попал лишь через неделю. Мы приехали к ним в гости всей семьей в выходной. После того выходного мне было позволено бывать у брата в любой момент, когда захочется. Моя Таня попала под обаяние живого характера Бориса. Понравились друг другу и наши жены. Нина, жена Бориса, была прямым, открытым человеком – таким же, как Таня. И, конечно же, всем понравилась наша Светланка. Боря снова сделал кучу фотографий, в том числе и самую удачную фотографию жены.

Попытался поискать хоть временную работу. Но, едва показывал паспорт, выданный в Харькове и без прописки, мне отказывали. Мои объяснения никого не трогали, потому что никто не хотел неприятностей. Посетил и паспортный стол. Там встретили аналогично. Мне пояснили, что пропишут лишь после того, как в моем паспорте будут два штампика – о прописке в Харькове и о выписке оттуда.

А Боря, наконец, купил машину. Это был подержанный автомобиль “Москвич” – маленькая “Волга”, как любовно называл это чудо позавчерашнего дня брат.

– Представляешь, рама сделана из трехмиллиметровой стали, а кузов – из миллиметровой. Куда там “Жигулям”. Здесь все можно варить. Я в ней все переберу. Сначала ходовую, а потом все подряд, – делился своими планами новоиспеченный автовладелец.

Мгновенно начались традиционные неприятности, как и у всех, кто хранил авто на улице. В тот день, когда впервые увидел Борино приобретение, оно уже было не на ходу. Какой-то негодяй порезал шины всех стоявших во дворе автомобилей. Шиномонтажники ликовали.

А Боря выходил из себя, потому что был уверен, что это дело рук кого-то из соседей.

– Убью мерзавца, если поймаю! – кричал Боря на весь свой небольшой дворик.

– Боря. Убьешь человека из-за каких-то колес? – с удивлением спрашивал брата, уже зная, что чувствует человек, убивший даже преступника. Слава богу, что не мои пули поразили тогда убийцу незащитных людей. Он застрелился сам, когда понял, что я загнал его в ловушку, и он нейтрализован. Но, до сих пор содрогаюсь, вспоминая тот ужас, когда осознал, что убил ЧЕЛОВЕКА.

– Да это я так. Пар выпускаю. А вообще, честно говоря, выиграло-таки чувство собственника. Уже прикипел к моей красавице. Ты посмотри, какой у нее задок. Красота! Пасть порву, если поймаю!!! – снова заорал Боря на весь двор.

Наконец, отремонтированные колеса встали на свои места. Боря сел за руль. Рядом с ним сел инструктор – просто опытный водитель со стажем. Я тоже забрался в кабину. И мы часа три колесили по Москве. Тогда еще к экзаменам допускали без обязательного обучения в автошколах. А для Бори научиться хорошо водить машину было важнее, чем получить бумажку. Из первой поездки Боря вернулся весь мокрый от сильных эмоций.

– Вот когда приедешь сухим, считай, чему-то научился. А вообще вождению будешь учиться всю жизнь, – сказал Боре его товарищ-водитель.

Для меня эти поездки тоже оказались не лишними. Но, свое водительское удостоверение я получил лишь через несколько лет. А пока брат заразил меня идеей покупки автомобиля. Правда, о чем мне было мечтать, если я все еще находился между небом и землей.

Вскоре Боря получил “права”. Все оказалось проще, чем представлялось брату, замороженному байками, которыми угощали его автолюбители стоянки. Однажды он рискнул поехать на машине в Тульскую область – на родину жены. С ним поехал и его инструктор. Случайно оказалось, что сосед родителей Нины, которого по-соседски пригласили на торжество по случаю приезда гостей – автоинспектор.

Назавтра Боря официально сдал все полагающиеся экзамены, а через день уже вел машину по дороге в Москву, как полноправный автолюбитель.

С тех пор мы ездили с братом повсюду. Я благополучно пересел на место инструктора, и постепенно осваивал транспортные магистрали Москвы. Ездили много, и вскоре стал ориентироваться в этом гигантском городе, который в ближайшее время должен стать местом моего постоянного проживания.

Мое отношение к Москве всегда было двойственным. С одной стороны, я понимал, что Москва никогда не станет мне родным городом, как Харьков – город детства и юности, город, в котором “получил путевку во взрослую жизнь”. С другой стороны, и Москва никогда не была чужим городом. Здесь всегда жили близкие родственники, которых мы нередко навещали. Москву я помню с детства.

В последние годы гораздо чаще бывал в столице, но всегда проездом, останавливаясь ненадолго и осваивая традиционные маршруты приезжих. Но, вот уже два года здесь живет моя маленькая семья, для которой Москва – родной город.

Он, конечно же, привлекал, манил своими возможностями, но одновременно отталкивал и даже пугал своими масштабами и непредсказуемостью сиюминутного бытия. И еще мне всегда казалось, что в этом гигантском мегаполисе так легко потеряться – потерять себя.

И все же, как бы я не относился к Москве, мой выбор был предопределен уже тем, что у меня не было иного выбора. Я лишь надеялся, что со временем Москва станет и моим городом, потому что мне предстояло здесь жить не одному, а вместе с “дорогими моими москвичами” – женой и дочерью.

Однажды мы возвращались с Борей из Подмосковного Красногорска, где у него были какие-то дела. Неожиданно ощутил в салоне сильный запах бензина. Когда сказал об этом брату, тот не удивился.

– Бензобак подтекает. Никак не могу определить, в каком месте, – спокойно ответил Борис. По моей просьбе мы остановились и ужаснулись – весь бензобак был мокрым от вытекающего откуда-то бензина. Я осмотрел бензопроводы – они были сухими.

– Боря, новый бензобак стоит копейки. Недалеко от моего дома есть магазин “Автозапчасти”. Заменить бензобак не проблема. Справимся сами, – предложил я.

Боря согласился. Прямо напротив дома нашли подходящую траншею, и минут за сорок справились с проблемой. А когда Боря, сняв старый бак, с досадой бросил его на землю, тот разошелся по проржавевшим соединениям. Внимательно осмотрев, осознали, какой опасности подвергали себя, пытаясь залатать эту рухлядь.

Боря впервые оказался в нашей новой квартире. Больше года назад он был у нас еще в старой. Тогда он сделал первые снимки нашей двухмесячной крошки. Похоже, теща его не запомнила. Сейчас же он ей очень понравился.

– Видный мужчина, – одобрительно заявила она, когда Боря уехал, – Самостоятельный и веселый. Хороший у тебя брат.

Как-то в выходной к Боре приехали в гости Гена с женой Тamarой. Я уже не видел Тамару лет пятнадцать, да и она меня смутно помнила. Когда привез к Геннадию дядю Ваню и Шурика, она была на работе. Так что у Бориса мы познакомились с ней заново.

Гена объявил, что им уже выделили новую квартиру на южной окраине города. И они скоро переедут туда. Когда Гена куда-то вышел, Боря высказал мне все, что думал о визите брата.

– Знаешь, Толик, Генка не в нашу Зарецкую породу пошел. Типичный Панин. Представляешь, в кои-то веки приезжаю к нему в гости, а он мне молоточек протягивает: “Боря, прибеи мне вот сюда этот гвоздик, а то я не умею”. Мужик называется. С детства такой. Терпеть не могу. Вот и сейчас, зачем, думаешь, ко мне пожаловал? Наверняка будет просить, чтобы помог им с переездом и обустройством новой квартиры.

Похоже, в своих предположениях Боря оказался прав. Я не слышал разговора братьев, но вскоре Гена и Тамара попрощались и ушли. Я же получил приглашение посетить их всем семейством в ближайший выходной.

Таня восприняла приглашение положительно. До этого визита о моем втором брате и его семье она фактически ничего не знала. Встретили нас радушно. Нашлись и общие интересы – грибная охота. Сам Гена Тане не приглянулся, а вот с Тамарой они, несмотря на разницу в возрасте, быстро нашли общий язык, и вскоре уединились посплетничать. Гена же обратился ко мне с той же просьбой, на которую, очевидно, получил отказ брата.

В результате у меня на целых две недели появилось занятие. Оно не было для меня новым – еще в начале года перевез на новую квартиру свою семью. Мой опыт, конечно же, пригодился. И вскоре семья Гены справила новоселье, а я снова объявился в Измайлово.

– Ну, что я тебе говорил? – смеялся Боря, – Генка меня не заарканил, так за тебя взялся. Я сразу понял, что сдашься.

Но, помогать пришлось и Борису. По случаю, он приобрел великолепную деталь интерьера – люстру. Это было нечто. Очень красивая люстра с множеством изящных хрустальных штучек радикально преобразила квартиру. Когда ее, наконец, включили, от нее нельзя было оторвать глаз – она ожила, переливаясь всеми цветами радуги. Ни в одной из генеральских квартир я не видел такого чуда. Да-а-а. И такое чудо за приличные деньги приобрел простой сторож автостоянки.

Глава 4. Ответственный квартиросъемщик

В октябре пришла телеграмма из Харькова – меня приглашали для участия в судебном процессе. Бюрократическая машина щелкнула и на один щелчок продвинулась к моей цели. Что ж, снова в путь.

В Харькове меня встретили как спасителя человечества. По мнению адвоката, я был проходной пешкой в предстоящих судебных баталиях. И еще меня ждали длинные мамини списки “Работа для Толика”.

Но, начал с похода в паспортный стол. Неожиданно в голову пришла удачная мысль, которую тут же захотелось проверить на практике. А рассуждал так. Прошло время, и вряд ли кто-то из паспортисток помнит о поголовном запрете прописки в нашу новую квартиру. Одно дело, если паспорта принесли бы все, кто вписан в ордер. Проверят ордер, поднимут документы, непременно вспомнят. Совсем иное, если требуется прописать одного человека – например, вернувшегося из армии сына к родителям. Но, за время службы родители получили новую квартиру. Спрашивается, зачем прописываться в старой, где, возможно, живут другие люди, и тут же выписываться из нее, если проще отметку о прописке сразу сделать по новому адресу. Автоматически теряется прописка по старому адресу.

Захватив необходимые справки, двинул в паспортный стол. Логика моих рассуждений сработала. Меня выслушали, проверили документы и, не обнаружив крамолы, предложили написать заявление. Едва это сделал, мне порекомендовали поскорей попасть к начальнику паспортного стола, потому что его, в связи с юбилеем, не будет на службе целую неделю, а без подписи начальника дело встанет.

Чиновника перехватил уже у машины. Я попросил его войти в положение: вернулся из армии, срочно нужна работа, а без прописки не устроиться. Мне повезло – попал под благодушное расположение широкой души бюрократа накануне его личного праздника.

– Как там наша армия? – покровительственно спросил начальник, очевидно бывший военный, даже не читая заявление, а лишь просматривая на нем визы своих подчиненных.

– Как положено – крепит могущество.

– Где служил? Чем занимался?

– Сушил порох на солнышке в Среднеазиатском округе.

– Как это? – не понял юмора бюрократ.

– Как учит партия – держать порох сухим, – уточнил я. Бюрократ рассмеялся и тут же подмахнул заявление.

Подписанное заявление подшили в дело, заполнили какие-то бланки. И произошло чудо – у меня взяли паспорт на прописку!!! Предложили зайти денька через три.

Три дня был, как на иголках. Все валилось из рук, а потому мамин список таял медленно. И вот я снова в паспортном столе. Очень буднично, покопавшись в ящичке, мне возвратили паспорт, в котором стоял штампик о прописке в новой квартире. Полный бред! Так просто? Но, факт налицо – бюрократическая машина дала сбой и вместо тормоза нажала акселератор.

Как единственное прописанное в квартире лицо, автоматически стал квартиросъемщиком. Более того, с этого момента с нас просто обязаны брать квартплату, которую до сих пор брать отказывались. Одним словом, оказалось, что в нашем гигантском бюрократическом аппарате правая рука не знает, что делает левая, и мне удалось этим воспользоваться. Удача вдохновила, и я направился в военкомат.

В военном ведомстве такой же аппарат, размахивая множеством правых и левых рук, ситуацию все же контролировал. Я написал необходимое заявление о переводе моих документов в Москву, подписал его у военкома, контора заполнила бланки. Увы. На финишной пря-

мой какой-то клерк, проверив уже упакованное дело, бланки и паспорт, заявил, что все будет отправлено по адресу, но предварительно я должен предъявить ему паспорт, в котором будет штампик о выписке из Харькова. Военные бюрократы нажали на правильную педаль и тормоза сработали.

Наш адвокат был в восторге. Он и так “накопал” немало. Оказалось, претендент на нашу квартиру имеет собственный дом в области. Более того, он и его семья прописаны и до сих пор живут в том доме, а не в общежитии, как указано в заявлении “истца”. Справки о проживании его семьи в общежитии – липовые. А недавно истец бросился активно продавать свой дом в надежде “на халяву” получить квартиру в Харькове.

– Да-а-а. Кому рассказать, не поверят, – удивлялся адвокат, – В арестованную квартиру прописывают человека, даже не включенного в ордер, то есть не имеющего на нее никаких прав. Этот человек женат, имеет ребенка. Он, как квартиросъемщик, имеет право прописать свою семью. Квартира для ведомства, выдавшего ордер, потеряна. Класс!!!

– Не хочет жена из Москвы переезжать в Харьков, – робко возразил я.

– Не хочет, и не надо. Важно, что это в принципе возможно, – продолжал рассуждать юрист, – Вернуть ситуацию в исходное невозможно. Вас уволили из армии по болезни, по психиатрической статье. У вас иммунитет. Допустим, из благородных побуждений вы согласитесь прописать в вашу квартиру родителей. А братьев, особенно женатого, не рекомендую, – продолжил фантазировать адвокат, – Все эти лица прописаны на жилплощади, на которую ведомство незаконно выдало ордер. В общем, это дело у меня в кармане.

Как всегда, совершили культпоход на старую квартиру. К всеобщему удивлению, в квартире плотно поселился Шурик – сын дяди Вани. Вся комната была загромождена его вещами. Самого Шурика, да и Саньки не было. Первый – на занятиях, второй – на работе. Нас встретила Тамара с ребенком.

Тамара тут же пожаловалась, что ей такое соседство не полюбу. Мало того, что приходится ухаживать за незваным гостем, который, конечно же, как родственник ни за что не платит, но такое ощущение, что гость постепенно становится хозяином. А причина одна – водка. Он методично спаивает слабовольного Саньку, которому вообще нельзя пить.

– И давно он у вас живет? – спросила мама.

– С конца августа. Уже два месяца. Они тогда с дядей Ваней приехали. Дядя Ваня еще недели две пожил, а этот остался, – ответила Тамара.

– Надо же. А к нам ни разу не заехали, – удивилась мама, – И вы что-то затаились. Да и Володя ничего не сказал.

– Володю они особо предупредили, чтобы не говорил. Он к нам вообще перестал заходить, как только этот тип окончательно здесь расположился.

– Батя, – вмешался я, обращаясь к отцу, внимательно слушающему, но не участвующему в разговоре, – Это же легко прекратить. Пусть переселяется в общежитие, или снимает квартиру, но не здесь. Он же не просто так Саньку спаивает. Когда вопрос с квартирой решится, он втихаря пропишется здесь и оттяпает комнату, а то и всю квартиру. С него станет. У меня есть план.

– Что за план? – оживился отец.

– Проще простого. Мы сейчас уезжаем. Тамара о нашем визите никому не рассказывает. А ты попроси своих знакомых милиционеров из паспортного стола, чтобы они внезапно проверили квартиру на предмет установления проживающих в спорной квартире. Все, кроме Шурика, проживают законно. А дальше совсем просто – в 24 часа покинуть спорное жилье.

План был принят и успешно реализован. Вот только результат оказался совершенно неожиданным. Через день после нашего визита, поздним вечером Шурик внезапно объявился

на новой квартире, причем, со всем своим скарбом, который привезли друг за другом сразу несколько легковых такси.

– Принимайте гостя, – сияя золотом и широкой улыбкой, приветствовал нас Шурик, – А меня из общаги выперли. Вот решил у вас пожить, пока не устроюсь где-нибудь. Надеюсь, не возражаете? – нахально врал студент “блатного” института, не знавший, что мы давно в курсе его проблем – еще до того, как они у него возникли.

Тем не менее, браво, Шурик! Сюрприз удался. Время вторжения выбрано удачно. Кто же откажет в приюте “пострадавшему” родственнику. В общем, похоже, Шурик решил пережить смутное время у нас. Дальнейший его план очевиден – стесненные нагловатым племянником и его вещами, родители сами предложат ему старую квартиру, едва там минует смутное время. Размещая багаж так, чтобы и здесь расположиться с комфортом и надолго, по всем вопросам Шурик общался только с родителями, демонстративно не замечая меня. Они же были обескуражены настолько, что совсем не могли противостоять энергичному напору племянника. А он уже определился, что займет маленькую комнату, и попросил Володю срочно убрать оттуда его вещи, иначе ему там будет тесно. Что ж, пора брать инициативу в свои руки и показать, кто здесь хозяин, по крайней мере, юридически.

– Шурик, сегодня ты, конечно, можешь переночевать, но размещать багаж не спеши. Пусть останется, где лежит. За завтрашний день ты должен решить свою проблему с общежитием и к вечеру уехать отсюда. Нам сюрпризы накануне судебного процесса ни к чему. Вчера здесь была милиция, проверяла документы и строго предупредила, чтоб до решения суда здесь не было никого, кто не включен в ордер. Даже родителей и Володю чуть, было, не выставили на старую квартиру – по месту прописки. Я один здесь прописан и по закону – ответственный квартиросъемщик. Мне неприятности не нужны, Шурик.

На этот раз обескуражен Шурик. Этого он, похоже, не ждал. Не могли же мы знать о том, что именно милиция выставила его со старой квартиры. А потому мое сообщение о здешнем ее визите воспринял настороженно, несколько не усомнившись в его достоверности. Повторное строгое предупреждение Шурику было ни к чему. Чего доброго, еще в институт сообщат. Он мгновенно сник и потерял интерес к багажу, горы которого загромождали всю прихожую, часть кухни и даже маленькую комнату.

С утра мы с Шуриком занялись поиском подходящего жилья, а в обед уже ловили такси за такси и загружали их до предела багажом. И вскоре кавалькада авто умчала “богатенького” студента престижного вуза на новое место жительства.

Эти горы багажа еще неоднократно будут возникать то на новой, то на старой квартире в полном соответствии с непредсказуемыми планами беспокойного родственника. Это будет продолжаться все годы его пребывания в Харькове. А борьба за его принудительное выселение будет все ожесточеннее и ожесточеннее, ибо наглость не знает пределов.

А пока мы облегченно вздохнули. Операция “Ы” закончилась, впереди – “новые приключения Шурика” в частном секторе жилья.

Нас же ждала череда судебных заседаний и вынужденных, довольно длительных перерывов между ними, обусловленных необходимостью перепроверки все новых и новых фактов, которые, как фокусник, все выкладывал и выкладывал наш защитник в ответ на обвинительные выпады адвоката истца.

Заседания были захватывающими, но почти всегда короткими, за исключением последнего, где было оглашено судебное решение.

Кроме последнего заседания запомнилось лишь первое, точнее не само заседание, а его преддверие, когда я впервые столкнулся с нашим обидчиком.

Я опознал его еще издали. К нам с Санькой двигалось что-то громадное, заслонившее собой яркий свет, струящийся из большого окна, расположенного в торце коридора. Это был типичный крестьянин, упакованный в военную форму. Белых офицеров большевистские комиссары безошибочно опознавали по выправке, как бы они не маскировались. Точно так же, как ни ряди крестьянина, его видно сразу. Его сопровождало несколько мелких людишек, незаметных на его фоне.

– Вот он стоит. Так что заседание состоится, – басила фигура кому-то из мелких, очевидно адвокату, – Постарайся, чтоб сегодня же покончить с этим делом.

– Вряд ли выйдет за один день, если упрутся, – возразил мелкий.

– Я ему упрусь. Я его еще за оружие привлеку. Это он милиции мог лапшу на уши вешать. Пугач он им показал. Меня-то не обманешь. Что молчишь? – вдруг обратился он к Саньке, – Или ты только дома смелый с пистолетом? – явно задирался “истец”. Это уже было очевидным. “Здоровый жлоб. Палкой не убьешь”, – мелькнуло в голове. Санька молчал, не отвечая на провокацию.

– Еще и стрелять не умеешь, – продолжил провоцировать жлоб, – Два выстрела и оба мимо. Знал бы, что ты так стреляешь, размазал бы по стенке. Никакой суд бы не понадобился, – подойдя к Саньке, со злобой басил он свой монолог.

– Дурак ты, дядя, – не выдержал словесного поноса брат, – Если бы я целился в тебя, ты бы здесь не стоял. А нужно будет, не промахнусь – мишень слишком крупная, дядя.

– Смотри ты, осмелел, заговорил. Думаешь, тебе твой чокнутый братец поможет? И не таких видали. Никто и ничто тебе не поможет. Вылетишь из этой квартиры пробкой. Кстати, а не твой ли это сумасшедший брат? – показал он пальцем на меня и покрутил им у виска.

И тут я сорвался. Еще во время монолога этого придурка меня начало трясти, как в лихорадке. Но, чем громче он басил над головой, тем ярче разворачивалась в моем сознании картина недавних событий. Я вдруг почему-то представил, что все еще нахожусь в госпитале, в коридоре процедурного кабинета, куда нас, троих “психов”, привели два медбрата. Вот они все стоят рядом со мной.

“Это уже было. Почему повторяется? Нас обязаны пропустить без очереди. Почему этот басовитый нас оскорбляет? Да это же многоликий полковник Кац! Почему он в Харькове? И здесь от него нет покоя. Но, я успею. Я задушу его раньше, чем ему помогут”, – решил, чувствуя, как все мышцы наливаются кровью, а голова праведным гневом. Сначала этот полковник Кац назвался ветврачом полигона. Он надоел мне на дежурстве своей сумасшедшей собачкой: “Где ее голова? Куда дели голову?” Откуда я знаю, где голова. А потом притворился крупным начальником и орал на меня в штабе полигона. Этот гад хотел посадить меня в тюрьму. Он орал во все свои телефоны. А бедный графин дрожал от страха. Я застрелил его красный телефон в благородном поединке. А он все не унимался. В госпитале прикинулся председателем медкомиссии. Он измучил вопросами и пытался гипнотизировать. И снова угрожал. А сам – полный кретин, потому что не знает гениев человечества, а думает, что разобрался в кристаллической жизни. Когда же он отстанет? Передо мной снова стоял заклятый враг, которого надо во что бы то ни стало уничтожить голыми руками.

– Мразь!!! – взревел я и прыжком взметнулся в воздух, как тот псих в госпитале. Мои руки в одно мгновение с хрустом сжали горло полковника Каца. Я видел лишь его глаза. Они были полны ужаса. Он хрипел и валился куда-то в сторону. А я не чувствовал ничего, кроме наслаждения местью. Потом провалился в пустоту.

Моя, в общем-то, мотивированная вспышка ярости напугала всех участников и свидетелей происшествия. Моего врага спас от гибели кто-то из его людишек, обрушивший на мою голову горшок с комнатными цветами, висевший в простенке между двумя репродукциями. И

лишь вовремя подоспевшие отец и наш адвокат спасли меня от расправы. Пока нас обоих приводили в чувство, адвокаты успели обо всем договориться. Они предложили забыть об инциденте и сосредоточиться на процессе. Нам же настоятельно рекомендовали отныне контактировать только через них.

Ни я, ни мой обидчик не участвовали в принятии решения. “Истец”, оказавшийся на волосок от смерти, в тот день не проронил ни слова. И впоследствии я так и не услышал его густого баса. Некоторое время он говорил только шепотом и только со своим адвокатом. Да и позже лишь сипел и хрипел, когда его допрашивали судьи. У меня же с неделю ломила голова, и постоянно подташнивало. Похоже, эти уроды устроили мне легкое сотрясение мозга. Как бы обрадовался Иван Иванович, главный психиатр госпиталя, если бы узнал об этом. Его отчет о моем психическом состоянии непременно был бы тут же украшен замечательным фактом. Типичная схема Саши Дудеева. Жаль, что поздно.

Напуганы были и родители. Они, наконец, осознали, что просто так из армии не увольняют. Я заплатил за это своим здоровьем и своей растроченной впустую душевной энергией. На время, пока приходил в себя после травмы и сильного душевного потрясения, меня оставили в покое. Мне, наконец, перестали докучать постоянными разговорами о моем будущем, которое родители представляли совсем не таким, каким его видел я.

Стоило мне тогда показать свой паспорт с пропиской, как обрадованные родители тут же посоветовали немедленно устроиться на авиазавод, где я когда-то работал в период учебы в авиационном институте.

– Мама, кем устроиться? – спрашивал я, – У меня всего лишь второй разряд слесаря-жестянщика. Да. Тогда я там прилично зарабатывал, но это было много лет назад. Все нормативы поменялись. Все изменилось. К тому же у меня высшее образование. А мастер и инженер получают копейки. Да и то эти места надо еще заслужить. У меня другая специальность. К тому же я все уже решил. Я буду работать по своей специальности в Москве. Я об этом вам уже говорил неоднократно.

– И ты уедешь в чужой город? Здесь тебе все знакомо с детства, а там? Огромный город, чужие люди. Здесь ты уже прописан, а там еще полная неизвестность, – пыталась убедить мама.

– Мама, там куча наших родственников. Даже больше, чем в Харькове. Там туча знакомых по Казахстану. Там, наконец, живет моя семья. Почему вы не можете меня понять? – выкладывал я свои аргументы.

– Вот-вот. Твоя семья. Здесь уже не твоя семья. Ты не спросил нас, когда женился, а теперь у тебя своя семья. Предложи им переехать в Харьков и увидишь, что они ответят – сразу откажутся. Вот тебе и семья. Вот у Саши Бондаря – семья. Валя, какая красавица, скоро институт окончит. А у тебя что? Ты и здесь, в Харькове, найдешь себе достойную жену, – продолжала воспитывать мать. В этом месте я, как правило, выходил из себя и взрывался.

– Мама, я не хочу обсуждать свою личную жизнь. Свой выбор я уже сделал. Тебе и Людочка не нравилась, хотя Вале до нее далеко по всем параметрам. Людочки больше нет. Что же касается Вали, то стоит мне ее позвать, она бросит все. Но, надо ли мне разрушать ее семью? Ты всегда говорила: “На чужом несчастье счастья не построишь”. А сами? И она, и ты готовы толкнуть меня на этот путь. Все, вопрос закрыт.

На этом разговор обычно завершался, но на следующий день все повторялось.

Лишь через неделю после инцидента в коридоре здания суда я, наконец, почувствовал себя немного лучше. Признаки сотрясения почти прошли, постепенно рассосалась и большая шишка на голове. Но, осталось нечто такое, чему я пока не мог найти объяснения. Я стал бояться самого себя, точнее, непредсказуемости своих поступков.

В первые дни, которые провел в постели, в моем сознании периодически возникали отдельные фрагменты происшествия. И я неожиданно обнаружил, что не в состоянии составить из этой мозаики общую картину того, что случилось. Постепенно всплыло самое страшное для меня откровение – Я ХОТЕЛ УБИТЬ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА и сделал бы это, если бы меня не остановили.

Ничего подобного я не испытывал, когда однажды шагнул под пули преступника, прицельно стреляя в ответ. Но, даже тогда у меня не было цели убить его, а уж тем более столь пронзительного желания сделать это непременно.

В момент атаки, своего противника я представлял не человеком, а бешеным зверем, которого необходимо обезвредить, нейтрализовать. Он был смертельно опасен, потому что вооружен таким же оружием. У него было преимущество – он видел меня из засады. Я же стрелял по вспышкам коротких очередей его автомата. Мои точные ответные выстрелы загнали преступника в укрытие. Оттуда невозможно вести прицельный огонь, и ему оставалось только сдаться. Он предпочел застрелиться.

Я видел его агонию, и меня долго преследовало ощущение моей вины в его смерти, пока не понял, что такой уход он наметил заранее. Мне было жаль этого человека, хотя в тот день он стал преступником, убив и ранив десяток беззащитных людей. У него были свои мотивы, и он заранее приготовился заплатить за все своей жизнью. Его трудно понять, но ему можно посочувствовать.

Происшествие в суде показалось мне чем-то принципиально иным, хотя по последствиям для моего противника могло оказаться идентичным. У меня не было личной неприязни к обоим противникам – я их просто не знал. Но, мучительно пытаюсь вспомнить мои ощущения в момент схватки, ловил себя на мысли, что снова не видел в своем противнике ЧЕЛОВЕКА. Передо мной было очень крупное и очень сильное НАСЕКОМОЕ. Я знал слабое место этой мрази и готов был задушить ее голыми руками. Почему же у меня возникли именно такие ощущения? Это было важно, потому что почувствовал, что одолел тот психологический рубеж, который фронтовики называют “страхом первой крови”.

Ибо, окажись снова в подобном, не контролируемом разумом состоянии, мог вновь стать смертельно опасным для окружающих. Именно это пугало больше всего. А потому мне необходимо было понять причины такой трансформации противника в моем сознании.

Итак, вначале возникла военная форма. Скорее всего, именно ее цвет и вызвал последующие ассоциации с насекомыми. Что еще? Габариты. Очевидно, они тесно связаны с функцией “жрать”. Не есть, не кушать, а именно жрать – без меры, без ограничений. Так ведут себя существа низкого порядка – безмозглые, примитивные. Что еще? Словесный понос. Именно так я воспринял монолог этого зеленого бесформенного колосса. Он унижал, оскорблял и запугивал, но не столько словами, сколько злобной интонацией и мощью своего баса. Я почти не вникал в суть его речи. Я воспринимал ее как свирепое жужжание огромной ядовитой мрази. Ее цель – нанести максимальный урон противнику и хапнуть чужое. Истреблять, хапать, жрать и размножаться – основные рефлексy подобны безмозглых тварей.

Словом, типичное ядовитое НАСЕКОМОЕ. Насекомых много. По численности они на втором месте после микробов. Их не жаль. Особенно зловредных.

Но, изначально возник многоликий полковник Кац. Человек, который в моем болезненном сознании ассоциировался с множеством копий этого полковника, возникавших повсюду, словно они стремительно размножились, подобно насекомым. Этого полковника, которого в действительности никогда не видел, я всегда воспринимал как своего личного врага. Его-то воображаемый образ и увидел перед собой в коридоре здания суда, прежде чем он превратился в ядовитое НАСЕКОМОЕ, которое хотелось безжалостно уничтожить.

Мои мысли скакали горохом в опустевшей после удара голове. Но, время делало свое дело. Голова понемногу заполнялась роем воспоминаний, а целостная картина так и не складывалась. И постепенно я впал в состояние депрессии. Как всегда, навалились кошмары. Стоило уснуть, и я снова и снова стрелял по вспышкам автоматных очередей, или душил огромное насекомое, которое сначала пронзительно визжало, как испуганная женщина, а потом густым басом виртуозно поливало меня заковыристым отборным матом.

Я больше не мог смотреть телевизионных передач, в особенности, художественных фильмов. Они особым образом трансформировались в моей поврежденной голове, наслаиваясь друг на друга и перемешиваясь с гипертрофированным отображением реальных событий. Вскоре в мои сны стали проникать подробные сюжеты судебных заседаний, которые все повторялись и повторялись, раздражая меня во сне не меньше, чем наяву.

Судебный процесс затягивался. Перерывы между заседаниями становились все продолжительней и продолжительней. Создавалось впечатление, что моя судебная эпопея никогда не кончится, как и затянувшийся, вот уже на полгода, переходный период от моей военной службы к “гражданской” жизни.

Дома меня постепенно оставили в покое. Мамин список “Работа для Толика” был отложен до лучших времен. Неопределенность в судебных делах создавала чемоданное настроение не только у меня. Временами казалось, что родители готовы плюнуть на все и вернуться со всеми пожитками на старую квартиру. Там была наша прежняя жизнь. Там все было родное. А здесь? Обычный новый район. Странная “доработанная” квартирными мошенниками темная квартира на неудобном первом этаже. Ванная и туалет? Что толку от такой ванной. Горячая вода бывает редко, а летом вообще не подается. И тогда ванна превращается в привычное корыто. Да и к дворовому туалету в старом двореке мы давным-давно привыкли. Зато, куда не глянешь, воспоминания, воспоминания, воспоминания.

Незаметно подтянулась осень. В Харькове она действительно сезон года. Подкрадывается постепенно, длится долго и плавно переходит в зиму. Совсем не то в Казахстане. Сегодня нестерпимая жара, а завтра, выйдя в рубашке с короткими рукавами, стремительно несешься назад и надеваешь теплый свитер и куртку. Потом с неделю дуют сильные ветры, поднимая тучи мелкого песка, а потом резко холодает. Снег еще будет нескоро, а может и вообще не выпасть за всю зиму, но всем уже понятно, что пришла зима.

Теплая золотая осень уже подходила к финишу, когда наш адвокат вдруг объявил, что, похоже, мы, как и осень, выходим на финишную прямую. Не исключено, что еще до Октябрьских праздников начнется заключительное заседание, которое продлится дня два-три, по завершении которого будет оглашено судебное решение.

Новость вдохновляла, но ощущение бессмысленности моего пребывания на всех этих заседаниях меня не покидала. И я сказал адвокату, что скорей всего уеду на праздники в Москву. Мое сообщение его напугало.

– Да вы что? Вы же моя козырная карта. Забудьте о праздниках. Сейчас именно от вас будет зависеть все, – темпераментно пояснил адвокат.

А мне уже было все равно, чем закончится этот процесс. Лишь бы он закончился поскорее, и я смог бы, наконец, уехать туда, где меня уже давно ждут жена и дочь, где ждет интересная работа и учеба.

Время до начала процесса тянулось томительно медленно. Днем я еще чем-то был занят, а вечерами меня одолевала тоска, причем тоска беспричинная. Хотя, мне кажется, беспричинной тоски не бывает.

Лишь Володя периодически пытался показывать мне свои картины и большие красочные альбомы репродукций картин известных авторов. В последнее время он увлекался импрессионистами, и весь вечер до поздней ночи я слушал его рассказы о жизни этих художников. Вна-

чале почти не слушал, но с каждым вечером ощущал, что мои познания в области искусства становятся все обширней и все глубже.

А заключительное заседание все переносили и переносили. И лишь во второй половине ноября свершилось чудо – была назначена окончательная дата, перенос которой невозможен. Уже в первый день заседание продлилось несколько часов. Но лишь на следующий день добрались, наконец, до меня. Я проходил по делу как “свидетель”.

И вот судья вызвал меня для опроса. После формальных вопросов судьи меня передали адвокатам.

– Вы женаты? – последовал вопрос адвоката “истца”.

– Да, – ответил я, понимая, какой вопрос будет дальше. Так и случилось.

– А где живет ваша жена и ребенок?

– В Москве.

– У них есть жилплощадь?

– Да. Они проживают в квартире, которую получила мать жены.

– Значит, и у вас там есть жилплощадь, если вы решите жить с семьей в Москве?

– У меня нет там жилплощади. Да и как я могу знать, что будет завтра, если не знаю, чем закончится день сегодняшний. Из армии меня направили в Харьков, а не по месту жительства жены. Харьков – мой родной город. И в данный момент официально я – харьковчанин.

– Как вам удалось прописаться, если не секрет? – задал вопрос адвокат “истца”, и я краем глаза отметил, как дернулся наш адвокат. Но я остановил его жестом.

– Без проблем. Все годы моей службы в армии, вопрос о моей прописке никем не ставился. Я жил в казарме, затем дома, а затем в офицерском общежитии части. Когда оформлял паспорт, в паспортном столе сообщили, что моя харьковская прописка не аннулирована. И в мой паспорт можно без проблем вписать как старый адрес, так и новый – по месту жительства родителей, если они не возражают. В последнем случае моя прописка по старому адресу будет аннулирована. Я выбрал новый адрес.

– За эту операцию вы кому-нибудь платили? – последовал явно провокационный вопрос.

– Протестую, – тут же заявил протест наш адвокат. Судья протест принял.

– Скажите, по какой причине вас уволили из армии? – задал, наконец, вопрос наш адвокат.

– Я комиссован и уволен по болезни, – ответил я.

– В каком отделении госпиталя вас лечили и комиссовали?

– В психиатрическом, – ответил я, чувствуя, что больше у меня спрашивать нечего. Так и оказалось.

На следующий день объявили судебное решение. “Истцу” отказали. Все аресты сняты. Ордер нашего обидчика признан недействительным.

В общем, мы победили. Оставалось лишь дожидаться решений по апелляции, если, конечно, “истец” ее подаст. Но все это уже будет проходить без нашего участия.

– Могу ли я, наконец, ехать в Москву, – спросил адвоката.

– Подождите десять дней. Если апелляции не будет, можете ехать, – ответил адвокат, – Но, выписаться вы сможете лишь после того, как родители получат на руки решение суда и на его основании пропишутся в новой квартире.

Что ж, мой полугодовой “отдых” близок к завершению. И еще, я интуитивно почувствовал, что это был последний столь продолжительный период моей жизни в родном городе.

А чтобы время пошло быстрее, пришлось вспомнить о мамином списке “Работа для Толика”. Похоже, другого Толика в обеих квартирах вплоть до следующего моего отпуска не найдется. И этот список так и будет расти и расти.

Апелляцию наш противник так и не подал. Отец попытался узнать, когда можно получить решение суда, но его лишь обнадежили обещанием, что это случится еще до новогодних праздников. Я оставил свой паспорт и доверенность отцу, и купил билет до Москвы.

За день до отъезда навестил кладбище. Перед тем, как надолго уехать из города, я всегда приезжал сюда, к моей любимой Людочке. За полгода, которые здесь не был, так и не обнаружил следов посещения могилы кем-нибудь из ее родственников. Памятник на новом основании теперь стоял надежно, но новая фотография на нем так и не появилась, и предназначенный для нее овал до сих пор зиял пустотой. Что ж, запишу в свой личный символический список “Работа для Толика”.

За час привел в порядок могилку и заказал рабочим окраску оградки.

“Что еще я могу сделать для тебя, любимая? Как жаль, что это уже ничего не изменит в опустевшей без тебя Вселенной. Я не смог сделать для тебя самого главного – спасти от неминуемой смерти. А все остальное – бессмыслица. Оно лишь пустяк для тщетного успокоения твоих родных и близких, которые еще помнят тебя. Ты где-то здесь, любимая, совсем близко от меня, но как далеки мы теперь друг от друга. Как бы хотелось, чтобы хоть на миг исчезла страшная бездна, разделяющая нас. Чтобы смог протянуть руку и снова ощутить тепло и нежность твоей руки, как тогда, когда часами сидел у постели, любуясь красотой, которую так и не смогла победить болезнь, но которую безжалостно уничтожила смерть. Но я помню твоё цветение, мой самый яркий и неповторимый цветочек. Я помню тебя совсем маленькой хорошенькой девочкой, одетой в хлам с чужого плеча. Помню наши детские игры, и как я защищал тебя – свою младшую сестренку. Помню тебя маленькой мамой твоей двухлетней сестры. Помню, как мы вместе ухаживали за нашими малышами и играли с ними. Помню, как ты поразила своим блестящим выступлением на соревнованиях, а я понял, что люблю тебя, и буду сражаться за твою любовь хоть со всем миром. Помню нашу весну, когда впервые заглянул в твои глаза и утонул в них навсегда. Помню наши дни счастья, когда мы любили друг друга так искренне и так чисто, как бывает лишь, когда любовь взаимна. Помню решимость и одновременно слезы в твоих глазах, когда мы расставались на долгие годы, а я ничего не мог понять, что произошло, и почему ты так внезапно переменилась ко мне. Помню день нашей встречи через столько лет разлуки, искалечившей наши судьбы. Как же прекрасна ты была, любимая! Помню вечер, когда ты приняла мое предложение и стала моей невестой. Помню месяцы, проведенные у твоей постели, когда ты безнадежно болела, не жалуясь на судьбу. Помню наш последний разговор накануне твоей смерти. Ничто не подсказало тогда, что вижу тебя живой в последний раз. Ты простилась со мной без слез, с улыбкой, словно мы расставались ненадолго. Помню все наши разговоры в детстве и в юности, и в последний год твоей такой коротенькой жизни. Я помню все, любимая, и никогда не забуду ничего из того, что было связано с тобой. Потому что не было ничего ярче и светлей в моей жизни, чем наша с тобой дружба и наша большая любовь навсегда”, – мысленно говорил любимой, а, по сути, самому себе.

И снова заморосил затяжной осенний дождик, а я стоял и стоял у могилы моей любимой Людочки, ясно осознавая, что эта могила – самое дорогое, что оставляю в родном городе, который теряю окончательно и бесповоротно.

Я вдруг припомнил точно такой же день поздней осени семилетней давности. Точно так же над городом плыли низкие серые тучи. Изредка сквозь редкие просветы пыталось пробиться солнышко. Листопад уже почти прошел, и деревья стояли скучные, голые. Я ненадолго отошел от постели уснувшей Людочки и смотрел из ее окошка, пытаюсь представить ощущения любимой, когда совсем недавно она, как и я, грустила в одиночестве и смотрела на это небо, на эти деревья, на окна домов напротив, где жили чужие незнакомые люди.

– Толик, – вдруг услышал голос любимой и обернулся. Людочка уже проснулась и теперь смотрела на меня и улыбалась своей чудесной улыбкой. Я тут же бросился к ней, сел у ее постели и взял ее руку, протянутую мне, – Я уже минут десять за тобой наблюдаю. Чем ты так увлекся?

– Людочка, ты уже проснулась, а я не заметил, – виновато улыбнулся в ответ, – Изучаю вид из твоего окошка.

– Ну и как? – потускнев, спросила Людочка. Я же в ответ лишь неопределенно пожал плечами, – Да, Толик. Я сюда попала, как в чужой город. До сих пор не привыкла. Там у нас все было родное, знакомое. Там хоть изредка, но могла увидеть тебя. А здесь. Я смотрела на незнакомых людей, и мне становилось грустно и одиноко. Особенно в такую погоду. Не люблю осень. Даже зима лучше.

Людочка замолчала, и я удивленно молчал. Не удержавшись, все же спросил:

– Людочка, а разве ты хотела меня видеть? Мне показалось, ты избегала наших встреч, даже случайных.

– Толик, какие же мы с тобой дураки. Почему ты не прислал мне хоть одно стихотворение еще тогда? И не было бы этих тоскливых лет, – косвенно ответила любимая на мой вопрос, который не давал мне покоя все долгие годы нашей нелепой разлуки, – Толик, а как ты сочиняешь стихи?

– Людочка, не знаю. Они возникают сами по себе. Иногда почти мгновенно, иногда мучительно долго. Сначала возникает смутная мысль. Она тревожит, или забавляет – неважно, но захватывает полностью. Иногда ни о чем другом даже думать невозможно. Мысль оформляется в слова, в набор слов. Возникает ключевая фраза. Она становится все точнее и точнее. Начинает звенеть, будоражить, нравиться. Потом появляются другие фразы. Появляется ритм, плетутся рифмы. А потом, как озарение – внезапно рождается куплет, за ним другой. Иногда их меняешь местами. Чего-то не хватает, но есть основа. А потом – поток строк, вереница куплетов. И можно выбрать, с чего начать и чем закончить. Иногда что-то записываю, а чаще забываю. Но, всегда помню ключевую фразу. Вспоминая ее, можно сочинить много стихов.

– Да-а-а. Непросто. Толик, а ты можешь прямо сейчас сочинить стихотворение, в котором просто расскажешь о твоих ощущениях осени?

– Людочка, я не знаю, получится ли прямо так, сходу. Никогда не сочинял по просьбе. Но, для тебя попробую, – ответил любимой, и сердце тут же забило в ускоренном ритме. “Людочкин экзамен”, – подумал я. В юности она любила меня экзаменовать. “А ты донырнешь до середины реки?” – вдруг спрашивала на пляже. И я, выбиваясь из сил и почти задохнувшись, выныривал на середине. Нырять я лучше, чем плавать, да и река тогда, до строительства плотины, была намного уже, чем стала потом.

А сейчас – за дело. Людочкин экзамен я обязан сдать с первой попытки. Только что смотрел на низко нависшие тучи, на едва пробивающееся сквозь них солнце. Правда, эту осень я воспринимал радостно, потому что именно она вернула любовь моей Людочки через долгих пять с половиной лет нашей духовной разлуки. Но сейчас любимая болела, и это не давало радоваться в полную силу. И Людочка грустила по той же причине. Я чувствовал, что времени на нас обоих будто бы наваливается неодолимая тоска, словно эти свинцовые тучи. Я сосредоточился на этом образе, и мгновенно возникла ключевая фраза.

– Людочка! – вскрикнул так, что Людочка вздрогнула от неожиданности, и испуганно посмотрела на меня, – Есть ключевая фраза. Слушай. “Морем тоски наливается небо – серое небо свинцовых раздумий”. Ну, как?

– Толик, здорово! Я тоже думаю, но у меня пока так ничего и не вышло. А ты за пять минут сочинил.

– Да еще ничего не сочинил. Это лишь начало, или конец. Еще не знаю, – ответил ей, и минуты через три выдал очередную фразу, – Людочка, послушай. “Выглянет солнце и скроется снова, с осени взглядом столкнувшись суровым”. Ну, как?

– Да-а-а. Похоже, мне с тобой посоревноваться не удастся. Я все повторяю твою ключевую фразу, а у самой так ничего и не выходит.

– Выйдет, – успокоил любимую.

Оказывается, она захотела посоревноваться со мной. Она всегда любила со мной соревноваться, особенно в беге. Она бегала хорошо. Я тогда еще не очень, но выносливости хватало. И мы часто бегали с ней по улицам, взявшись за руки. Как же давно это было.

– Людочка, слушай, – отвлек любимую от ее сочинительства еще минут через пять, – “Смотрит печаль на свое отражение в зелени вод потемневшего озера”. Ну, как?

– А я помню то озеро, – вдруг обрадовалась Людочка, – Я угадала? – улыбнулась она.

– Угадала, – подтвердил я. Мы ездили туда когда-то на электричке. Я уже давно знал то зеленоватое от тины, но очень чистое озеро в небольшом лесочке. И когда Людочка и ее подружка Ирочка отказались купаться в нашей грязной речке, предложил им съездить на озеро всей нашей компанией. Это было совсем недалеко. Оказывается, она его помнила, хотя мы и были там всего один раз.

Я поколдовал еще минут пятнадцать над текстом и прочел Людочке только что сочиненное стихотворение ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ:

В поле стогов
Потемнела солома,
Рыжая грязь
На разбитых дорогах.
Выглянет солнце
И скроется снова,
С осени взглядом
Столкнувшись суровым.

Морем тоски
Наливается небо,
Серое небо
Свинцовых раздумий.
Вымерло все.
Лишь гонимые ветром,
Туч косяки
Проплывают угрюмо.

Смотрит печаль
На свое отражение
В зелени вод
Потемневшего озера.
Кажется, в мире
Застыло движение
Под ледящим
Дыханием осени.

Людочка была в восторге.

– Толик, ты за полчаса сочинил стихотворение! Даже не верится. Прямо на глазах. Знаешь, так хочется сходить в наш парк или в сад Шевченко. Как же там было хорошо! Ты помнишь?

– Людочка, я все помню. Все наши места, где мы бывали с тобой той весной, когда я был твоим Ромео, а ты моей Людочкой, – неожиданно слишком смело высказался я, поскольку все еще пребывал в состоянии творческого экстаза. Людочка на мгновение замолчала. Похоже, она еще не была готова к подобным разговорам. Что-то ее удерживало. Наше объяснение состоялось позже. А пока мы заново открывали друг друга. Похоже, первый экзамен я выдержал.

– Толик, а наш клен у входа в общежитие уже осыпался? Он всегда был такой желтый-желтый. Я так любила рисовать его листочки. Толик, если там еще осталось что-нибудь, принеси, пожалуйста, букетик из кленовых листочков. Принесешь?

– Людочка, ты еще спрашиваешь.

– Толик, а ты помнишь зимний вечер, когда Светланка захотела спать, ты расстроился, а потом я вышла одна, и мы с тобой гуляли вокруг угольной кучи?

– Конечно, помню.

– Ты меня тогда так рассмешил. В первый раз, когда попросила тебя достать из моего кармана носовой платочек. У меня обе руки были Светланкой заняты. А ты застеснялся, как девочка. Я сначала не поняла. Думала, боишься испачкаться. А когда догадалась, стало так смешно. Еле сдержалась. Ты же всегда был для меня как подружка. Я тогда впервые поняла, что мы с тобой уже выросли. А потом рассмешил, когда стал считать, сколько снежинок может поместиться на ресничках. А снежинки падали и таяли, и ты не мог сосчитать. Я потом весь вечер смеялась. И все это было у нашего клена.

Людочка еще о чем-то рассказывала, а я уже ее не слышал. Передо мной, как наяву, всплыл тот вечер. Крупными хлопьями тихо падал снег. И стояла такая звенящая тишина.

– Людочка, слушай, – перебил любимую, когда она на секунду задумалась, что-то вспоминая, – Ключевая фраза. “Легкие пушинки, белые снежинки, падают и тают на твоих ресницах”. Ну, как?

– Нет слов. Я только что об этом сказала, а ты уже придумал фразу. Нет, Толик, у меня ничего не получится. Буду ждать твое зимнее стихотворение, – слегка расстроилась Людочка. Но, судя по тому, как пожала мою руку, нисколько не жалела, что проиграла наше соревнование. Людочка улыбнулась и на время затихла, очевидно, чтобы не мешать мукам творчества. Минут через десять прочел любимой стихотворение ЗИМНИЙ ВЕЧЕР:

Легкие пушинки,
Белые снежинки
Падают и тают
На твоих ресницах.

Этот вечер зимний,
Этот воздух синий, –
Долго будет помниться,
Долго будет сниться.

– Толик, ты стихи печешь, как блины. Про осень есть, про зиму есть. Теперь весна и лето, и получится, как у Чайковского – “Времена года”. Ну, как? Одолеешь? – поставила новую задачу Людочка.

А передо мной уже разворачивалась картина весны. Весна – это яркий солнечный свет, это потоки света, пробуждающие природу от зимней спячки.

Первый куплет возник мгновенно.

– Людочка, послушай. Сразу целый куплет получился. “В волнах весеннего света, в грозах прозрачного мая рвется чудесное лето, зиму с пути сметая!”

– Великолепно. А почему май прозрачный? – неожиданно удивилась Людочка.

– А какой? Я и другие слова подбирал. Он у меня всяким побывал. Но мне показалось, что “прозрачный” будет точней. В мае все всегда светлое, прозрачное. Деревья покрыты мелкими светло-зелеными листочками, а кое-где белыми и розовыми цветами. Сквозь кроны можно смотреть – все видно. И люди весной одеваются ярче, особенно девушки, – пояснил ей свой выбор.

Когда упомянул о девушках, Людочка рассмеялась. Минут через пятнадцать понял, что больше, чем два куплета, не выходит. Но и с двумя текст выглядел цельным. И я прочел Людочке стихотворение ВЕСЕННИЙ СВЕТ:

В волнах весеннего света,
В грозах прозрачного мая
Рвется чудесное лето,
Зиму с пути сметая!

Тусклые серые краски,
Полосы грязного снега, –
Все исчезает, как в сказке,
В вихре его разбега!

– Ну, Толик, осталось мое самое любимое время года, – подбадривала любимая, – А ты можешь придумать, чтобы летом было море? Я еще ни разу не видела моря. Только во сне. Так хочется увидеть. И море, и другие страны. Особенно теплые, где всегда только лето, – высказала пожелания Людочка. А я уже чувствовал по ее виду, что она скоро снова уснет часа на полтора-два.

– Я постараюсь, Людочка, – пообещал ей. Минут через десять взглянул на нее. Она еще не уснула, – Людочка, послушай начало. “Волны синего моря мне сегодня приснились. О могучие скалы они с шумом дробились”.

Людочка вяло улыбнулась и прикрыла глаза. Тут же возникло название стихотворения – ЛЕТНИЙ СОН. В полчаса я его окончил:

Волны синего моря
Мне сегодня приснились.
О могучие скалы
Они с шумом дробились.

Серебристым потоком
Брызги к небу взлетали.
Отражалось в них солнце
И лазурные дали.

Те безбрежные дали,
Где незримой чертою
Небо словно сливалось

С голубою волною.

Там, за синим простором,
В море солнца и света,
Неизвестные страны –
Страны вечного лета.

Пока Людочка спала, я взял четыре тетрадных листочка и переписал на каждый из них по стихотворению. В верхней части каждого листка написал: “Моей любимой Людочке. Ромео”. Я подписался именем, которым Людочка так любила меня звать в нашу первую весну. Рядом с осенним стихотворением нарисовал Людочкин любимый кленовый листочек. Зимнее стихотворение украсила снежинка, весеннее – улыбающееся солнышко, а на летнем изобразил море, скалы и парусник.

Эти четыре листочка и пятый с четверостишьем, которое вручил любимой в день, когда мы объяснились, Людочка взяла с собой. Они лежат в кармашке ее любимого платья. В нем она встретила меня после нашей многолетней разлуки, в нем была в день нашей помолвки, в нем она похоронена. Так она пожелала, и ее мама все выполнила в точности.

Я долго думал, почему она так распорядилась. Ведь у нее были обе тетради моих стихов, посвященных ей. Мы обсудили с ней каждое стихотворение. Они все ей нравились. Она знала их наизусть. А выбрала только эти пять.

Иногда мне кажется, я понял ее выбор. Эти стихи возникли, когда мы с Людочкой вновь обрели надежду на счастье. Пусть призрачную.

Глава 5. Здравствуй, Москва!

Москва встретила по-зимнему. Небо осыпало стылую землю снежной крупой. Мела поземка, но тротуары были еще чистыми от снега. Было прохладно, но не холодно. Так, временное похолодание.

Примерно так же встретили и дома. Едва вошел, теща, как всегда, съехидничала:

– А мы думали, ты в Харькове остался жить. Ну, что, завтра на работу?

Что ей ответить, и надо ли отвечать? Не моя вина, что так сложились обстоятельства, что бюрократическая машина неповоротлива и работает со скрипом и скрежетом. Только и остается – набраться терпения и ждать.

Радовалась моему приезду только Светланка. Целый день не отходила от меня. Вечером приехала с работы Таня. Конечно, она тоже была рада моему возвращению, но по мгновенно упавшему настроению было видно, что результаты этой поездки в Харьков ее, как и тещу, не порадовали. Еще бы! Из первой поездки я вернулся хотя бы с паспортом, а из второй – без паспорта, да еще с ненужной харьковской пропиской. Она уже не воспринимала, что это все-таки прогресс, потому что ждала конечного результата. А его не было. Чуть позже в нашем разговоре впервые всплыл финансовый вопрос. Поездки истощили мой кошелек, а денежных поступлений можно было ждать лишь, когда документы поступят в московский военкомат. И неизвестно, когда они еще поступят.

Вряд ли в день моего приезда мы с женой обсуждали бы эту тему. Но, похоже, не обошлось без влияния тещи, и Таня заранее была готова к нелицеприятному разговору. Представляю, сколько усилий приложила мать, внушая дочери свои меркантильные соображения. Помню, еще в Казахстане сказал Тане, что “на гражданке” мне, очевидно, не скоро удастся достичь уровня моего армейского жалования. Тогда она ответила, что неважно, сколько буду получать. Важно, что мы, наконец, будем все вместе. И вот впервые оказалось, что этого недостаточно. Настроение резко упало.

– Что ж, в Харькове мне предложили устроиться работать на авиазавод. Если это выход, готов завтра же вернуться. К тому же наш адвокат сказал, что я имею право прописать мою семью в новой квартире. Ты готова ехать со мной в Харьков? – спросил я Таню, заранее зная ответ. Реакция на мои слова оказалась неожиданной для нас обоих. В комнату ворвалась теща, которая, стоя под дверью, подслушивала наш разговор.

– Езжайте в свое Харьково! – тут же выложила она свое видение нашей проблемы.

Но, нет худа без добра – неудачное вторжение тещи мгновенно положило конец нашей размолвке. Теща была выдворена, а Таня, наконец, стала слушать, а главное – слышать то, что рассказывал ей о харьковских событиях.

Решили, что никто никуда не поедет, а с утра займусь ремонтом квартиры. Еще днем обратил внимание на отошедшие кое-где обои. Особенно это было заметно в комнате тещи – в углах у окон. В Харькове обои были не в почете, большинство предпочитало окраску стен. А потому предстояло освоить совершенно незнакомую операцию.

К моему удивлению, все оказалось гораздо сложнее, чем думал. Стоило вскрыть угол, оттуда высыпалось все, что могло сыпаться. Остальное вывалилось. Часть сразу, а часть от легких постукиваний молотком. Оголилась арматура, а в образовавшуюся щель между плитами была видна улица. И это новый дом. И года не прошло с момента сдачи в эксплуатацию. Теща была поражена и испугана.

– Да ты так весь дом разрушишь! Езжай в свое Харьково, там ломай, а здесь не смей. Немедленно прекрати, а то милицию вызову! – закричала она так, что напугала Светланку,

которая тут же расплакалась. Успокоив дочь, убрал мусор, заткнул щели тряпьем и отправился на поиски стройматериалов.

В магазине “Хозтовары” цемент продавали расфасованным в килограммовые пакетики по рублю за пакетик. Мне же требовалось не меньше пятидесятикилограммового мешка. Стоил такой мешок цемента три рубля, но это был дефицитный товар. Обошел ближайшие стройки. Но, туда поставляли готовый бетон, строго по графику. В конце концов, поиски все же увенчались успехом – за пятерку купил мешок цемента у какого-то пьяного сантехника.

Песок обнаружил лишь в детской песочнице. Но, выхода не было. Простите меня, дети. Хотя, какие дети глубокой осенью у песочницы? В качестве щебня решил добавлять то, что высыпалось из развороченного угла. Все было готово, и я приступил к работе. Неожиданно обнаружил подглядывающую в дверную щель тещу. Сделал вид, что не заметил.

Когда полностью заделал угол, пригласил оценить работу. Вид забетонированного угла впечатления не произвел, но успокоил.

– А где обои? Как я в такой комнате буду спать? – снова закапризничала теща.

Зато, когда принялся за второй угол, проблем больше не возникло. Тане, вернувшейся с работы, тоже успел показать вид на вечернюю улицу через огромную амбразуру между панелями. Половина щели уже была заделана, а потому жена ничуть не испугалась, хотя и очень удивилась.

В выходной, отстояв четырехчасовую очередь в “Доме обоев”, приобрели очередной дефицит – несколько вязанок этих самых обоев.

Новые обои очень понравились тещиному коту. Едва, далеко за полночь, завершил обойные работы в коридоре, как наутро они висели клочьями. По следам когтей понял, что это резвился котяра, который, судя по всему, прыгал на стену, цеплял когтями клочок еще сырых обоев и, сдирая их со стен от верха до самого пола, падал на пол с добычей.

Целую неделю не мог себя заставить устранить следы кошачьей шалости. Переклеив, в конце концов, обои, следил за ними до тех пор, пока не высохли. Наутро снова обнаружил следы кошачьих когтей, но содрать обои хулиган не смог, а потому, похоже, потерял интерес к такого рода забаве.

Перед новогодними праздниками приехал из Харькова отец. Он, наконец, привез мой паспорт с нужными штампами, удостоверение личности офицера запаса, а также мою трудовую книжку и удостоверение члена профсоюза. Я давно забыл о существовании этих “гражданских” документов, которые были оформлены, когда еще работал на авиазаводе. Но, оказалось, мама их бережно сохранила.

Отец пробыл в гостях всего сутки. В тот его приезд он впервые увидел свою внучку, а Светлана – дедушку, и еще успел порадовать всех, приготовив замечательный украинский борщ. А у меня, наконец, были развязаны руки.

Еще до праздников, уже без всяких проблем, оформил московскую прописку и встал на учет в московский военкомат. В военкомате заверили, что, как только придут документы, меня известят открыткой. Что ж, полгода ушли на безделицу – на получение и юридическое оформление естественного человеческого права жить и работать там, где живет семья.

Предпраздничная Москва произвела удручающее впечатление. Казалось, накануне праздников все население ринулось в магазины. Но, если в рабочие дни очереди возникали в основном в утренние и вечерние часы, то теперь многократно выросшие вереницы людей заполняли каждый магазин, и очереди часто начинались прямо от входа в магазин, а то и на улице. Около нашего совсем небольшого для растущего микрорайона местного магазина постоянно стояли по два-три автобуса с владимирскими, ярославскими и подмосковными

номерами, а прибывшие в них “туристы” штурмовали стремительно опустошаемые продуктовые прилавки.

– Отпускать только по одному батону в руки! – кричали любители колбасы из очередного только что подъехавшего автобуса.

– С какой стати? Отпускать без ограничений! Меньше спать надо! – кричали те, чья очередь уже подошла, а их автобус уже подавал беспокойные сигналы, поторапливая отстающих. В конце концов, побеждали те, кого в данный момент было больше или же те, кто громче кричал.

Мы с Таней съездили в ее родные места, где ей все было давным-давно знакомо и привычно. Но и там у всех магазинов стояли такие же автобусы с беспокойными стайками продовольственных туристов, увешанных хозяйственными сумками, рюкзаками, а то и обычными мешками.

Кроме продовольствия, купили двухметровую елку. Когда ее принесли, Светланка от восторга была на седьмом небе. Она не хотела уходить из коридора, где мы оставили лесную красавицу. От нее пахло хвоей и отдавало морозцем, а потому пришлось удалить дочь в комнату, пообещав, что скоро вместе начнем украшать нашу елочку.

В доме была большая коробка с елочными игрушками. Таня собирала ее годами, и я обнаружил много занятных экземпляров времени моего детства. Родители нас не баловали новогодними елками. Последнюю елку для нас устроили, когда младшему брату было пять лет, а мне тринадцать. А позже так случилось, что в канун нового года умерла бабушка, и с тех пор этот праздник у нас всегда проходил с некоторой грустью и без обычных новогодних атрибутов.

Оказалось, только в Москве я впервые увидел настоящую ель. На Украине вместо елей почему-то ставили сосны, а потому именно они ассоциировались у меня с главным новогодним символом. И когда мы с Таней попали на елочный базар, был поражен невзрачным видом предлагаемой продукции. А Таня только рассмеялась и рассказала, что точно также была поражена, когда в Харькове, куда ее направили в командировку, увидела, что вместо елей всюду стоят новогодние сосны.

Елочку выбрали замечательную. Украшенная игрушками, она выглядела великолепно. Это был первый праздник, который наша семья встретила в полном составе. А для дочери именно эта елка стала самым первым детским воспоминанием.

Глава 6. Подлипки-Дачные

Едва отшумели новогодние праздники, ринулся в Подлипки устраиваться на работу. Полгода назад уже договорился обо всем со своим будущим начальником Бродским, которого много лет знал по совместной работе на главном ракетном полигоне страны. Тогда же, еще до разговора с Бродским, переговорил и с начальником отдела кадров Петровым. Но, в тот день у меня не было ни одного документа из тех, которые требуются при оформлении на работу. Сейчас же вошел в кабинет начальника отдела кадров ЦКБЭМ с их полным комплектом.

– А вы в курсе, что тема Н1 закрыта? – оговорил своим вопросом-сообщением Петров.

– Вы знаете, наши спецслужбы не смогли разыскать меня в Харькове, где я оформлял “гражданские” документы, а с агентами иностранных разведок, к сожалению, незнаком. Так что вы первый принесли мне это пренеприятнейшее известие, – развеселил я Петрова, пытаясь сообщить, чем это мне угрожает.

Похоже, действительно угрожает, иначе не было бы этого вопроса. Закрыта и закрыта. Будут другие.

– Известие действительно неприятное, – продолжил Петров, – Вот только что с вами делать, не знаю. Прием на предприятие временно прекращен, – добил кадровик и замолчал. Молчал и я. Столько усилий, и все напрасно. Что же делать? Снова ждать или искать другую работу?

– Знаете, свяжитесь с Бродским. Он сможет вам помочь. Тем более вы с ним договорились, – посоветовал Петров.

– Ты куда пропал? – удивился Бродский моему звонку, – Жди у Петрова, – выслушав, скомандовал он. Минут через пятнадцать Эмиль Борисович появился в кабинете начальника отдела кадров.

Бродский тут же заморочил голову Петрову, заявив, что клетку в штатном расписании, которую отвели для меня, не сократили, и она пуста, а это значит, меня взяли на работу еще до выхода приказа о прекращении приема. Петров пытался спорить, но вскоре сдался, не выдержав напора и аргументации Бродского.

У меня приняли документы и проинформировали, что работать смогу лишь после того, как все проверят по линии госбезопасности. Это займет около месяца, а пока могу продолжить свой отдых. Этого мне только не хватало. Как же я устал от такого отдыха.

Удивительно, но дома мое известие восприняли спокойно. Похоже, всех устроило, что приняли документы, установили должность и зарплату. И уже неважно, когда начну работать. Главное – определилось, наконец, мое общественное положение. Не самое плохое.

Примерно через месяц пришла открытка из военкомата. Прибыли документы из Харькова. Именно с этого момента появилось ощущение, что затянувшийся переходный период от военной службы к гражданской жизни близится к завершению. Увы, я оказался в начале очередного этапа все того же переходного периода. Хорошо, еще не вышел на работу, потому что пришлось бы брать двухнедельный отпуск, чтобы выполнить то, что потребовали в военкомате.

Для начала выдали опечатанный конверт и направили в психдиспансер. Там поставили на учет и объявили, что мне предстоит врачебная комиссия. А для подготовки к ней я обязан пройти диспансеризацию в местной поликлинике.

Ох уж эти местные поликлиники. Бывшая поликлиника городка “Метростроя” уже давно задыхалась от временно приписанных к ней жителей нашего нового микрорайона. Существовала система предварительной записи ко всем специалистам. Но в день приема все равно возникла живая очередь. Народ, окончательно запутавшийся в номерах вчерашнего и сегодняшнего

дней, стоял насмерть, не пуская никого, кто периодически пытался прорваться к дефицитному эскулапу вне живой очереди. И что казалось совсем невероятным, в одной очереди изнывали и больные, и здоровые пациенты, которым, как и мне, требовалась лишь подпись врача.

Едва очередь стихала, разобравшись, кто за кем, появлялась стайка инвалидов и ветеранов ВОВ. Эти, тогда еще крепкие ребята, тут же оттесняли всех, демонстрируя свои красные книжечки. С началом приема, однако, число внеочередников не таяло, поскольку подходили новые.

– Пропускайте хотя бы через одного, – подавал, наконец, слабый голос кто-нибудь из очередников. Дружный вопль возмущения льготников лишал простого очередника из второй половины сегодняшнего списка последней надежды. Назавтра ему придется доказывать первоочередникам новой очереди, что он еще из той – вчерашней, а потому имеет право. Его право в новой очереди никого не интересовало. У каждого оно было свое и часто подкрепленное не только зычным голосом, но и мощной фигурой.

Недели через две я, наконец, прошел все мытарства диспансеризации, и, набравшись практического опыта, легко проскользнул к психиатру. А очередь здесь была своеобразной. Явных “психов” было всего ничего, а остальные, как и я, за справками. Но, именно эта шушера и была самой агрессивной составляющей очереди. Я быстренько переговорил со “своими”, которые меня, разумеется, признали. Общими усилиями мы быстро задавили фальшивых психов, которые, почувствовав силу, не знающую преград, тут же смолкли. Поворчав и спрятав ставшие бесполезными красные книжечки, затихли даже ветераны ВОВ.

Едва вошел, наконец, в кабинет, от неожиданности остановился в дверях. На меня, улыбаясь, смотрел настоящий псих. Поразило, что он в халате врача. Оказалось, это и был психиатр. Иван Иванович тоже временами напоминал умалишенного, но этот врач в ремесле фигляра явно преуспел. Ничего не оставалось, как широко улыбнуться в ответ. Он же, продолжая улыбаться, как старому знакомому, предложил сесть и подробно рассказать о себе.

Пока рассказывал свою историю, он просматривал какие-то документы, очевидно мои. Неожиданно, кривляясь и подмигивая, психиатр стал задавать вопросы, из которых понял, что тот видит во мне настоящего сумасшедшего. Попытки разубедить, по-моему, дали обратный результат. И чем больше старался, тем, похоже, лишь подтверждал его выводы. Тогда просто перестал отвечать на его вопросы и попросил пригласить главного психиатра. Не хватало еще объясняться с этим полусумасшедшим “доктором”.

Как ни странно, “врач” обрадовался и действительно кого-то пригласил. Вошла женщина в белом халате, с молоточком, и тоже с признаками психического расстройства. Тихим таинственным голосом, подмигивая и нервно дергая щекой, она стала расспрашивать меня об особенностях кристаллической жизни. Все. Приехали.

Я встал и вышел из кабинета. Не давая опомниться псевдопсихам и очереди, стремительно ворвался в кабинет главврача диспансера. Благо, кабинет с соответствующей табличкой был рядом. Главврач совсем не удивился моему вторжению. Возможно, в этом заведении подобное случалось ежедневно.

Взяв себя в руки и собравшись, четко изложил историю того, как командование полигона упекло меня в ПСО военного госпиталя, как меня там долго наблюдали и не находили никаких отклонений, и как сам предложил вариант с кристаллической жизнью. Мой расчет строился на том, что врачам, далеким от кибернетики, эта гениальная научная идея непременно покажется идеей-фикс заурядного сумасшедшего. Ничего удивительного – такой она кажется даже ученым, работающим в этой области. Но, именно таким образом удалось убедить в своей болезни главного психиатра полигона и врачебную комиссию. В конце концов, я достиг цели

– уволился из армии. Понимаю, что это обман, но у меня не было другого выхода, ибо официальные способы увольнения оказались невозможными.

Главврач задумался. Похоже, мой рассказ его убедил. Он сказал, что сам посмотрит документы, но вряд ли сможет отменить решение врачебной комиссии. И мне все равно придется десять лет состоять на учете в психдиспансере. Если за этот срок не будет рецидивов заболевания, меня снимут с учета. Главврач пригласил беседовавших со мной врачей. Меня отпустили, сообщив, что ВТЭК будет на следующей неделе.

Через неделю комиссия, на основании представленных военкоматом документов, объявила меня инвалидом третьей группы. Полный бред. Есть человек, который утверждает, что он здоров. С ним беседуют “специалисты” и даже главврач. Но, есть “правильные” документы, подтверждающие заболевание. И срабатывает бюрократический принцип – согласно документам человек болен. Значит, он действительно болен. Все.

Мне выдали опечатанный конверт, который доставил в военкомат. Конверт вскрыли, а меня попросили подождать в коридоре. Через полчаса вызвали и объявили, что мне, как инвалиду, утратившему трудоспособность в армии, назначена пенсия. Тут же направили в кассу, где я получил пенсию сразу за восемь месяцев. Что ж, неожиданный подарок.

Деньги оказались как нельзя кстати. Пришла открытка из мебельного магазина, извещавшая, что подошла наша очередь на комплект кухонной мебели. Денег хватило не только на этот комплект. Потолкавшись по магазинам, по случаю купили шкаф, потом стол со стульями, а вскоре и небольшой холодильник. Теща ненадолго подобрела.

И вот, наконец, свершилось. Меня вызвали в отдел кадров к Петрову. Он сообщил, что все проверки моей личности завершены и мне разрешено работать в ЦКБЭМ. С завтрашнего дня я должен приступить к работе. Вот и все. Восьмимесячный переходный период позади. Завтра на работу. Даже не верится.

Мой первый рабочий день “на гражданке”. Забавно. Такое уже однажды было.

Накануне начала учебного года нас, первокурсников авиаинститута, направили на авиазавод, где мы должны отработать одиннадцать месяцев, совмещая работу с учебой. Нам оформили пропуски, провели инструктаж по технике безопасности, а первого сентября мы впервые прошли проходную завода и разбрелись по цехам. Я попал в сборочный цех. Это был самый заметный цех завода. Его не надо было разыскивать.

Цех довольно шумный. Звенели на разные голоса десятка три дрелей, то там, то здесь гулко стрекотали автоматные очереди сразу нескольких пневмомолотков.

Я попал на участок сборки панелей крыла. Мастер подвел меня к стапелю, на котором работали три человека.

– Смотри и учись, – выдал он ценные указания и куда-то ушел. Смотреть было не на что. Три человека ручными дрелями зенковали отверстия под потайные заклепки. Отверстий было бесчисленное множество, и работа кипела.

Минут через пятнадцать дрели стихли, троица спустилась со стапеля и подошла знакомиться. Минут через десять перекура, мне вручили пневмодрель и показали, что надо делать. Едва обработал десять отверстий, наблюдавший за мной рабочий улыбнулся и сказал: “Нормально. Работай”, – и пошел на свое место.

Работа показалась примитивной. Подобную операцию мы легко выполняли в школе еще в шестом классе. Но там все это длилось лишь урок. Здесь же через два часа работы почувствовал себя, как герой Чарли Чаплина на знаменитом конвейере Форда. Я стал придатком дрели. Я стал автоматом.

Неожиданно все стихло. Лишь мне оставалось обработать два последних отверстия. Вчетвером легко сняли подготовленную панель с вертикального стапеля и положили на гори-

зонтальный. Появился мастер и человек с емкостью и кистями. Это принесли герметик, срок использования которого – двадцать минут. Работая в пять кистей, быстро нанесли. Панель перевернули обшивкой вверх, на поверхность высыпали мешочек заклепок, и все дружно стали заполнять ими все подготовленные отверстия. Когда заклепки оказались на своих местах, панель поместили в клепальный станок. Там работал “свой” клепальщик.

А бригада в полном составе, взяв по два крюка, отправилась в заготовительный цех. Я и не подозревал, что именно в том цеху мне предстоит проработать почти десять месяцев из одиннадцати. А пока мы подошли к огромному прессу, где толпились люди. Оказалось, там устраняли следы недавней аварии с гибелью людей. Близко нас не подпустили, потому что зрелище было не для слабонервных. А я лишь удивлялся, почему людей так тянет поглазеть на то, о чем потом долго будут вспоминать с содроганием.

Посокрушавшись, что не удалось подойти поближе, бригада, захватив крючьями деталь обшивки, указанную местным мастером, тронулась в обратный путь. Обшивку установили в вертикальный стапель, и снова вернулись в тот же цех “за лапшой”. Так называли детали набора панели крыла.

Едва вернулись с лапшой, начался обеденный перерыв. Заводская столовая понравилась. За сорок пять копеек прекрасно пообедал. Комплексный обед состоял из трех хорошо приготовленных блюд и компота, к которому прилагалось небольшое пирожное. Дешевле, чем в той столовой, меня не кормили больше нигде.

Лишь в обеденный перерыв впервые осознал, уже не разумом, а чувствами, что моя школьная жизнь действительно позади. Ведь до сих пор мне казалось, что вот сейчас окончится моя заводская практика, я поеду домой, а завтра снова окажусь в знакомой обстановке родной школы. Увы. Отныне мне придется ежедневно ездить на этот завод, а оттуда – в институт. А в школу сегодня пошли совсем другие ребята. И мне уже никогда не быть среди них.

После обеда начали крепить лапшу, лючки и прочие детали к обшивке. Это делали опытные рабочие и мастер. Я и еще один из рабочих бригады работали на подхвате. А потом мы вчетвером приступили к сверлению отверстий под заклепки. И так до конца рабочего дня.

И вот через много лет я впервые прошел проходную завода, на территории которого размещалось ЦКБЭМ. Прямо за проходной оказалась небольшая, покрытая гранитными плитами, площадь с памятником С.П. Королеву. Люди, выходя из проходной, огибали ее двумя потоками, хотя пройти напрямик было бы удобней. Оказалось, на морозе плиты становились скользкими, и ходить по ним было небезопасно. А потому на зиму площадь огородили красными лентами.

Широкий тротуар, проложенный вдоль обычных заводских цехов и прерывающийся лишь там, где его пересекали железнодорожные пути, вывел на “большую дорогу”, расположенную перпендикулярно. Повернув, как мне подсказали в бюро пропусков, налево, прошел невысокий, но протяженный цех и подошел к нужному корпусу. Отдел Бродского располагался на первом этаже, в зале приличных размеров, в котором стояли с десятков кульманов и около сотни канцелярских столов и шкафов.

Кроме Бродского, голос которого раздавался где-то в глубине зала, обнаружил множество людей, знакомых по Казахстану.

– Привет! А ты что здесь делаешь? Как сюда попал? – с этим вопросом они обращались ко мне весь мой путь, который вел через зал прямо к столу, за которым восседал Бродский.

– Зарецкий, иди сюда, – подозвал заметивший меня Эмиль Борисович, – Оставьте человека в покое. Успеете пообщаться, – осадил он особо ретивых работников, которые, вскочив со своих мест, уже направлялись ко мне.

Бродский представил меня сидевшим за его столом начальникам секторов. И Мазо, и Разумовского я знал по последнему пуску, а двух других видел впервые. Вскоре выяснилось,

что мне придется работать в секторе Мазо. Ну и ну. Я тут же вспомнил отзывы о нем моего сменщика Пети Иванова, который, в отличие от меня, контактировал по большей части с ним. Выяснилось, что ведущий инженер Кузнецов – подчиненный Мазо.

Многоопытный Кузнецов в подчинении у самовлюбленного выскочки Мазо? Да-а-а. Похоже, и на гражданке возможны такие же чудеса, как и в родной Советской Армии. Но, конструкторское бюро не армия. Непонятно.

Ну, что ж, и не такое переживали. “Вот Петя посмеется, когда узнает, кто у меня начальник”, – подумал я.

А Бродский тем временем пригласил Кузнецова. С Владимиром Александровичем мы не виделись с момента моего первого визита в Подлипки, когда случайно встретились у газетного киоска. Именно с его легкой руки я и оказался в испытательном отделе.

Эмиль Борисович объявил, что мы будем работать в паре и передал меня в его руки. Ну, хоть в этом повезло. У Кузнецова было чему поучиться.

Владимир Александрович тут же похитил меня у Бродского, и мы переместились за его стол. Порыскав по залу, обнаружили “ничейный” стол и тут же перенесли его к кузнецовскому. Нашли и лишний стул. Так в первый же рабочий день я получил свое рабочее место.

– Пора бы и перекурить, – объявил Кузнецов, едва завершили перестановку, – Пойдем на улицу. Погодка какая. Не хочется в зале сидеть.

Мы вышли в просторный вестибюль и через парадный подъезд по парадной лестнице попали в тихий уютный уголок, украшенный высокими серебристыми елями. Прямо напротив корпуса обнаружил парадный въезд на предприятие. Там, в огороженном высоким ажурным забором “кармане”, стоял с десятков автомобилей.

– А откуда здесь иномарки? – спросил у Кузнецова, удивляясь, как они вообще могли оказаться на территории закрытого предприятия. А такие модели я вообще видел “живьем” впервые.

– Это машины космонавтов, – пояснил Владимир Александрович, – Вон тот “СААБ” – Феоктистова, а “Мерседес” – Макарова.

В это время открылись ворота и в карман въехала четырехглазая черная “Волга”. Открылись вторые ворота, и машина подъехала к парадному подъезду. Из нее вышли космонавт Попович с незнакомым майором и прошли в корпус, а машина тут же вернулась в карман и встала на стоянку.

– Владимир Александрович, а где кабинет Королева?

– Когда я пришел работать, он был там, – показал Кузнецов рукой на соседний корпус, – Мы тогда размещались в таком же зале рядом с его кабинетом. Сергей Павлович к нам заходил по нескольку раз в день и всех нас знал в лицо. Тогда КБ было совсем маленьким. Каждый человек был на счету, каждый замечен и важен. А сейчас, – безнадежно махнул он рукой и замолчал, укутавшись клубами дыма и жадно глотая яд своей сигареты.

– А где сейчас кабинет Главного конструктора, и кто назначен вместо Мишина? – прервал его молчание.

– А ты разве не знаешь? – удивился Кузнецов.

– Откуда?

– Глушко. Валентин Петрович. Его кабинет на втором этаже, прямо над нашим залом, – ответил ветеран таким тоном, что сразу вспомнил все, что слышал о соперничестве этих двух гениев ракетно-космической техники. Понятно, что для всех, кто работал с Королевым, назначение Глушко было воспринято, мягко говоря, без энтузиазма, – Сидит гад в кабинете “СП” и рушит все, что тот создал. Для начала тут же прикрыл Н1. Без всяких объяснений. Всех

наверху взбаламутил. Ну, закрыл тему, а что дальше? Что он предложил взамен? Ничего. Вот и сидим, – и Кузнецов вновь исчез в облаке густого дыма.

– Может, еще предложит, – с оптимизмом заявил я, – Глушко тоже не всегда только двигателями занимался. Он с ракет начинал.

– Да что он может предложить! Очередную вонючку? Потравимся все с его движками. СП всегда о людях думал, а не о технических характеристиках. А этот. Для начала отменил все совещания. Заявил, что разговаривать будет только с тремя своими “замами”. А те должны узнавать все каждый от своих трех замов или “помов”. И так по цепочке. Научная организация труда. Бред. СП, если надо, мог дойти до любого рабочего и узнать у первоисточника все, что нужно.

– Да это, Владимир Александрович, у каждого свои методы. Он так привык работать в своем КБ.

– Но здесь-то он не в своем. У нас свои традиции. Хрен он что узнает от своих трех замов. Они не гении, а обычные люди. Будут врать, чтоб не выглядеть некомпетентными. И так по всей цепочке. Никогда до правды не доберется. Королев это понимал. А этот, похоже, не совсем. В маленьком КБ, может, такая схема проходит, а у нас. СП сколько боролся, чтобы избавиться от балласта. Как только что-то начало получаться, КБ стало расти, как на дрожжах. И чем больше народу, тем меньше толку. Все ходят, что-то пишут друг другу. Все бумагой завалили. СП смотрел-смотрел на это безобразие, не выдержал, стукнул кулаком. А тут профсоюз. Ты хоть и главный, а без профсоюза не моги. А тут партком, завком и еще куча бездельников выползла с претензиями. Какая тут работа. Сначала отчитайся перед коллективом. СП когда понял, во что ввязался, обратился напрямую к Никите. Так ему и сказал: “Что я за Главный, если лодыря и бездельника уволить не могу?” Никита Короля уважал. Тут же дал все полномочия. И снова не тут-то было. Визг поднялся жуткий. А потом кто-то подсказал выход. Создали ЦНИИМАШ. Так, бутафория. Вроде бы головной институт над всеми КБ нашей отрасли. Вся шушера туда и ринулась. КБ мгновенно опустело. Остались одни энтузиасты. Снова пошла работа. А тут эти хорьки из института начали нас бумажками бомбардировать. Ну, СП, разумеется, послал их подальше. Кто посообразительней, оттуда назад, к нам. Не успели оглянуться, КБ опять разбухло. И так по спирали – то разбухнем, то сожмемся. А как Мишина поставили, все рухнуло. У Короля авторитет, а Мишина кто будет слушать. Его моментально придавили. Так и не смог он Н1 довести. Жаль машину. А еще больше жаль КБ. Оно теперь так разрослось, что три корпуса построили, а не помещаемся. Вон на той стороне громадину заканчивают – ЛКК. Думаю, и там не разместимся. Пошли в зал, а то я совсем расстроюсь, – погасил окурок Кузнецов, и мы отправились на рабочее место.

По дороге зашли в туалет. Выходя оттуда, лоб в лоб столкнулся с космонавтом Феоктистовым. От неожиданности отскочил в сторону.

“Поприветствовать? Неудобно. Не то место. Не заметить? Тоже неудобно. Невежливо как-то”, – мгновенно пронеслось в голове, которая независимо от меня вдруг кивнула. Феоктистов кивнул в ответ, как старому знакомому, и мы разошлись.

– А что здесь делает космонавт? – спросил у поджидавшего меня Кузнецова.

– То же, что и все, – улыбнулся он, – Кстати, вот его кабинет. А в нашем зале до нас его проектанты и конструктора размещались. Их давно переселили в новый корпус, а он пока здесь. Его СП любил. За заслуги космонавтом сделал. Наверняка знал, что такого почета, как у космонавтов, на конструкторской работе хрен дождешься. Как он теперь с Глушко сработается? А вот выгнать его просто так не удастся – космонавт все-таки, известный человек. Молодец Король, – выдал мне очередную порцию информации наставник.

Мы заняли рабочие места. “Пора бы и к работе приступить”, – подумал я.

– Владимир Александрович, чем заняться в первую очередь? А то уже как-то неуютно просто так сидеть, – обратился я к Кузнецову.

– Толя, да я сам бы хотел это знать. Тоже мучаюсь. Хорошо, ты объявился. Будем мучиться вдвоем. Хочешь, почитай пока свежие журналы. Вот новый “Изобретатель и рационализатор”. Бери, смотри, – огорчил Кузнецов невеселой информацией.

– Владимир Александрович, может какие документы посмотреть? Хотя польза какая-никакая будет. А журнальчики можно и в обеденный перерыв почитать.

– Да какие документы! Что было, ты и так знаешь. А новые еще не скоро появятся. Да и мы с тобой о них первыми узнаем. А в перерыв надо обедать.

Разговаривая с Кузнецовым, обратил внимание, что сидящие за столами коллеги все же заняты, хотя и непонятно, чем.

– А чем народ занимается? – поинтересовался я.

– Развлекаются. Кто как может. Ждут обеда.

– Что все развлекаются?

– Ну, не все, конечно. Некоторые готовят отчеты, кто-то пишет конспект к семинару, да и общественной работы хватает.

Да-а-а. Что-то все это слишком напомнило нашу комнату офицеров в период затишья между пусками. Только уж слишком большая комната. Меж тем ко мне подошла миловидная девушка.

– Здравствуйте, вы новенький? – странным образом обратилась она ко мне.

– Здравствуйте, меня зовут Анатолий Зарецкий. Я действительно буду здесь работать, – поприветствовал девушку и заодно удовлетворил ее любопытство.

– Очень приятно, Люся, – представилась она, – Вы комсомолец? – убила она меня неожиданным для знакомства вопросом.

– Увы. Вышел по возрасту.

– Очень жаль, – разочарованно произнесла Люся.

– Чего жаль? – попробовал уточнить причину разочарования молоденькой девушки, – Что вышел? Или что по возрасту?

– Я думала, вы комсомолец. Хотела поставить на учет, – ответила деловая, а вовсе не разочарованная комсомолка и отошла от моего стола, обиженно цокая туфельками. Сзади изнывал от смеха Кузнецов:

– Ну, все. Сейчас тебя общественники возьмут в оборот. Скучать не придется, – улыбаясь, пообещал он.

– Не получится, – успокоил его, – Никакой общественной работы. Еле дождался, пока из комсомола вышел по возрасту. Несколько раз писал заявления о добровольном выходе, но их никто даже не рассматривал. Перестал платить взносы. Думал, выгонят за неуплату. Оказалось, за меня платил замполит. Пришлось ему потом долг отдавать.

– Здравствуйте, Анатолий, – меж тем подошла ко мне очередная, уже осведомленная о моем имени общественница, – Мне вас надо поставить на профсоюзный учет, – определила она свою задачу, тоже почему-то не представившись. Странная манера общения, но придется привыкать. В армии мне с женщинами по работе приходилось общаться редко. Так что опыта никакого. Может быть так и надо?

– А я не член профсоюза, – огорошил общественницу, судя по ее выражению лица.

– Как не член профсоюза? – растерянно спросила она.

– В армии нет профсоюза. Некуда было вступать.

– Тогда пишите заявление. Мы вас на ближайшем собрании примем.

– Спасибо. Только я больше никуда вступать не буду. Это мое кредо.

– Как не будете? Это же невозможно.

– Почему невозможно. Жил до сих пор без профсоюза. Оказалось, вполне возможно.

– А как же вы будете посещать профсоюзные собрания? – растерялась общественница, – И путевки в санаторий вам не дадут, а вашим детям в пионерлагерь. Да и вообще без профсоюза нельзя. Не положено.

– Не переживайте вы так, – успокоил ее, – Собрания я не люблю. Путевки мне не нужны, а в пионерлагерь моей дочери еще рано. Так что все в порядке. Это раньше пиво отпускали только членам профсоюза, а сейчас всем подряд. Попробую прожить без профсоюза.

Огорченная общественница ушла, а сзади веселился Кузнецов:

– Ну, с профсоюзом ты погорячился. Полезная организация. Вступай, – смеясь, дал он совет.

А вот и мужики пошли. Явно ко мне приближался прекрасно сложенный молодой человек.

– Добрый день. Меня зовут Алексей. Хочу взять с вас взносы. Надеюсь, вы член ДОСААФ? – бодро спросил Аполлон, как мысленно окрестил досаафовского общественника. Позже узнал, что “Аполлончик” – это прозвище, присвоенное ему женщинами отдела.

– И не надейтесь. В армии не было ДОСААФ. Армия не может добровольно содействовать самой себе, разве только авиации и флоту. А зовут меня Анатолий.

– Не беда. Сейчас примем. Пишите заявление и готовьте взносы.

– Алексей. Принимать меня никуда не надо. На ДОСААФ я обижен с детства. Эти досаафовские типы выгнали меня из аэроклуба. Так что я им принципиально ничего платить не буду. Извини.

– Жаль. Очень жаль, – отошел от меня огорченный Аполлон. А ко мне приближалась очередная дама.

– Здравствуй Анатолий. Меня зовут Аля, – смущенно представилась дама. “Оказывается, есть женщины, которые представляются”, – был приятно удивлен, – Я из общества Красного Креста. Хочу вас поставить на учет и получить взносы.

– Аля, вы извините, но я не состою ни в каких тайных обществах. Меня не надо учитывать, а тем более брать взносы на их секретную деятельность. Не состоять ни в каких обществах это мое кредо, – пояснил даме, которой, в отличие от всех предыдущих, уже слегка симпатизировал. Аля, как ни странно, весело рассмеялась, и, не задавая больше вопросов, отошла. Приятная женщина, а главное – понятливая.

А ко мне приближался очередной визитер – Леня Мокшин. Ну, этот тип давно знаком. С его инструкциями я боролся на полигоне. С ним часто дежурил у ракеты и даже однажды летал в зону падения ступеней. Да и спиртику вместе попили немало.

– Привет, – пожал он руку, – У нас будешь работать? Я почему-то так и подумал. Да и Кузнецов полгода назад что-то говорил. Ладно, давай карточку и партбилет. Я здесь парторг, – представился Леня в своем общественном качестве.

– Леня, я не член партии.

– Как так? Ты же был офицером. А все офицеры – члены партии.

– Леня, я и сейчас офицер, правда, в запасе. И не член партии.

– Пиши заявление. Поставим на учет. Придет разнарядка, примем в кандидаты.

– Что за учет? Мне когда-то давали рекомендации, причем, сразу для приема в партию.

– Это у вас в армии. А на гражданке только рабочих и колхозников сразу принимают.

А интеллигенцию сначала ставят на учет – кандидатом в кандидаты. И разнарядка приходит редко – одна в год на весь отдел.

– Ну, Леня, ты меня удивляешь. Если я напишу заявление, меня сразу должны принять, или отказать в приеме. А у тебя какие-то неясные телодвижения, да еще ступенчатые.

– Какие такие ступенчатые? Просто ты настоящего заявления написать не сможешь. Оно пишется на бланке, а бланки выдают по разнарядке. Понял? Так что пиши пока предварительное заявление, что ты в принципе готов вступить, а я поставлю тебя в очередь на получение бланка заявления.

– Леня, что за бред ты несешь? Я тебе завтра штук двадцать бланков принесу. Вот тебе и решение твоей проблемы. А какие-то промежуточные заявления писать не буду. Да и вообще раздумал вступать в вашу партию. Я если и вступлю в партию, то только не в коммунистическую.

– А в какую? – искренне удивился Леня, – Другой же нет.

– Создам свою, подпольную.

– Ну, ты даешь! – еще больше удивился Леня, а Кузнецов уже смеялся не таясь, в открытую.

Едва отошел огорченный Леня, подсел очередной общественник:

– Общество рационализаторов и изобретателей, – представился он.

– В обиде я на ваше общество. Много лет назад подал несколько заявок на изобретения, и ни ответа, ни привета. Вступать не буду, взносы платить не хочу, – резко закруглил я разговор.

– Понял, – отошел от меня изобретатель, даже не вступая в дискуссию.

– Владимир Александрович, сколько их? – спросил Кузнецова, – Может, сразу трафарет поставить “В обществах не состою, и состоять не желаю”?

– Ладно, Толя, собирайся, пошли на обед. Повеселил ты меня. Хоть время до обеда незаметно прошло.

Столовая, или как ее называли “фабрика-кухня”, располагалась у проходной, но вне заводской территории. Она показалась довольно солидным предприятием общественного питания, хотя и значительно уступала аналогичному заведению на заводе “Прогресс” в Куйбышеве. То заведение меня когда-то поразило своими масштабами.

На первом этаже фабрики-кухни располагалась обычная столовая самообслуживания. Там предлагали рядовые блюда на выбор, но были и комплексные обеды. На втором этаже находилась так называемая “шашлычная”. Там кормили гораздо вкусней, но и стоимость обеда возрастала в полтора-два раза. В отдельном отсеке располагалась диетическая столовая, или “диетка”. Так что выбор был на любой вкус и кошелек.

Отобедав, вышли в небольшой скверик напротив фабрики-кухни. Кузнецов задымил сигаретой, а я решил зайти в книжный магазин, замеченный неподалеку.

– Смотри, не опаздывай с обеда, – предупредил Кузнецов, – На минуту опоздаешь, запишут на проходной и тут же телегу в отдел пришлют. А потом премии лишат.

– Ничего себе строгости. В армии и то с обедом проблем не было. Обед это святое. Странно. Работы все равно никакой, а минуты считают. Бред какой-то. А что за премии, которых лишают?

– Премий всяких много, только их в основном начальство гребет. Но и нам кое-что перепадает с барского плеча. Квартальная почти всегда бывает. А в остальном ты прав. Как только делать нечего, тут же начальство свирепеет. По любому поводу возникают претензии и наказание – лишение премии. Так что не дразни гусей, Толя, – проинструктировал наставник.

С обеда вернулся вовремя. А в зале все еще шли шахматные баталии. Несколько групп болельщиков наблюдали за поединками. Играли “блиц на вылет”. Обеденный перерыв давно окончился, но никто этого, похоже, не замечал. Через полчаса после положенного времени в зал вошел Мазо.

– В чем дело?! – рявкнул он на шахматистов, как заправский старшина, – Рабочее время в разгаре, а они играют. Бродскому доложу.

Народ тут же смешал фигуры, загремел досками и разбежался по рабочим местам. Все дружно уткнулись в какие-то документы. Ну и ну.

– Владимир Александрович, а где это Мазо был? Да и Бродского что-то не видно.

– Где-где. На обеде. Им опаздывать можно. У них пропуск специальный. Ладно, займись чем-нибудь, а я подремлю, – объявил свою программу Кузнецов, и вскоре я услышал его мерное посапывание.

Оглядевшись, заметил, что его примеру последовали еще несколько коллег среднего возраста. Молодежь, судя по всему, резалась в морской бой.

Примерно через час народ вышел из оцепенения и засуетился. Появились чайники, чашки и кружки. Вытащил свою кружку и проснувшийся Кузнецов.

– Что происходит, Владимир Александрович?

– Перерыв на чай. А ты кружку принес? Сейчас я тебе стакан найду. У меня где-то завалялся. Помой его только. Хотя можешь не мыть – он стерильный. Недавно из него водку пили.

Появились девушки с дымящимися чайниками. На одном из столов, куда они поставили свою ношу, тут же возникли сахар, печенье, мелкие баранки. Народ по очереди подходил к столу, заправлял свои емкости, брал что-нибудь к чаю и отправлялся к шахматистам, которые заранее подготовили шахматные часы и доски с расставленными фигурами.

Пятнадцатиминутный перерыв растянулся вдвое и был прекращен лишь возникшим с обеда Бродским. Кузнецов тут же пригласил меня на перекур к серебряным елям.

– Владимир Александрович, и такая дребедень целый день?

– Не всегда. А начнется работа, и в выходные придется выходить. Так что не горюй, Толя, все утрясется. И не такое видали.

– Владимир Александрович, а Н1 давно начали проектировать?

– Дату не помню, но варианты компоновки видел еще до полета Гагарина. Мы тогда все в одном зале сидели. Я тебе утром рассказывал. Правда, тогда говорили, что это марсианский вариант. Лунным он стал позже. Королю Луну навязали. Он всегда Марсом бредил, а Луна у него получилась бы так, между прочим.

– А как случилось, что он упустил инициативу, и американцы нас обштопали с Луной?

– Знаешь, Толя, трудно сказать. Ему всегда несладко приходилось. Нарисовать ракету и мы с тобой сможем. А дальше что? Движков мощных не было. Надежной системы управления не было. Материалов нужных и тех не было. Подходящий движок мог бы сделать только Глушко, а он уперся. Компоненты его не устроили. Знаешь, Толя, по-моему, два гения в одном деле это перебор. У Глушко, как говорили его же люди, своя мечта – создать рекордный двигатель, и свое четкое мнение: “Прикрепи двигатель к забору, и забор полетит”. Вот и не спелись два Главных. СП так и заявил Глушко: “Хочешь быть Главным? Будь им, но не здесь”, – и пригласил Кузнецова. Кузнецов – авиатор, но в новом для него деле сделал все, что смог. Движок вышел, что надо. Глушко наверняка сто раз позавидовал. Но для такой ракеты движок явно слабоват. Вот и получилось, что на первой ступени понадобилось тридцать таких движков. А отсюда вся компоновка. Диаметр хвоста – восемнадцать метров! Хоть умри, меньше не выходило. Помню, проектанты долго рисовали каких-то уродцев, пока не дорисовались до сферических баков. А отсюда поползли веса. Не ракета, а типичный паровоз. Правда, этот паровоз мы могли бы тогда реально сделать. Причем, намного раньше американского “Сатурна”. И на Луне были бы первыми. Но тут вылез еще один гений – Челомей со своим “Протоном”. А у него замом – сын самого Никиты. И Глушко тут как тут, Челомея поддержал. Придумали программу Л1 – облета Луны одним космонавтом. Может, что слышал?

– Слышал, конечно. И не только слышал, но и видел спецфильм. Нам еще в училище на третьем курсе показывали.

– Ишь ты! Даже спецфильм выпустили. Ничего нет. Ракета не летает, а спецфильм есть. Чудеса. Толя, а ты тогда хоть что-то слышал об Н1?

– Слышал, конечно. После четвертого курса мы были в Куйбышеве на “Прогрессе”. Там и увидели гигантские агрегаты. Нам тогда сказали, что это для новой ракеты. Но, впервые все увидел уже на полигоне. Ну, и что дальше, Владимир Александрович?

– А дальше Челомею дали добро. Разработку Н1 заморозили. О ней вспомнили, когда Челомей окончательно Л1 провалил. Но время было упущено. Тут уже и сам Король не успел бы. А уж Мишин и подавно. Э-э-х! Вот так нас и обштопали, Толя, – сердито погасил окурочку Кузнецов, и мы завершили тот перекур на грустной ноте.

Вернулись вовремя. Отдел уже собрался вокруг стола Бродского на политинформацию. И мне вместе со всеми пришлось целый час слушать в плохом исполнении то, о чем уже полдня талдычило радио.

Политинформация окончилась длительным перекуром, во время которого новые коллеги, знавшие меня по Казахстану, допытывались, как это мне удалось сбежать из армии.

Позвонил жене, и мы договорились встретиться на площади у станции “Подлипки-дачные”, где была конечная остановка нашего автобуса.

От проходной к площади довела живописная аллея старых раскидистых деревьев. Площадь у станции окаймляли солидные многоэтажные здания, в одном из которых разместился вполне приличный универмаг “Заря”.

Вот тебе и “Подлипки-Дачные”. Где они теперь те липки, под которыми когда-то были те чудесные дачки? Ни того, ни другого. Похоже, все, что от них осталось это название станции.

Глава 7. Подъём

И завертелась карусель скучных и однообразных “рабочих” дней. Два дня ушли на знакомство с коллегами, которых еще не знал по полигону, и на бесконечные перекуры с Кузнецовым. Эти перекуры и были самым интересным в те неприкаянные дни. А содержание наших разговоров с моим наставником надолго осталось в памяти. Многое – навсегда.

Прежде всего меня интересовало, что же произошло в последнем полете Н1? Что показал анализ обломков ракеты, в поиске которых едва не погибла наша группа? Какие были сделаны выводы, и действительно ли так безнадежна наша ракета, что новый Главный конструктор отверг ее с порога?

Понятно, что любому лидеру уровня Глушко намного комфортней тут же приступить к воплощению своих идей, чем продолжать чужую работу. Но есть еще государство, которое приняло предложенную Королевым программу. Сотни предприятий страны много лет работали на нее. И вот-вот на смену неудачам должны пойти успешные пуски, и страна, наконец, получит ракету, способную выводить на орбиту стотонную полезную нагрузку. Никакие “Протоны”, а уж тем более “Союзы” на такое не способны. А летные испытания всех ракет того времени не проходили без аварийных пусков. О них не сообщали в средствах массовой информации, но они были всегда.

В тот раз Кузнецов не стал ничего рассказывать, а тут же завершил перекур, и мы отправились в старый корпус, в котором Королев вынашивал свои идеи, которые подарили миру первый спутник и первого космонавта, и где начинал свою трудовую деятельность сам Кузнецов. Сейчас здесь располагался архив. “Здание, как здание”, – подумал, входя в своеобразное святилище, где, казалось, витал дух Сергея Павловича, не потревоженный его “другом и последователем”, уже задушившим в своих объятиях все, что напоминало о нем в нашем корпусе. Кузнецов тут же узнал все стенды с фотографиями “героев дней минувших”, которые теперь покоились здесь – подальше от глаз нового Главного и его высокопоставленных гостей.

Владимир Александрович взял несколько документов, и мы вернулись в наш зал. Именно с того дня началась моя настоящая работа в КБ. Я с головой погрузился в отчеты о последнем пуске Н1. Мне пришлось завести спецблокнот с тем, чтобы выписывать заинтересовавшую информацию. А информация была занятной и во многом противоречивой.

Мою бурную деятельность неожиданно заметил Бродский.

– Чем это ты так занят? – спросил он, остановившись у моего стола и заглядывая в мои записи, – Можно посмотреть? – спросил он, едва прочел первые строчки.

– Конечно, Эмиль Борисович, – подал ему тетрадь.

Он взял ее и ушел за свой стол, а через полчаса позвал к себе.

– Отлично, Анатолий, – похвалил, возвращая тетрадь, – У тебя несомненные способности к анализу информации. Я это еще на полигоне заметил. Знаешь, я что подумал. Возьми-ка ты отчеты обо всех пусках Н1, и сделай итоговый отчет с выводами, которые будут полезны при проектировании новой ракеты. Это будет твоим персональным заданием. Передай Кузнецову и Мазо, чтобы они вписали его в твой план. Впрочем, я им сам все скажу. А материалы периодически показывай мне. Я буду их лично контролировать.

Вскоре перестал замечать время. Кузнецов с трудом вытаскивал меня на обеденные перекуры, а на перекуры он все чаще отправлялся в одиночку, тем более, я не курил и лишь рисковал постепенно стать пассивным курильщиком.

Периодически Кузнецов отрывал меня от захватившего дела:

– Брось, Толя, кому это нужно. Отдохни. Пойдем, пройдемся. Подвел ты меня. Я думал, мы вместе переживем это тяжелое время. Вот теперь в одиночку помираю со скуки, – жаловался

мой наставник, и мы минут на пятнадцать-двадцать все-таки выходили к нашим серебристым елям.

Как-то раз Кузнецов рассказал, что все время после последнего неудачного пуска, шла напряженная работа на всех предприятиях отрасли, связанных с этой программой. Двигатели Н1 существенно доработали. Все одноразовые элементы автоматики заменили на многоразовые. Сократили число разъемных соединений, заменив их сварными. На стендовых испытаниях время безотказной работы нового двигателя превысило время его работы в полете в несколько раз. Существенно доработали системы ракеты. Все КБ верило, что предстоящий пуск непременно будет успешным. Увы. Похоже, именно это меньше всего устраивало нового Главного, которого назначили, как снег на голову, практически накануне завершения этих работ. И участь последнего детища Королева была решена. Опасного ребенка, как явного претендента на трон, убили, не дав ему возможности даже сделать своих первых шагов.

Вскоре получил задание Кузнецов. На его столе появилась гора документов, из которых он, ворча и тяжело вздыхая, что-то переписывал в спецблокнот. Приступив в работе, Владимир Александрович заметно повеселел, а наши перекуры заметно сократились.

И вот настал день, когда я почувствовал, что мой отчет готов. Мне больше нечего в него добавить, и уже не могу ничего в нем изменить. Я отдал материалы Бродскому и с нетерпением ждал его реакции.

Немного волновался, и тому были причины. Прежде всего, то была моя первая работа в КБ, и я еще не знал, как вообще оцениваются подобного рода авторские труды. Кроме того, я отошел от принятых традиций построения такого рода отчетов. Мне больше нравилась американская система представления исходных данных – в ней было меньше субъективизма, чем явно страдали наши отчеты.

И еще, я дополнил материалы теми случаями, свидетелем которых был лично, или видел их последствия. По непонятным мне причинам они не были отражены в официальных отчетах. Это было тем более странно, что по одному случаю мы с моими сослуживцами официально заявляли в КГБ. Ответа оттуда, правда, не получили.

Мой вывод был однозначным. Существующая система контроля сборки ракеты ненадежна. Целый ряд производственных дефектов, допущенных при сборке, последующими контрольными операциями обнаружить невозможно. В заключительной части отчета я предложил стройную методику, следуя которой основная часть дефектов сборки исключалась автоматически. Все предложенные решения основывались на логике здравого смысла, и потому не вызвали сомнений в их эффективности. Однако, зачастую они шли вразрез со сложившимися традициями. Но не предложить их я не мог, и теперь ждал, как все воспримут мои руководители.

Ждать пришлось несколько дней, но не из-за нерасторопности руководства. Просто на эти дни мы выпали из работы. Наш отдел временно переселили из зала, к которому успел привыкнуть, в административный корпус заводского цеха. Все рассчитывали, что на новом месте мы долго не задержимся. Оказалось, задержались на пару лет. Отдел рассадили по небольшим комнатам. Бродский и его замы получили отдельные кабинеты, а наш сектор разместился в двух комнатах.

Вскоре после переселения Бродский вызвал меня в кабинет:

– Прекрасно, Анатолий. Честно говоря, не ожидал, – похвалил мою работу Эмиль Борисович, – В армии ты, оказывается, тоже время не терял.

– Мне так не показалось, Эмиль Борисович.

– Не спорю. Если бы хотел служить, не уволился. Но послужил все же с пользой. Мне понравился твой анализ. И дополнения здесь к месту. Факты эти действительно были, но в отчеты не попали – чистый политес. Полностью согласен с выводами, да и твои предложения

заслуживают внимания, хотя и не бесспорны. Выводы и предложения отпечатай в виде служебной записки. Мы их всем разошлем за подписью Дорофеева.

Бориса Аркадьевича Дорофеева я знал еще по полигону и уважал этого человека. В свое время он был одним из многочисленных заместителей Королева. Какую должность он занимал при Мишине, мне неизвестно, но насколько знал, на полигоне Дорофеев был непосредственным начальником Бродского.

Вслед за мной к Бродскому вызвали Кузнецова и Мазо.

– Чем ты так Бродского удивил? – спросил вернувшийся Кузнецов.

Я протянул ему спецблокнот. Но Владимир Александрович не успел его даже открыть, потому что возникший в комнате Мазо тут же пригласил меня с материалами к себе. Пока он углубился в чтение, Кузнецов передал мне свои блокноты.

– Почитай, Бродский сказал, чтобы мы теперь это делали вместе, с учетом твоей работы.

Выяснилось, что Кузнецов разрабатывал технические требования к новой ракете. Правда, то, что прочел, вызвало странное чувство. Материал был изложен сумбурно, с множеством повторений одних и тех же мыслей, но разными словами. Но что особо удивило – это корявый язык многих формулировок. Во всяком случае, при наших технических спорах Владимир Александрович таким языком не изъяснялся.

– Не бери в голову, Анатолий, – попытался успокоить Кузнецов, – Это дань традиции. Так писали все технические требования к предыдущим ракетам. А потому наше руководство, заказчики и военпреды привыкли именно к этим формулировкам. Начнешь что-то выдумывать, тебя все равно заставят написать так, как было раньше. Я понимаю, что это надо ломать, но совсем не хочется ломиться в открытые ворота.

Ну и ну. И на гражданке все то же: “Не бери в голову”. А зачем она тогда нужна? Вот тебе и КБ самой передовой техники.

– Владимир Александрович, я еще в училище читал, как работают наши американские коллеги. Так вот, если там кто-то заявляет, что некую работу надо делать так, потому что именно так ее делали раньше, его тут же увольняют. По-моему, то, что было написано для прежних ракет, для новой не годится.

– Вот-вот. И Бродский все о том же. А попробуй изложить по-другому, первый начнет править материалы. Он эти формулировочки наизусть знает. Ну, бери материалы и “твори, выдумывай, пробуй”, а я посмотрю, как это у тебя выйдет, – окончательно расстроился Кузнецов.

Вскоре подозвал к своему столу Мазо:

– Отныне все материалы показывай мне, а я сам буду решать, когда их нести Бродскому. Да и показывать начальству все документы, выпускаемые сектором, должен я. Не дело работать через голову непосредственного руководителя, – высказал свои претензии начальник сектора.

Он еще что-то говорил, но его слова как бы повисали в воздухе. Я их уже не слушал, а взял блокнот и ушел на свое рабочее место. Ощущение такое, словно меня ни за что выпороли.

Странно. Ведь я был инициатором моей первой работы, которую Бродский лишь одобрил. Бродский сам определил, что именно он будет первым смотреть материалы. Однако Мазо это, похоже, меньше всего интересовало. “Никакой инициативы! Работать строго по плану!” – как сквозь пелену доносилось до меня громовые раскаты его кредо. С того самого момента я на много лет попал под начало этого, несомненно, яркого и волевого, но удивительно безынициативного человека, и мне стоило большого труда вырваться из очередной, не сказать рабской – скорее феодальной, зависимости, в которую меня определил случай.

Я быстро выполнил поручение Бродского, но все отпечатанные материалы передал Мазо. Что он делал с ними, не знаю, но на следующий день меня вызвал Эмиль Борисович и высказал

недоумение, почему я все изменил радикальным образом и не в лучшую сторону. Взглянув на документ, я ответил, что это не моя работа. Бродский все понял и тут же вызвал Мазо. О чем они договорились, мне неизвестно, но на какое-то время все словно забыли об этом документе.

Вскоре после злополучного события Кузнецов предложил мне одеться, потому что на этот раз нам предстоял не перекур, а деловой поход. Мы вышли из корпуса, и направились в сторону железной дороги. Прошли мимо огромного, красного кирпича, здания, где когда-то собирали первые ракеты и спутники. Пока шли, Кузнецов рассказал, что именно в этом здании изначально размещался отдел Бродского. Сейчас там осталось лишь руководство во главе с Дорофеевым.

Затем мы перешли через магистральные железнодорожные пути по необыкновенно крутому мосту.

– Пузо Совкова, – смеясь, сообщил Кузнецов неформальное название этого странного сооружения, сделанного с явными нарушениями строительных нормативов.

– А кто такой Совков?

– О-о-о. Занятная личность, – ответил Владимир Александрович и умолк.

Позже узнал, что именно Совков руководил всеми строительными работами на предприятии. Руководителем он был амбициозным, ни с кем и ни с чем не считался. Все проекты утверждал лично, не допуская на территорию закрытого предприятия никого из представителей многочисленных надзорных органов. А потому строил он быстро и решительно, несмотря на то, что изредка возникали курьезы вроде злополучного “пуза Совкова”. Он действительно был габаритным человеком, и многие служащие с интересом ждали момента его посадки в служебный автомобиль. Бедная “Волга” мгновенно получала постоянный крен на правый борт, что почему-то чрезвычайно потешало любопытствующую публику.

На территории, открывшейся за мостом, Кузнецов показал довоенное здание КБ Грабина, разрабатывавшего здесь когда-то зенитные орудия. Среди новых корпусов особо выделялось огромное, почти достроенное здание ЛКК.

В одном из корпусов мы быстро отыскали небольшой зальчик с кульманами, где разместились проектанты, занятые в новом проекте. Это было их временное пристанище на многоступенчатом пути в ЛКК, где они должны были закрепиться надолго. Кузнецов знал всех. Они его тоже. Мне же вначале запомнился лишь радушно принявший нас Иван Иванович.

Он сходу обрушил на нас лавину информации. В разговоре сразу возникло странное название новой тематики – “Подъем”.

– Кого это он поднимать собрался?– удивился Кузнецов, – Уж ни самого ли Сергея Павловича? Значит, считает, что мы лежим на боку? Ну и что же он, наконец, сам предложил? Интересно-интересно.

Увы. Ничего интересного мы не обнаружили. В основе нескольких вариантов ракет серии “Подъем” лежал модный тогда модульный принцип. Каждый из вариантов носителей представлял собой набор из нескольких модулей. Едва показали первый вариант, раздался дружный смех. Смеялись все, включая самих проектантов.

– Да это же типичная королевская семерка, только уж очень жирная, – мгновенно опознал плагиат Кузнецов.

– Не совсем, – обиженно оппонировал Иван Иванович, – Центральный блок с кислородно-водородными двигателями, а каждый из четырех боковых блоков оснащен кислородно-керосиновым тысячетонником. Этот носитель способен вывести стотонную полезную нагрузку, – с гордостью пояснил он.

– Ну и когда он сделает свой тысячетонник?– вспыхнул Кузнецов,– Это лет десять понадобится. А мы что будем делать все это время? А Н1 уже сейчас готова выводить такую же нагрузку. Бред какой-то.

– Ну а главная изюминка проекта – это спасаемые блоки многоразового применения, – поспешил обрадовать нас Иван Иванович “уникальным проектным решением”.

– Да-а-а? Тут уж крыть нечем, – с усмешкой заявил Кузнецов, – Американцы ударились в многоразовость и мы за ними. Молодцы. Может и “Шаттл” скопируем? А что, мысль. Только сколько лет нам для этого понадобится? У них эта программа всю идет. Да и с твердотопливными движками у нас напряженка. Лет через пятнадцать-двадцать сделаем. С Луной пролетели и здесь успешно пролетим. При Короле у нас хоть королевство было, а при Глушко нас, похоже, ждет полная глухомань, – под дружный хохот закончил свой монолог Владимир Александрович.

Но, едва все отсмеялись, Иван Иванович подвел нас к следующему кульману. На этот раз от взрыва смеха задрожали стекла окон. Нашему взору предстала карикатурная копия “Шаттла”. Четыре боковых модульных блока были сдвинуты и соединены попарно, а на центральном блоке приютился самолетик, явно скопированный из какого-то иностранного журнала. Плохо проработанная конструкция выглядела в глазах ракетчиков, привыкших к иным формам, нелепо и не внушала ничего, кроме разочарования.

– Типичный уют, – выдал свою оценку Кузнецов.

– Вот-вот, – подтвердил кто-то из проектантов, – Сам Садовский этот вариант именно так и определил.

А вот и очередной “Подъем”. На этот раз вместо самолетика сбоку прилепили универсальный обтекатель, под которым можно было разместить, что угодно. Этот вариант не вызвал никаких эмоций. Тот же уют. А Иван Иванович уже манил нас к очередному “шедевр” проектной мысли.

На этот раз вокруг центрального блока расположились целых восемь боковушек. Центральный блок был увенчан разгонным блоком, продолжением которого служил все тот же универсальный обтекатель. Этот вариант хоть напоминал привычную ракету.

– Двухсоттонник, – с гордостью сообщил Иван Иванович. Лишь этот вариант был встречен с некоторым почтением.

– Да-а-а. Действительно “Подъем”, – с легкой иронией подвел итог Кузнецов, – И когда же мы все это увидим в металле? – спросил он.

– Через три года, – к всеобщему удивлению выдал Иван Иванович.

– Через три года? – недоверчиво переспросил Кузнецов.

– Таков план-график, – пояснил Иван Иванович.

– Бумага все выдержит, – разочарованно выдал Владимир Александрович, – Пойдем, Толя, свою бумагу марать. Может, тоже что-нибудь с тобой поднимем.

Вернувшись в отдел, мы ни с кем не стали делиться полученной информацией. Зачем? Я давно заметил, что не только мы с Кузнецовым, но и весь коллектив постепенно втянулся в рабочий режим. Правда, вначале недоумевал, чем это вдруг оказались заняты наши коллеги в условиях царившего всеобщего безделья. Но вскоре выяснилось, что для некоторых программ, предложенных Челомеем, потребовался разгонный блок, разработанный ЦКБЭМ для ракеты Н1.

Это была реальная работа. Для начала требовалось переиздать всю документацию блока. Оказалось, платить за нее будут как за новую разработку, а “разработчики” получат возможность “отработки новой документации” на полигоне. А это не только повышенный оклад и командировочные, но и неплохие премии. Все, кто мог, постарались не упустить свой шанс.

Но, желающих оказалось слишком много. Образовалась очередь, в которой каждый стремился правдами-неправдами обойти конкурентов.

В нашем секторе из этой склочной возни выпали только мы с Кузнецовым. Что ж, похоже, новая тематика здесь интересовала только нас двоих. Даже Мазо переключился на разгонный блок и по слухам готовился уехать в командировку. Так что мы временно оказались предоставленными сами себе. И это в такой-то момент, когда обстановка в КБ вдруг начала стремительно меняться.

Неожиданно для всех Глушко уволил своего заместителя Садовского, доставшегося ему еще от Мишина. Ходили слухи, что тот открыто высказал Глушко все, что думал о его программе “Подъем”. Изложил Садовский и свое мнение о копии “Шаттла”: “Моя бабушка еще в детстве меня учила, что утюги не летают”, – якобы заявил он на роковом для себя совещании.

Протестуя, подали заявления об уходе по собственному желанию еще несколько замов, которые давно поняли, что никогда не войдут в заветную тройку, с которой Валентин Петрович намерен работать лично. Поддержал Садовского и Дорофеев, правда, немного странным образом, но с тем же конечным результатом. Борис Аркадьевич с досады тут же написал заявление с просьбой предоставить ему сразу все накопленные им отпуска за несколько предыдущих лет. Резолюция Глушко “Против увольнения не возражаю” не оставила выбора, и обиженный Дорофеев уволился с предприятия. Его обязанности автоматически стал исполнять Евгений Васильевич Шабаров, стремительная карьера которого началась именно с этого временного поста.

Разом освободившись от королевской гвардии, Глушко, похоже, почувствовал себя в КБ достаточно уверенно. Причем, уверенно настолько, что провел несколько демаршей, которые поразили все КБ, а возможно и более высокие государственные инстанции.

Обеспокоенный событиями, связанными с массовыми увольнениями известных в отрасли людей, министр Афанасьев официально вызвал Валентина Петровича на ковер. Однако Главный конструктор вызов проигнорировал, мгновенно оформив фиктивный краткосрочный отпуск. “Доброжелатели”, скорее всего, тут же доложили наверх, что Глушко не в отпуске, а на своем рабочем месте.

Выждав заявленный срок отпуска, министр решил самолично посетить строптивного подчиненного с тем, чтобы ознакомиться с положением дел на месте. О визите министра его служба предупредила заранее. Я с интересом следил за приготовлениями к приезду высокого гостя. Это так напомнило мне аналогичную суету, которую многократно наблюдал на полигоне, и несколько раз даже руководил тотальным удалением чахлой пустынной растительности с территорий, прилегающих к дороге, по которой должны проехать длинные кортежи правительственных лимузинов, специально доставленных в город Ленинск по такому случаю.

В день посещения уже утром на всех перекрестках дежурили усиленные наряды ГАИ в парадной форме. Вся территория предприятия сияла чистотой. Повсюду, как и в городе, расставлены милицейские посты. По заводскому радио несколько раз предупредили о запрете любых перемещений по территории предприятия, даже по служебной необходимости. В вестибюлях корпусов дежурили люди с красными повязками, которые отлавливали нарушителей и возвращали их на рабочие места.

Любопытствующие коллеги прямо с утра заняли наблюдательные посты у всех окон, из которых можно было хоть что-то разглядеть. Наблюдателей периодически разгоняли проходившие мимо руководители или люди с красными повязками, но освободившиеся места тут же занимали другие. Наконец, за полчаса до начала обеденного перерыва в комнату влетела группа возбужденных сотрудников, своими глазами увидевших министра и его свиту. Все бурно выражали свое удивление тем, что гостя сопровождал не Глушко, а наш Шабаров.

Именно этот факт и вызвал многочисленные дискуссии, продлившиеся даже после обеденного перерыва.

Оказалось, накануне приезда министра Валентин Петрович оформил дополнительный отпуск и покинул предприятие. Его заместители в знаменательный день тоже оказались, кто в командировке, кто на больничном, а кто и в краткосрочном отпуске по семейным обстоятельствам. На рабочем месте остался только Шабаров, но он всего лишь исполнял обязанности заместителя Главного.

Похоже, Евгений Васильевич приглянулся министру, поскольку он тут же подписал приказ о назначении его на должность. Не исключено, что это назначение было политическим ходом министра – Глушко не мог дезавуировать приказ.

Вскоре после этих событий меня пригласил Бродский. Оказалось, нас обоих вызвал Шабаров по поводу моей служебной, о которой я давно забыл.

– Это вы автор записки, за которую я теперь должен краснеть? – спросил Шабаров, показывая подготовленный мной документ. Это действительно был мой вариант, не откорректированный Мазо.

– Да, я исполнитель именно этого варианта служебной записки. Ее черновик я передал начальнику сектора, но дальнейшая судьба документа мне неизвестна.

– Ваш начальник отдела убедил меня подписать этот документ и разослать по всему предприятию. Вот теперь полюбуйте, что я должен читать по этому поводу, – передал Шабаров несколько ответов, – Выйдите в приемную и внимательно почитайте. Будете готовы, заходите.

Я быстро просмотрел материалы. Документы были подписаны крупными руководителями, но, по сути, представляли собой заурядные отписки, написанные с апломбом, в менторской тональности. Понятно, почему так переполошился Шабаров. Он видел в этих бумажках вызов своей персоне, обласканной министром. И еще я понял, что не только могу, но и обязан разнести оппонентов в пух и прах, поскольку под угрозой оказался и мой авторитет специалиста.

– Евгений Васильевич, краснеть должны, те, кто подписал эту белиберду, очевидно, не читая, – обратился я к Шабарову, возвращая документы, – Я готов ответить нашим оппонентам. Надеюсь, заставлю их впредь отвечать на наши документы по существу, а не излагать свои путаные мысли. Такое могли написать только некомпетентные или ленивые исполнители. Мне жаль их начальников.

Шабаров с интересом посмотрел на меня.

– Что ж, жду. Это было бы кстати. Мне нравится ваша убежденность. Постарайтесь камня на камне не оставить от инсинуаций этих нахалов. Но, пожалуйста, интеллигентно. Мы же пишем не исполнителям, а их руководителям. Жду, – отпустил Шабаров, ободренный моим выступлением.

И я расстарался. Особое внимание уделил анализу ответов проектантов и двигателистов, подписанных известными руководителями – Каляко и Соколовым. Бродский, едва прочел мои “критические заметки”, тут же позвонил Евгению Васильевичу, и через полчаса мы снова были у Шабарова.

Евгений Васильевич читал молча, но периодически хмыкал и улыбался. Закончив чтение, подписал бумаги и протянул их не Бродскому, а мне.

– Спасибо. С вами действительно лучше не спорить. Мягко по форме, но жестко по существу. Большое спасибо, – пожав руку, отпустил Шабаров. Бродский остался у него.

– Евгений Васильевич доволен твоей работой. Просил отметить, – сообщил вернувшийся от Шабарова Бродский, – И еще просил полностью переключить тебя на новую тематику.

– Я и так переключен, Эмиль Борисович.

– Я знаю. Но это хороший знак, Анатолий. У Шабарова открылись неплохие перспективы. Многим это, конечно, не нравится. А отсюда этот коллективный демарш.

– Я так и понял, Эмиль Борисович.

Глава 8. Вокруг РЛА

А вскоре мы с Кузнецовым вновь посетили проектантов.

– Так это ты, оказывается, Зарецкий? – посмотрел на меня Иван Иванович так, словно видел впервые.

– Я именно так и представился, когда мы познакомились.

– Да, я помню. Тут Яков Петрович на совещании врезал всем за наш ответ, который ты разнес по полной программе. Так и приказал, все документы от Зарецкого докладывать ему лично, а не подсовывать на подпись всякую ерунду. А никто не знает, кто такой Зарецкий. И я забыл. Только сейчас вспомнил. Ну, ты молодец. Я все твои служебки потом почитал с большим удовольствием.

С того самого разговора я, как и Кузнецов, получил возможность обращаться к Ивану Ивановичу по любым вопросам. Он никогда не отказывал, если просил согласовать мои материалы, или ознакомить с последними проектными решениями. Именно он постепенно познакомил меня со всеми проектантами, работающими по новой тематике.

Как и в наш первый визит, Иван Иванович показал все те же варианты программы “Подъем”. Однако каждая из ракет уже получила свой индекс, начинавшийся с аббревиатуры “РЛА”.

– Что за РЛА такая? – удивился Кузнецов.

– Ракетный летательный аппарат. РЛА-1 это первая ракета Глушко, которую он запускал еще до войны, – пояснил Иван Иванович, – Как только возникло “РЛА”, наименование “Подъем” исключено отовсюду, как класс.

Было заметно, что проектанты время не теряли. Модульные блоки тоже получили индексы. Центральный блок – “Ц”, а боковушки – “А”. Блок Ц почти не изменился, а вот блок А превратился в какого-то монстра. Иван Иванович рассказал, что блок Ц будет, как у американцев, одноразовым, не спасаемым. А вот все доведки на блоках А предназначены для послеполетного спасения блоков.

И он продемонстрировал картинки, на которых были изображены этапы спасения. Там было все: и этап закрытия двигателя защитным обтекателем, разворачивающимся, как китайский веер, и несколько этапов работы парашютной системы, и этап раскрытия четырех выдвигающихся лап, на которые должен приземлиться блок, и, наконец, этап срабатывания тормозных двигателей в момент касания этими лапами земли.

Сложно, громоздко, ненадежно. Как и где собирать эти блоки? Как их обслуживать в пустыне? Чем доставлять на техническую позицию для обслуживания? Выяснилось, что по трассе полета ракет будет создана приличных размеров площадка приземления блоков. И еще нас порадовали тем, что при первых полетах все блоки будут одноразовыми. Что ж, здравая мысль. А там, глядишь, можно и вообще отказаться от сомнительной идеи спасения блоков.

Посмотрели на вариант с самолетиком. Сам аппарат приобрел некоторую индивидуальность и уже заметно отличался от “Шаттла”.

На обратном пути зашли к двигателям. Они располагались в здании, где когда-то было КБ Грабина. Сам корпус понравился, но был явно перенаселен. Жуткая теснотища. Нам с Кузнецовым еле нашли два свободных стула, и мы примостились у какого-то кульмана, на котором кто-то чертил пневмогидравлическую схему блока А.

– Жора Александров, – представил мне “чертежника” Кузнецов.

Знакомая фамилия. Все аналогичные документы Н1, которые я когда-то изучил вдоль и поперек, были подписаны Александровым и Крутовым. Вскоре к нам подошел и сам Крутов – начальник Александрова.

– Сколько Жора не рисует, все Н1 получается, – пожаловался он Кузнецову, и они вышли покурить.

Я же остался посмотреть схему. Действительно, типичная Н1. Нет только схемы двигателя. Вместо нее пустой квадратик.

– А схемы тысячетонника у вас нет? – спросил Жору.

– Даже неизвестно, когда будет, – “обрадовал” Александров, – Мы, когда у них были, ребята только руками разводили. Кто, говорят, будет его проектировать? У нас таких специалистов и в помине нет. Остался один криогенщик, который еще движки для семерки проектировал. Но, он уже пенсионер, работает только по два месяца в году. Пусть, говорят, сам Валентин Петрович проектирует.

Да-а-а. Вот тебе и три года до первого полета. Действительно, прав Кузнецов – бумага все выдержит.

Я попросил у Александрова листочек бумаги и быстро набросал ему несколько эскизов схемы, которую когда-то сделал на полигоне для тренажеров. Зрительно она воспринималась намного легче, хотя ничем не отличалась от оригинала. Жора с интересом посмотрел эскизы, но ответил так же, как когда-то Кузнецов.

– Знаешь, это интересно, но начальство и военные уже привыкли к такой схеме. Пусть она неуклюжая, зато привычная.

– Жора, зато она не будет похожа на схему Н1. Хотя по существу она не может быть иной.

– Это, конечно, мысль. Я подумаю, – ответил Жора, очевидно, из вежливости. Схему он так и не изменил.

Оказалось, в том же корпусе размещались управленцы. Зашли к ним. Встретил множество знакомых, с которыми когда-то часами сушили кабельную сеть Н1. Выяснилось, что о новой программе у них пока одни только разговоры. С пилюгинцами они еще не общались, планов никаких. К удивлению, узнал, что такая орава народа – всего лишь кураторы разработчика системы управления – Пилюгина.

В том же корпусе размещались разработчики наземных систем и оборудования. Там нас встретила такая же толпа кураторов, которые, как и управленцы, пока никого не курировали, а новости хотели узнать у нас с Кузнецовым.

Складывалась жуткая картина. На новую тематику работали лишь проектанты и наши двигателисты. Остальная публика все еще пребывала в режиме ожидания перемен. Понятно теперь, почему мои предложения были восприняты только этими двумя подразделениями КБ. Именно от проектантов и двигателистов мы получили пространственные послания. Остальные прислали невнятные отписки на полстранички. Они просто были не в курсе.

Меж тем наша совместная с Кузнецовым работа медленно, но верно продвигалась. Объем собранной нами информации, похоже, достиг предела, и теперь стояла задача все это осмыслить и переосмыслить с тем, чтобы представить в виде стройной системы технических требований. В какой-то момент меня осенило. Внезапно необыкновенно четко представил структуру документа. После этого уже не составило труда распределить весь материал по ячейкам этой структуры. Сразу стало заметно, что одни ячейки детализированы избыточно, в других же ячейках явно не хватало деталей. Более того, нам обоим вдруг стало очевидным, что именно этими деталями новая ракета и должна отличаться от своих предшественников.

Волей-неволей нам пришлось отправиться в научно-техническую библиотеку, а не в архив, исследованный нами вдоль и поперек.

Научно-техническая библиотека предприятия оказалась достаточно солидной. Во всяком случае, мы нашли все, что искали, не обращаясь в центральные библиотеки. Сначала Кузнецов лишь посмеивался, когда я с головой углублялся то в учебники, то в специальные статьи

и монографии, опубликованные в отраслевых журналах. Но, вскоре он с удивлением обнаружил, что неполные ячейки стали заполняться, причем, как правило, незнакомой ему информацией. Он просил пояснений. Я пояснял, а чаще просто указывал неизвестный ему первоисточник, который он с интересом прорабатывал от корки до корки. Постепенно Владимир Александрович и сам увлекся поиском, причем настолько, что наши ячейки стали заполняться гораздо быстрее.

Накануне майских праздников мы представили наш документ Бродскому, минуя Мазо. Но это было решение ведущего инженера Кузнецова, лишь формально подчиненного начальнику сектора.

А вскоре Бродский устроил совещание, на которое были приглашены ведущие специалисты отдела. Кузнецов сделал небольшой доклад, а потом я часа два отвечал на вопросы. Самыми активными оказались Инна Александровна Ростоккина и ее начальник Юрий Константинович Разумовский.

Именно на том совещании я познакомился с легендарной женщиной, послужившей прообразом героини фильма “Укрощение огня”, которой Главный конструктор Башкирцев, киношный аналог Королева, единственной разрешил работать у заправленной ракеты. После совещания мне об этом рассказал Кузнецов. И лишь через несколько лет, когда Инна Александровна признала во мне коллегу, и между нами установились доверительные отношения, я осмелился затронуть эту тему.

– Да выдумки это все, Толя, – ответила тогда на мой вопрос Инна Александровна, – Все было совсем не так. Я тогда еще девчонкой была, только-только распределили в КБ после техникума. На полигон попала впервые. Ну и поручили мне простейшую операцию – проконтролировать заземление ракеты после ее установки на старт. Лейтенантик с солдатиком принесли оборудование, установили на тележку. Офицер пошел за документами. А тут команда по громкой: “Срочно доложить результаты контроля заземления”. Солдатик молодой, ничего не знает. Ну, я спустилась на тележку, делаю замеры, а тут сверху крик: “Что это там девчонка у ракеты делает? Убрать немедленно! Чтоб духу ее здесь не было”. Глянула, а это Сергей Павлович со свитой. Свита засуетилась. А кто ко мне под ракету спустится? Я на них ноль внимания. Спокойно закончила работу и поднялась на нулевую к телефону, чтобы доложить. А тут сам СП подходит ко мне и говорит: “Впервые вижу такую нахалку, которая меня не слушает”. А сам улыбается. Ну, я осмелела и говорю ему: “Сергей Павлович, у вас своя работа, а у меня своя”. А он мне: “Опасно же под ракетой. Там военные должны работать”. Отвечаю: “Должны. Но они без документации не могут”. “А вы можете?” “Могу. Я эту инструкцию сама разработала”. “Тогда работай, раз разработала”. Вот и вся история. А в следующий пуск он снова ко мне подошел, уже как к старой знакомой. Вот кто-то из его свиты и пустил слух, что только мне из всех женщин СП разрешил работать у ракеты, да еще у заправленной. Чуть собачья. У какой заправленной?

– Инна Александровна, а любовная история, откуда взялась? Тоже выдумка?

– Конечно. В том фильме какая-то дама бальзаковского возраста ему объяснялась. Мне, девчонке, такое и в голову бы не пришло.

Действительно. Конечно, мне трудно было представить, как выглядела Инна Александровна в свои восемнадцать лет. Мы с ней познакомились, когда Ростоккина сама вплотную подобралась к бальзаковскому возрасту. Она запомнилась мне энергичной женщиной с твердыми знаниями и убеждениями. За много лет работы она так и не сделала карьеры, оставшись “вечным” старшим инженером. Но, доказывая свою правоту, могла спорить, невзирая на должности и звания оппонентов. Она действовала как таран, темпераментно и шумно сокрушая их позиции. Недостатки в изложении своей позиции и отсутствие аргументов “против” она с успе-

хом компенсировала убежденностью и поставленным голосом профессионального спорщика. И “крепости” сдавались, не выдержав натиска.

Помню, как накануне какого-то праздника Инна Александровна появилась в шикарном костюме цвета морской волны. Костюм по покрою очень напоминал то ли военную форму, то ли форменный костюм стюардесс. А сама Ростоккина с ее высокой статной фигурой, твердой уверенностью и громовым голосом однозначно напоминала в нем бравого генерала. Выяснилось, что костюм ей сшил на заказ, как она сама сказала, “известный, но бестолковый закройщик Слава Зайцев”.

– Только испортил такую шикарную ткань, – слышал я из другого конца коридора возмущенный голос Инны Александровны, – Я вас так вижу, говорит, не иначе как адмиралом. Да еще золотые пуговицы пришил в два ряда как на кителе. Я как глянула – ужас. Пуговицы, конечно, сама перешила на обычные, но все равно хожу как в военной форме, – рассказывала Ростоккина кому-то печальную историю своего костюма. “Очень точно разглядел”, – подумал я тогда. Больше в том костюме Ростоккина на работе не появлялась.

Юрий Константинович – полная противоположность Ростоккиной. Он – само радушие и глубочайшее почтение к любому собеседнику. Юрий Константинович никогда ни с кем не спорил. Он внимательно выслушивал оппонента и тут же с ним соглашался. Казалось бы, и говорить больше не о чем, не то, что спорить. Как вдруг Разумовский просил прояснить некоторые непонятные ему моменты. Успокоенный оппонент с чувством превосходства тут же начинал давать пояснения. Но Юрий Константинович, ссылаясь на недостаток знаний в данной области, все спрашивал и спрашивал, пытаясь, якобы, понять то, что действительно понять невозможно. Вскоре оппонент и сам начинал осознавать, что неправ, и вопрос действительно не проработан. А Разумовский тем временем, как опытный учитель, наводящими вопросами подводил нерадивого ученика к верному решению. Внезапно “прозревший” оппонент благодарил Юрия Константиновича за то, что тот помог ему выявить недостатки, и сам спешно правил документ так, как это требовалось Разумовскому.

Как и Ростоккина, Разумовский был старейшим работником КБ, куда попал сразу после вуза. Ему тоже довелось работать под руководством Королева и неоднократно с ним контактировать по самым разным вопросам. В отличие от Бродского, многие рассказы которого обычно включали его коронную фразу “и тут мы с Сергей Палычем вдвоем”, он редко что-либо рассказывал о том времени. Запомнился лишь рассказ, который мне довелось услышать от него дважды.

По погодным условиям самолет предприятия совершил посадку на каком-то заштатном аэродроме. В единственном маленьком аэродромном буфете командированные специалисты выстроились в длинную очередь. Одним из последних к очереди подошел Королев. Люди из очереди тут же предложили ему пройти вперед.

– Спасибо. Не беспокойтесь. Я постою, – отказался от предложения Сергей Павлович, – Здесь же больше нечего делать, кроме как в очереди стоять.

Волей случая Юрий Константинович оказался в этой очереди непосредственно за Королевым. Буфет был скромным, но выбор спиртного поражал разнообразием. И командированные не преминули воспользоваться неожиданной удачей. Заказывали не меньше, чем по бутылке на брата.

– Пожалуйста, мне бутылочку кефира и булочку с изюмом, – к удивлению буфетчицы, сделал свой необычный заказ Сергей Павлович.

– Мне то же самое, – вслед за СП повторил его заказ Юрий Константинович.

– Молодой человек, – с удивлением посмотрел на него Королев, – В ваши годы я бы в подобной обстановке выпил бы чего-нибудь покрепче. От кефира замерзнуть можно.

- Я не пью, – строго пояснил Разумовский, что в те годы было правдой.
- Я тоже, – смеясь, поддержал его СП, – Но в таких условиях на вашем месте непременно выпил бы, если, конечно, здоровье позволяет.
- Здоровье позволяет, но я действительно не пью спиртного.
- Что ж, похвально, молодой человек. Мне бы ваши годы. Непременно граммов двести пропустил, – и с сожалением махнув рукой, Королев с булочкой и кефиром отошел к свободному столику.

Уже под занавес того памятного совещания у Бродского выяснилось, что нас с Кузнецовым поддержали только Разумовский и Ростоккина. Более того, Разумовский предложил нам подготовить таким же образом отдельные технические требования к смежным наземным системам. Остальные участники совещания требовали вернуться к традиционной структуре документа. Несмотря на поддержку Бродского, решение так и не было принято.

– Ретрограды, – возмущался Юрий Константинович, – Заскорузлые мозги. Даже не понимаете, что новое изделие на старых подходах нам не сделать. Получим тот же паровоз, только покрупней. А здесь ребята предложили столько нового. Стройную систему контроля. Автоматизированную систему управления подготовкой и пуском. И не просто предложили, а разработали четкие технические требования, наметив, как все это сделать. В общем, Эмиль Борисович, мы с Инной присоединяемся к группе Кузнецова. Будем участвовать в работе над этим документом. А там посмотрим, чья возьмет.

Так мы с Владимиром Александровичем получили не только активных сторонников, но и соратников в работе по новому направлению. Конечно же, Юрий Константинович подключался к нам лишь время от времени. Но Инна Александровна, по его поручению, вскоре полностью стала членом нашего маленького коллектива.

А недели через две Юрий Константинович принес показать нам и Бродскому черновик документа, который подготовили проектанты Феоктистова по программе «Остров». Это были технические требования к системам долговременной орбитальной станции, которую еще только предстояло создать, собирая ее прямо на орбите из модулей, доставляемых к станции по мере необходимости. Структура документа очень напоминала нашу. И Бродский тут же принял решение, не созывая больше никаких совещаний.

Глава 9. Этот День Победы

Меж тем страна готовилась отметить юбилейную дату – тридцатилетие Победы в Великой Отечественной войне. Я хорошо помню, как пышно отмечали предыдущий юбилей – двадцатилетие. В училище это событие запомнилось тем, что неожиданно весь рядовой и офицерский состав был награжден правительственной наградой – специально выпущенной юбилейной медалью. А еще, что впервые за много лет в военном параде в Харькове участвовала техника.

Нашу парадную “коробочку” отмечали всегда. На многочисленных репетициях мы, по приказу командующего парадом, иногда проходили перед парадным строем, как образец для подражания. Но, на том параде превзошли самих себя. Трибуны встречали нас бурными аплодисментами, совсем как артистов. После торжественного марша нас отвели в сквер, где оставили оружие.

Едва вернулись, пошла техника. Конечно, она была не столь разнообразна, как в Москве на Красной Площади, но ее было очень много. Она шла и шла, сотрясая площадь и заполняя грозным гулом окрестности. На выходе из прямоугольника площади, боевые машины резко набирали ход и, обходя сквер двумя потоками, мимо нас уже пронеслись на приличной скорости.

Из-под гусениц танков сыпались искры, и я невольно вспомнил, как в раннем детстве видел огромные колонны тех самых танков и самоходок, которые с боями дошли до Германии и года через три после завоеванной ими Победы возвращались на Родину. Из-под их гусениц точно так же сыпались искры, а из выхлопных труб летели черные клубы сажи. Те танки были темно-серыми от дорожной грязи и пыли. Они сами были как огромные бесформенные комья грязи. Грохот стоял примерно такой же. Тогда я видел все это впервые, и боевые машины казались мне чудовищами – драконами из сказки. Мне, ребенку, было очень страшно. Но не меньший страх я видел в глазах пленных немцев, стоявших вдоль колючей проволоки нашего лагеря.

После прохождения техники и спортивного представления мы несколько часов стояли в оцеплении между колоннами демонстрантов. Демонстранты были веселыми и нарядными. Народ действительно ликовал. Впервые за много лет люди, по призыву ветеранов, надели свои награды. Тогда очень многие из фронтовиков были не только живы, но и большинство из них еще работали.

Так парадную колонну нашего училища возглавил его начальник генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза Тихонов. Накануне, поздравляя нас с праздником, он, по нашей просьбе, рассказал о подвиге, который совершил вместе со своими товарищами-летчиками еще в самом начале войны.

А задание они получили самое, что ни на есть самоубийственное – в августе сорок первого года на своих тихоходных дальних бомбардировщиках без всякого сопровождения вылететь курсом на Берлин. Никакого маршрута. Никакого целеуказания. Никаких аэродромов для основной или аварийной посадки. Никакой надежды на возвращение.

Но, была лютая ненависть к вероломному врагу, внезапно разрушившему счастливую мирную жизнь. Была одна на всех боль потери миллионов людей, погибших или искалеченных, сражающихся на фронтах или в окружении, или вынужденных оставаться в фашистской оккупации. У каждого была и своя личная боль – многие уже знали, что потеряли родных и близких, друзей и подруг. Другие пока не знали ничего, и было тяжело от этой гнетущей неизвестности. И еще было яростное желание отомстить врагу за все это любой ценой, нанеся ответный удар

в самое сердце его страны – в его столицу, откуда пришла война, и которую сам этот город еще практически не ощущал.

– Ни одна бомба не упадет на территорию Германии, – заявил рейхсмаршал авиации Геринг, и это были не пустые слова. Страна уже давно вела войну, и ее силы были мобилизованы. Миллионы людей находились в боевой готовности на разных рубежах противовоздушной обороны. Прорваться через всю эту мощь казалось невозможным, немислимим.

– Каждый из нас, командиров экипажей, видел перед собой только одну цель, которую должны поразить именно его бомбы. Это Рейхстаг. И никто не думал, что будет потом, – рассказывал нам боевой летчик Тихонов.

Каким образом наша воздушная армада незамеченной прорвалась к Берлину, осталось загадкой даже для самих участников операции. Конечно же, сказалось высокое искусство летчиков. Несомненно, поспособствовало успеху операции и самоуверенное разгильдяйство расслабившегося от ощущения своей безнаказанности противника. Возможно, нашим Героям просто сопутствовала военная удача. Неважно.

И через несколько часов полета Тихонов не только получил информацию от штурмана, но и ясно осознал, что его самолет уже над Берлином. Город ярко освещен, словно и не было никакой войны. А потому даже с большой высоты прекрасно различимы его улицы и площади. А самолет все летел и летел по направлению к центру города. Это казалось невероятным, но это уже было свершившимся фактом. Вскоре Тихонов стал ориентироваться в городе, который накануне до мелочей изучал по схеме. Пошли “знакомые” улицы, но до Рейхстага было еще далеко.

Внезапно снизу вспыхнули лучи десятков прожекторов, быстро обшаривающих небо. Стало ясно, что армада обнаружена. И через мгновение с земли в небо полетели сотни тысяч снарядов. Было видно, как отдельные районы города, словно по команде, мгновенно погружались во тьму. Медлить нельзя. Выбрав объект, рядами высоких труб напоминающий какой-то завод, Тихонов выполнил заход для прицельного бомбометания. Первые бомбы, похоже, легли в цель. Второй заход уже был невозможен, потому что небо над Берлином превратилось для наших самолетов в ад. Сбросив оставшиеся бомбы наугад, самолет, резко маневрируя, пытался уйти от захвата его прожекторами, которые, казалось, уже светили отовсюду. Точно также со всех направлений в мечущиеся самолеты летели зенитные снаряды. Вскоре зона Берлина была обозначена лишь заревом пожаров, лучами прожекторов, да непрерывными вспышками от разрывов снарядов. Чудом выскочив из мясорубки, Тихонов с удивлением обнаружил, что вся Германия погрузилась во тьму. Набрав максимальную высоту, он направил самолет в сторону моря.

Уже почти рассвело, когда на остатках горючего удалось приземлиться на какой-то фронтальной аэродром.

– Где это вас так изрешетили? – с удивлением спрашивали окружившие самолет летчики и технический персонал.

– Над Берлином, – с удовлетворением отвечал экипаж, вызывая своим ответом сначала недоумение, а затем внезапную бурную радость людей, узнававших такую необычную в те горестные дни всеобщего отступления новость.

Экипаж долго с восторгом “качали”, а потом на руках отнесли в столовую, где веселье продолжилось, перекинувшись на весь мгновенно проснувшийся аэродром.

– А нам самим еще не верилось, что мы вернулись, что мы все живы и даже не ранены. И уже казалось сном, что всего лишь несколько часов назад мы бомбили Берлин, – вспоминал Герой Советского Союза летчик Тихонов.

Таковыми же летчиками, участниками войны, были многие из наших наставников и преподавателей училища. Они не кичились своей доблестью, но их парадные мундиры украшали боевые награды.

В период службы на полигоне я попал в удивительную ситуацию – в городе Ленинске совсем не было участников Великой Отечественной войны. Первые ветераны полигона, среди которых, конечно же, были фронтовики, давно отслужили свой срок и уехали в родные места. А все, кто служил в мои годы, начинали военную службу уже после войны. И хотя некоторые офицеры носили боевые награды, все знали, что получили они их в мирное время. А потому все четыре года моей службы на полигоне праздник Победы отмечали так же, как любой другой праздник. Чествовать было некого.

Иная обстановка сложилась в нашем отделе, где, как оказалось, рядом с нами все еще работали участники войны. За неделю до майских праздников в коридоре вывесили стенд с фотографиями военных лет и кратким описанием боевого пути каждого. Понятно, что организаторы мероприятия не проверяли информацию, записанную, очевидно, со слов самих ветеранов. Да и не было в том никакой необходимости. Каждый из бывших воинов сообщил о себе то, что счел нужным. Важно, что все они были фронтовиками, а значит Победителями.

В первые дни у стенда толпились люди, с удивлением узнавая о сослуживцах то, о чем и не подозревали. Почитав статьи, многие тут же подходили к ветеранам, пожимали им руки и засыпали вопросами. А в курилке, как всегда, шло бурное обсуждение наиболее ярких эпизодов, ставших известными из статей или от самих фронтовиков, но чаще подробности были плодом воображения самих спорщиков. Так они, похоже, развлекались от скуки. И вскоре ветераны, войдя в курилку, с трудом узнавали в тех байках самих себя. В общем, мероприятие удалось.

Многие сотрудники отдела тогда впервые узнали, что в войну Бродский был офицером, начальником штаба зенитного дивизиона, что войну окончил в чине капитана, и что не все его ордена и медали получены исключительно за “космические” заслуги.

Удивил скромный старший инженер Некрасов, который рядовым прошел всю Отечественную, а после Победы воевал в Монголии и в Корее.

Но всех развеселила военная история начальника группы Бойкова, участника двух войн, награжденного медалями “За Победу над Германией” и “За Победу над Японией”. Оказалось, на первую войну он попросту опоздал – эшелон с пополнением успел доехать лишь до Польши, когда война окончилась. Эшелон вернули. А вскоре боевую часть, сражавшуюся в Германии, вместе с опоздавшим пополнением, направили на Дальний Восток. Но, так случилось, что накануне начала активных боев Бойков заболел дизентерией. А когда выздоровел, и вторая война окончилась. Его демобилизовали, но в оба наградных списка Анатолий Яковлевич “попал автоматически”. Рассказывал он об этом с юмором, нисколько не сожалея, что ему так и не довелось участвовать в боях.

– Хватило и маневров, – шутил Бойков, – Но в окопах все же посидел, пока не прохватило. Думал от страха.

Мы смотрели на этого добродушного великана, и нам трудно было представить, что он мог даже подумать тогда, в свои молодые годы, о каком-то страхе. Но мы-то не были на передовой и не сидели в окопах.

Около половины стенда было посвящено летчику-истребителю генералу Халутину, работавшему инженером в нашей поисково-спасательной команде. Его уголок украшали несколько снимков военного времени и большое фото генерала в парадной форме. Под ними располагалась карта-схема боевого пути части, в которой служил Халутин, дополненная воспоминаниями самого Александра Ивановича, прошедшего этот путь от и до. Удивляло лишь, что за

всю войну летчик-истребитель сбил всего один вражеский самолет. Каждый, прочитав статью, почему-то тут же громко сообщал об этом всем, стоявшим у стенда.

– Ну и что здесь особенного, – подключился к разговору Некрасов, случайно проходивший по коридору и на минуту задержавшийся у стенда, – Я вот даже не знаю, попал ли хоть в одного фрица за всю войну. Стрелять, стрелял, а результатов не видел ни разу. А тут летчик целый самолет сбил, и сам уцелел. Если бы каждый солдат хоть одного врага уничтожил, война сразу кончилась. А то сидишь в окопе, а над тобой железо летает. Иногда из окопа не высунешься. А тут самолет в небе. Весь на виду. Палят в него все, кому не лень. Вот где герои. Мы снизу только удивлялись. А вам одного самолета мало, – махнул рукой Кронид Ефимович и пошел дальше по своим делам.

“Конечно же, Некрасов прав. Плохой летчик до генеральского звания не дослужился бы”, – подумал я тогда и вряд ли когда еще вспомнил тот эпизод со сбитым самолетом, если бы злополучный самолет вдруг не стал странным образом размножаться. Правда, это случилось позже. Через год оказалось, что Халутин сбил два самолета – один лично, а второй в групповом бою. Еще через год самолетов стало три. А к тридцать пятой годовщине Победы Халутин преподнес целых пять лично сбитых самолетов.

– Результативный генерал. В год по самолету, да еще в мирное время, – пошутил старший инженер Миша Бычков, всегда подмечавший подобные факты. Но, после тридцать пятой годовщины стенд больше не вывешивали, а потому последнее достижение стало окончательным результатом Александра Ивановича. А жаль.

Неожиданно пришла мысль провести майские праздники в Харькове. Мне захотелось поздравить родителей-фронтовиков не открыткой, а лично. И не просто лично, а всей моей семьей. Очень хотелось еще раз попытаться наладить отношения матери с женой. Почти три года прошли с момента той единственной встречи, выявившей их взаимную неприязнь. С тех пор многое изменилось в моей жизни, а мать все это время в общении со мной упорно делала вид, что нет у меня никакой семьи. И еще я вдруг подумал, что матери, всю жизнь мечтавшей о дочери, было бы интересно увидеть, наконец, свою маленькую внучку, очень похожую на меня в том же возрасте. Как ни странно, мое пожелание нашло поддержку жены, и мы начали готовиться к поездке.

В ту короткую поездку отправились без громоздкого багажа, захватив лишь самое необходимое и скромные подарки. И вот первого мая мы втроем отправились во Внуково. Утро праздничной Москвы встретило нас пустыми автобусами, украшенными красными флажками, необычно свободным от транспорта Ярославским шоссе, полупустыми вагонами метро и, наконец, комфортабельным автобусом с десятком пассажиров, которые, судя по багажу, собрались, как и мы, куда-то лететь в такой знаменательный день.

Аэропорт дочери очень понравился. В ожидании нашего рейса мы с ней смотрели на взлетающие и приземляющиеся самолеты.

– И мы полетим? Как тот самолетик? – с удивлением спрашивала она меня после очередного взлетевшего самолета.

– Так и полетим, – отвечал ей всякий раз.

– А где наш самолетик?

– Готовится к полету. Пьет керосин и чистит перышки.

– Пьет керосин?!

– Да, Светик. Самолетики любят пить керосин, а не чай, как мы с тобой.

– А где у самолетика перышки?

– Вон там, видишь, самолетик распушился, – показывал я на самолет с выпущенными закрылками. Светланка с интересом разглядывала самолет.

В таких разговорах время ожидания пролетело незаметно, и вскоре мы попали в самолет. Дочь неотрывно смотрела в иллюминатор. Это “круглое окошко” ей очень понравилось. Понравилась шторка, которыми можно было его закрывать. Она их тут же опробовала.

– А зачем надо закрывать окошко?

– Это когда солнышко будет слишком ярким.

– А где солнышко?– спрашивала дочь. Солнышка в Москве действительно уже с месяц не было видно. И даже праздничный день был пасмурным и прохладным. Мы двинулись в путь в плащах и куртках.

– За облаками всегда солнышко.

– Мы полетим за облаками?

– Да. Выше облаков. Облака будут внизу.

– Внизу?!

– Да. Внизу, под нами. Скоро все увидишь. Вот уже самолетик заводится, – отвечал я на бесконечные вопросы дочери, а мысли уже были в Харькове.

Как нас встретят? Новым адом, как три года назад, или мать все же смягчится, познакомившись с внучкой? Мысли, мысли, мысли.

Наш короткий полет прошел замечательно. Светланка была поглощена новыми впечатлениями. Ее не укачало даже при посадке. И вот за час с небольшим мы переместились из пасмурной Москвы в солнечный Харьков. Пришлось тут же сбросить плащи и куртки.

Нас не встречали. В телеграмме мы лишь сообщили о приезде, не указав ни вид транспорта, ни номер рейса. Дочь, утомленная ранним подъемом и перелетом, в автобусе крепко уснула. Она не проснулась ни при пересадке в троллейбус, ни по дороге от остановки до дома. И лишь когда я уложил ее на диван, она мгновенно открыла глаза и тут же вскочила на ноги.

– Папа, мы уже в Харькове?

– В Харькове, Светик, в Харькове, – ответил ей.

– Надо же. Разбудили. Пойдем, пусть поспит, – расстроился отец, готовивший вместе с Таней импровизированную постель.

Но я уже знал, теперь дочь не уснет ни за что. Она уже отдохнула и была готова осваивать незнакомую обстановку. Вряд ли она осознавала пространственные масштабы нашего путешествия. Скорее всего, часовой перелет показался ей чем-то вроде такой же по времени поездки в метро к нашим родственникам, разбросанным по окраинам гигантской Москвы. Но в метро, в отличие от самолета, ее укачивало, впрочем, как и во всем остальном наземном транспорте, и всю дорогу она, как правило, крепко спала. Но, стоило только спящую дочь положить в ее кроватку, она сразу просыпалась.

Светланка, конечно же, оказались в центре общего внимания. К нашему с Таней удивлению, это ее ничуть не смущало. Похоже, я неплохо подготовил ее к тому, что в Харькове она увидит много незнакомых людей, которые захотят с ней познакомиться. Очень удивил известием, что ее бабушка и дедушка, к которым она поедет, это мои мама и папа.

– Мой дедушка твой папа? – с искренним недоумением спросила дочь, узнав необычную для нее новость, и не дожидаясь ответа, рассмеялась.

Вскоре нас усадили за праздничный стол. Пошли обычные застольные разговоры обо всем на свете. Но шестым чувством постоянно ощущал какую-то напряженность. Исходила она явно от матери.

Нет, похоже, ничто не сможет поколебать ее первоначального мнения о невестке. При встрече она холодно поприветствовала Татьяну, без энтузиазма поцеловала ребенка, а за столом сидела молча, внимательно вслушиваясь в разговоры, но, не принимая в них участия. Что ж, как-нибудь продержимся эти праздничные дни, а вот предстоящий летний отпуск придется проводить где угодно, но только не в Харькове.

Удивило, что за весь день к нам так и не подъехали Саша с Тamarой и племянником Сережей. Когда поинтересовался у отца, почему их нет, выяснилось, семья брата на праздники уехала в Кораблино – к родителям Тамары. Обидно. Так хотелось посмотреть, как они устроились в отремонтированной квартире. Но оказалось, проблем нет, и мы хоть завтра сможем съездить на старую квартиру.

Когда приехали на место, оказалось, мама забыла ключ от двери. Не беда, эту дверь мы с Сашкой уже давно научились открывать без ключа. Поколдовав минут пять с замком, к всеобщему удивлению легко вскрыл квартиру.

– Это что, каждый, кому не лень, может так открыть нашу дверь? – обеспокоилась мама.

– Ну, не каждый. Для вора любая дверь не помеха, а такая – семечки. Только вряд ли кто сюда полезет, – успокоил мать.

Однако состояние квартиры поразило. Впечатление, что здесь что-то впопыхах искали. Все вещи разбросаны. Один из плафонов люстры разбит. От него осталась лишь часть фрагментов, но осколки с пола аккуратно убраны. Зато вся кладовая оказалась доверху забитой вещами. Приглядевшись, легко опознали вещи Шурика.

Отлегло. Нет, это не следы работы воров, а просто в очередной раз в квартиру вселился наш беспокойный родственничек. Похоже, время вселения он, как всегда, выбрал удачно – ребята, очевидно, уже собирались в дорогу, и им было не до него. Только, где сам Шурик? Поразмыслив, пришли к выводу, что, скорее всего, уехал с ребятами в Кораблино. Снова встал вопрос, что делать, когда вся команда вернется после праздников. Ведь выселить его тем же способом, что и в прошлый раз, вряд ли удастся. А оставлять здесь просто опасно. Он наверняка снова начнет спаивать брата.

Мы не стали убирать следы “погрома”. Я аккуратно закрыл дверь на замок, и мы вышли во двор.

– Толик! Та чи це ты?! – тут же бросилась к нам вездесущая тетя Липа, “гроза” нашего двора, жившая в доме напротив, – А це твоя дытына? Гарна дивчина, – одобрила она, – А дэ твоя жинка? – спросила она, не обращая внимания на стоявшую рядом Татьяну. Впрочем, не удивительно – ведь в наш первый приезд мама в качестве моей жены представила им Валю-Валентину, а Таню определила, как ее подругу. Все это безобразие происходило в присутствии Вали, молча согласившейся с нелепым сообщением “свекрови”, что она, якобы, “ждет моего ребенка”. Тот разговор услышал совершенно случайно и был возмущен беспардонным враньем матери и предательским поведением Вали.

И вот через несколько лет перед взором любопытной тети Липы возник мой ребенок, а вместо моей жены – ее подруга! Сколько же домыслов тут же возникло в пустой головенке этой старой девы – недалеко и чрезвычайно несдержанной на язык особы. Хорошо еще, Таня плохо понимает украинскую речь, чем и воспользовался:

– Вид цих женок можно з глузду зыйхаты. Спытайтэ в моеи мамы. Он вона сюды йдэ, – показал в сторону приближающейся матери, подхватил на руки Светланку, и мы быстренько двинулись к лавочке у асфальта.

– Что это за тетка и о чем вы говорили? – спросила Таня, едва присели, – Я ничего не поняла. А почему ты от нее сбежал?

– Это тетя Липа, наша генеральная сплетница. С ней лучше не общаться. Она, правда, и без того нафантазирует немало, но лучше держаться подальше. Сказал ей, что от таких женщин можно с ума сойти и направил ее к матери, – удовлетворил любопытство жены.

Я всегда недолюбливал тетю Липу, хотя она относилась ко мне, в общем, неплохо. Стойкая неприязнь возникла еще в детстве. Однажды пытался срезать кусок коры с толстеного ствола дерева, что росло в нашем дворе. Хотелось вырезать маленькую лодочку. Ее можно

было бы пускать в плавание по бурным потокам, которые обычно текли вдоль дороги во время снеготаяния или после сильного дождя. Во дворе ребята играли в футбол. Неожиданно прямо над собой услышал глухой удар и звон разбитого стекла. Мимо меня пролетел отскочивший от ветки мяч, а землю у дерева присыпала куча стеклянных осколков. Подбежавший брат подхватил орудие преступления, и вся ватага футболистов опрометью бросилась со двора. А вдогонку из разбитого окна уже неслись громкие проклятия пострадавшей от их шалости тети Липы.

Я же, увлеченный своим занятием, очнулся лишь от боли. За ухо меня крепко держала свирепая тетя Липа:

– А ну кажи, хто цэ зробыв?! Ты всэ бачив! Кажи! Кажи! – кричала она дурным голосом на весь двор и крутила мое ухо так, что у меня что-то затрещало в голове, а из глаз сами собой полились слезы.

Не соображая ничего от боли, взмахнул рукой с ножом, пытаюсь освободиться от ее клешни, зажавшей мое несчастное ухо.

– Ах ты, скаженный! Вбыты мэна хочешь! – заорала она и еще крепче сжала ухо и мою руку с ножом, но на помощь уже бежала мама.

Меня спасли, вырвав из рук озверевшей соседки. Когда страсти остыли, с тетей Липой договорились, что стекло ей вставят. Впрочем, это было справедливо, потому что, как оказалось, окно разбил мой брат. Вот только этого я не видел. Хотя, если бы видел, все равно ничего не сказал. Ябедничать в нашей детской среде считалось последним делом.

После экзекуции долго болело ухо, и раскалывалась голова. Тетя Липа, похоже, осознала, что понапрасну так обошлась со мной, и всячески пыталась загладить вину. Но я не простил ей той дикой выходки, и она надолго перестала для меня существовать. Я игнорировал все ее ласковые обращения ко мне, упорно делая вид, что рядом со мной никого нет.

Со временем эта старая одинокая женщина стала для меня, впрочем, как и для всех, чем-то вроде неотъемлемой принадлежности двора. Казалось, она находилась там постоянно. Ее зычный голос раздавался то в одном, то в другом уголке, а то и прямо из раскрытого окна ее квартиры на втором этаже. Иногда он доносился с прилегающих улиц, но так, что весь двор все слышал. Этот голос стал звуковым оформлением двора, его своеобразным фоном, без которого он стал бы чем-то другим.

Тетя Липа видела и замечала все, что происходило во дворе, была в курсе всех событий. Казалось, от ее бдительного ока не скрыться никому и нигде. А вся ее бурная деятельность сводилась к тому, что она пыталась установить свой порядок и образ жизни для всех без исключения обитателей. И она вмешивалась во все, даже в то, что не касалось ее никоим образом. С ней спорили, скандалили, но убедить ее в чем-то было невозможно. Мне кажется, в каждом дворе непременно найдется подобная особа. Во всяком случае, мне они всегда попадались.

В тот памятный день мы с братьями вернулись из деревни, где обычно проводили летние каникулы. Мы всегда возвращались изменившимися настолько, что нас с трудом узнавали соседи, или в шутку делали вид, что не узнавали. В деревне всё лето ходили босиком, целыми днями купались в наших небольших речушках, а в промежутках между купанием играли в песчаных дюнах, подступавших прямо к воде. Мы загорали до черноты, а наши густые, нестриженные все три месяца каникул волосы выгорали до цвета спелой соломы. К тому же за лето вырастали из одежды, в которой нас отправляли в деревню. А потому поводов к реакции соседей, типа “О-о-о! Братья Зарецкие. Вас не узнать”, – было предостаточно.

То лето оказалось для нас непростым. Тогда бабушка основательно загрузила нас работой по двору, на огороде и в саду. Обычно ее выполнял дедушка, но он скоропостижно умер еще зимой. Мы с братом все понимали и не роптали, получив очередное задание на день. С непривычки было тяжело что-то копать, полоть и окучивать. И еще раз в неделю ездили в лес

на заготовку дров, а потом часами их распиливали, кололи и складывали в сарайчик. После дождей, как правило, приходилось ремонтировать оба дома и все хозяйственные постройки. В большом доме мы разобрали старую русскую печь, очистили от глины и рассортировали все кирпичи, а потом помогли печнику соорудить взамен новую. Ремонт домашней утвари в основном делал я, имевший навыки работы с металлом и деревом.

Нам не терпелось поскорее выполнить бабушкины поручения и отправиться, наконец, на речку. Но вышло так, что целых два месяца из трех попадали туда лишь вечером, чтобы отмыться от степной пыли, рабочей грязи и, наконец, остыть от невыносимой дневной жары. Потому что днем работали в колхозе прицепщиками на тракторе дяди Васи, заработав тогда для бабушки положенный минимум трудодней. Словом, в то лето я изменился настолько, что выглядел старше своих пятнадцати лет.

Целый день приводил себя в порядок, а ближе к вечеру вышел во двор к лавочке, на которой, как обычно, сидели ребята нашего двора.

– О-о-о! Толик! Тебя не узнать, – совсем как утром соседи, встретили меня завсегда у нашей лавочки. Здесь уже расположился Вовка Бегун с гитарой, а рядом, прислонившись к низкому штакетнику, стоял Игорь Марковский по кличке Мыцек. Немного опередив меня, к ним подошли Ирочка Полянская и Наташа Корсунь, которую все звали, как и в детстве, Талочкой.

Ребята за лето совсем не изменились, а вот девочки заметно повзрослели, особенно Талочка. И теперь обе смущенно смотрели на меня, ожидая, очевидно, ответной реакции. Но, я так и не успел сказать ни слова, потому что откуда-то из-за огромного ствола тополя внезапно появилась тетя Липа:

– Толик! Та чи це ты?! – направились она к нам, – Тэбэ не взнаты. Який парубок став. Вже, мабуть, невеста е, – рассыпалась она в своих неуместных, на мой взгляд, комплиментах.

– Тетя Липа, ты в своем репертуаре, – прервал ее монолог, зная, что он может затянуться надолго.

– В рэпэтуари, в рэпэтуари, – согласилась она, намереваясь продолжить свое выступление.

Случайный взгляд в глубину двора и я вмиг забыл о неприятной собеседнице и вообще обо всем на свете. В лучах заходящего солнца, скользнувших сквозь лабиринты старого города и внезапно осветивших вечно сумрачный уголок двора, не спеша, шла, словно плыла, редкой красоты и изящества молоденькая девушка. В прекрасной незнакомке неожиданно узнал Людочку, так чудесно изменившуюся за лето. Очарованный волшебным видением, лишь молча смотрел на мою прелестную подружку, не в силах оторвать восторженного взгляда.

– Людка! Куда спешишь? Иди к нам! Тут для тебя сюрприз! – вдруг окликнула ее одна из подружек. Людочка остановилась и посмотрела в нашу сторону. На мгновение наши взгляды встретились. Девушка вспыхнула радостной улыбкой, но тут же отвела глаза и покраснела. “Ну, зачем они так? Только смутили”, – мысленно возмутился я.

Поколебавшись секунду, Людочка решительно направились к нам. Я по-прежнему молчал и лишь неотрывно, с восхищением смотрел на нее. Она, конечно, заметила и буквально засияла от ответных чувств. Улыбка не сходила с ее миленького личика. Снова и снова мы встречались с ней взглядами, от которых вдруг чаще забилось сердце, и кровь прилила к щекам.

Я вдруг отчетливо понял, что такое счастье. Ведь впервые в жизни оно само улыбалось мне счастливой улыбкой моей красавицы-подружки. И я уже не замечал ничего вокруг, кроме ее дивных теплых глаз, чудесной улыбки и еще чего-то яркого и светлого, плывущего ко мне из вечерних сумерек, словно сошедшее на землю маленькое белое облачко с просветами голубого неба.

А то бестелесное облачко вдруг так очевидно выдало слившуюся с ним воедино живую плоть – прекрасную девичью фигурку, таинственную прелесть которой не скрыть никакими одеждами.

И передо мной уже вовсе не облачко, а во всей красе юности моя стремительно повзрослевшая очаровательная подружка в своем бело-голубом воздушном наряде. Она плыла ко мне легкой походкой, опустив глаза, словно стесняясь разительных перемен, происшедших с ней за время нашей летней разлуки.

Своими восторженными взглядами мы сказали друг другу так много, что меня вдруг охватило неведомое до того волнение. Так откровенно мы еще не выражали наших чувств. И не осталось сомнений, что эти говорящие взгляды – лишь начало новых, еще неведомых отношений, совсем иных, чем наша детская дружба.

И вдруг откуда-то из глубин подсознания, как озарение, всплыла эта роковая фраза: “Людочка, ты – моя Джульетта”.

Удивительные имена и печальная история любви юноши и девушки так потрясли меня этим летом. Лишь теперь осознал, что они были вовсе не взрослыми, как мне показалось, когда читал повесть Шекспира “Ромео и Джульетта”, а такими же, как мы с подружкой.

А может наоборот, это мы, наконец, повзрослели и наши сердца кричат нам об этом, как говорила мне когда-то Крестная?

И на душе одновременно с переполняющей ее радостью вдруг появилась неясная тревога, навеванная, очевидно, трагическим финалом повести. Еще ничего не произошло, а я вдруг ясно осознал, что именно Людочка станет самым большим моим счастьем на всю жизнь, что бы с нами потом не случилось.

– Людочка, ты – моя Джульетта, – шепотом повторил только что придуманную фразу, а память тут же подсказала другую, из детства: “Я никогда тебя не забуду, Людочка”.

И душа затрепетала в предчувствии нашей необыкновенной любви, совсем как у Ромео и Джульетты.

– Людка! Ты шо розцвила, як майская роза? – неожиданно нарушила благостную тишину тетя Липа, несомненно, как и все, наблюдавшая за нами, – А-а-а! Толика побачила. Цей хлопцець нэ для тэбэ. Вин, бач, яким парубком став. В нього, навить, невеста у сэлі е. А ты, Людка, ще дивченя малэ, – громко на весь двор выплеснула она свои гнусности.

Людочка тут же остановилась, густо покраснела, а ее мгновенно потухшая улыбка уже готова была смениться потоками слез. Ведь изменившись внешне, в душе она оставалась все той же маленькой беззащитной девочкой. Я отлично понимал состояние подружки, потому что чувствовал себя почти таким же – оплеванным ядовитой слюной нашей дворовой тетки.

– Тетка Липовая! – взорвался я, – Язык бы тебе оторвать поганый! Нет у меня никакой невесты в деревне. Что ты к Людочке привязалась? Нэ дивченя вона вже! Топай отсюда. Людочка, иди к нам.

И Людочка, почувствовав мою твердую поддержку, вдруг гордо подняла свою красивую головку и стремительной походкой снова пошла к нам, не глядя ни на кого. “Браво, Джульетта!” – мысленно воскликнул я. А подружка неожиданно прошла, как мимо пустого места, прямо к девочкам. Они тут же образовали кружок и весело защебетали о чем-то своем.

“Ну и правильно сделала, что не остановилась со мной”, – подумал я, хотя в душе очень хотелось, чтобы случилось именно то, что должно было случиться, не будь здесь этой зловредной тетки, да и ребят тоже, – “Все нормально. Людочка уже не девчонка. Она поступила так, как поступила бы Джульетта”.

Огорченный, сел на лавочку рядом с Вовкой, и он тут же начал настраивать гитару. А рядом с нами тетя Липа громко возмущалась нравами современной молодежи, но ее никто не

слушал. Погромыхав минут пять, она удалилась к лавочке у асфальта, на которой уже сидела тетя Зина, и теперь ее недовольное громыхание раздавалось оттуда. А мне вдруг стало грустно, потому что впервые отчетливо почувствовал, что теряю мою Людочку как подружку, с которой до этого вечера всегда были простые и ясные отношения.

Мне нравилось, что она совсем не похожа ни на одну из девчонок, которых знаю. Ни на назойливую Любочку, ни на жеманную Ирочку, ни на ушедшую в себя Талочку, и даже ни на одну из моих шикарных одноклассниц, которым мы, их ровесники, до сих пор откровенно безразличны. С Людочкой мне всегда было легко – она была светлым и открытым человеком, и с детства воспринимала меня как старшего брата.

“Новая Людочка – другая. Но какая? Хорошо бы, как Джульетта”, – мучился я в догадках и сомнениях, слушая фальшивые аккорды Вовкиной гитары.

А девочки шептались и негромко смеялись. И мне вдруг показалось, что им, как и нашим одноклассницам, нет до нас никакого дела. Однако боковым зрением отметил, что они все-таки посматривают в нашу сторону. И Людочка тоже. Значит, не все так плохо.

Вскоре появились ребята с футбольным мячом. И до самой темноты прямо на мостовой мы все вместе играли в волейбол без сетки.

Рядом со мной, справа от меня, стояла моя Людочка, и я, как всегда, перехватывал все сильные мячи, летящие в ее сторону. Но, она не возмущалась, как обычно, а лишь благодарно кивала мне и улыбалась своей теплой улыбкой.

Потом ребята с мячом ушли, а оставшиеся затеяли игру в испорченный телефон. И снова Людочка сидела рядом со мной. А когда передал ей на ушко очередное слово, и ее пышные волосы коснулись моих губ, неожиданно осознал, что в тот момент мысленно поцеловал мою прелесть. И сердце замерло от сладостного восторга. Решившись, шепнул ей: “Джульетта”. Улыбнувшись, Людочка что-то передала дальше по цепочке.

Она так и не догадалась, что это теперь ее новое имя. Но, даже я не знал, что родившаяся сегодня фраза: “Людочка, ты – моя Джульетта”, – уже через девять месяцев станет ключевой в нашем объяснении. А еще через шесть лет она же навсегда вернет нам нашу большую любовь.

– Любовь, – ошалев от счастья, прошептал подружке новое слово. В этот раз Людочка с неподдельным удивлением пристально посмотрела на меня, но, потом, слегка замешкавшись, конечно же, передала дальше нечто иное, оставив это святое слово при себе.

“Прости меня, Людочка. Я больше так не буду”, – мысленно пообещал подружке. Но Людочка, похоже, совсем не обиделась. Всю оставшуюся игру она незаметно, короткими взглядами, посматривала на меня, и слегка отвернувшись, улыбалась.

А потом я долго провожал Людочку в ее общежитие. Не сговариваясь, мы пошли не напрямую, просто перейдя дорогу, а в обход, делая громадный крюк. Я подробно рассказал подружке о том, как летом работал на тракторе, как однажды целый день летал на маленьком самолетике, опыляя колхозные поля, и, наконец, как с братом ночевали на крыше дома, отрезанные наводнением.

А Людочка смотрела на меня с восторгом, как в самом начале этого дивного вечера, когда она только увидела меня у лавочки. Нам обоим явно не хватало времени, чтобы поделиться нашими летними впечатлениями, и мы снова и снова кружили по улицам и переулкам, не в силах расстаться у дверей общежития.

Людочка рассказала, как она все лето занималась гимнастикой в спортивной секции, и что у нее многое стало получаться. Только теперь понял, откуда у нее появилась такая удивительная походка, и не только походка.

“Людочка, любимая. Я снова в родных местах, на нашей лавочке, где в тот памятный августовский вечер впервые мысленно поцеловал тебя. За много лет здесь ничего не изме-

нилось. Только подросли деревья, да рядом бегают и прыгают, развлекавая себя, моя маленькая доченька Светлана. Ее мама незаметно для меня куда-то исчезла, похоже, по своим делам. А посреди двора тетя Липа о чем-то громыхает с моими родителями. Она все та же, словно законсервированная. И все здесь так, как было тогда, когда яркими цветами расцветала наша с тобой юность. До сих пор все, что было, как-то существует. И лишь тебя больше нет в этом мире, первая любовь моя.

Но, ты видишь, я все помню. Все-все. Вот он справа, через дорогу, почти у входа в твое общежитие – наш любимый клен. Помнишь, как однажды ты попросила меня принести букетик его желтых листьев? Это было тогда – в твою последнюю осень. Как ты радовалась, получив тот скромный, но очень дорогой для тебя подарок. Ты обняла мой осенний букет, словно старинного друга. Ты перебирала его листочки и, похоже, разговаривала с каждым из них. В тот момент ты была так счастлива. А мое сердце разрывалось. Мне казалось, я обманул тебя, любимая. Ведь я в принципе не смог бы выполнить твою простую просьбу и вместе с тем не мог ее не выполнить. Мне пришлось обойти оба парка и часть лесопарка, прежде чем удалось собрать ту охапку кленовых листьев, которую ты встретила так искренне и так трогательно, что я готов был провалиться сквозь землю. Была поздняя осень, как в том стихотворении, которое сочинил тебе накануне, и деревья давным-давно растеряли свою листву. Лишь в лесопарке не оказалось добросовестных харьковских дворников. И я страдал тогда и страдаю до сих пор оттого, что вынужден был пойти на невинный обман, который стал первым и единственным в наших с тобой чистых отношениях. Увы, ты об этом так никогда и не узнаешь, любимая. И мне горько сознавать, что никогда больше не смогу попросить прощения за ту единственную “ложь во спасение”. Прости меня, любовь моя. Прости за все, что я так и не смог сделать для тебя”, – мысленно обратился я к любимой, как всегда, когда приходил к ее могилке, где, мне казалось, она могла меня услышать.

Я снова посмотрел на клен, но не увидел ничего за пеленой внезапно подступивших слез. Закрыв глаза и незаметно для дочери смахнул выкатившиеся слезинки. Людочка так любила это деревце, а, скорее всего, место, где оно росло. Ей казалось, что так здесь было всегда, сколько она себя помнила. А я помню, как однажды на месте множества земляных щелей-бомбоубежищ, вырытых перед корпусом общежития еще в войну, огромный бульдозер сделал гигантскую ровную площадку. После его бурной деятельности, на оголившейся площадке, лишенной не только временных сооружений, но и маскировавших их непроходимых зарослей кустарника и бурьяна, чудом сохранились с десятков небольших елочек и средних размеров осина. Правда, оказалось, что за елочки я тогда принимал сосенки, только совсем маленькие.

А когда разбомбленное общежитие восстановили, вдоль булыжной мостовой проложили асфальтированные дорожки. Заасфальтировали и дорожку, ведущую к входу в общежитие. Осенью того же года вдоль тротуаров высадили молоденькие деревца, в том числе и наш любимый клен. Его посадили прямо на том месте, где в августе пятьдесят первого года я впервые увидел незнакомую маленькую девочку, одиноко стоявшую у входа в необитаемое здание.

Я сидел с закрытыми глазами, ясно представляя картину далекого детства, как вдруг откуда-то издалека, словно из нашего довоенного репродуктора, донеслись детские голоса.

- Тебя как зовут? – спрашивал кого-то мой мальчишеский голос.
- Людочка, – отвечал нежный голосок пятилетней Людочки.
- Таких имен не бывает. Тебя зовут Любочка.
- Нет, я Людочка.
- Ладно, спрошу у мамы. А ты где живешь?
- Здесь живу.
- Здесь никто не живет.
- А я вот живу. Но еще недолго. Только сегодня и вчера.

- А где ты жила раньше?
- Там.
- Пойдем, посмотрим лошадок.
- Пойдем. А они не укусят?
- Что ты! Они меня знают. Я кормлю их травкой, – рассмеялся мой голос.

А потом всплыла другая картина. Я бегу к Людочке. Ей уже восемь. Она стоит на том же месте у облетевшего клена, в своем плохоньком зимнем пальтишке, и держит за шиворот что-то маленькое, закутанное в огромный платок. Увидев меня, машет рукой и улыбается.

- Людочка! Привет! Кто это? Что за куколка?
- Привет, Толик. А это моя сестричка Светочка.
- И тебе доверяют такую кроху? Меня к моему младшему не очень подпускают. Боятся, что я его уроню, или не услезу за ним. У нас бабушка им занимается.
- У нас Светочкой, кроме меня, заниматься некому. Мама на работе. Этот тоже. Я ее и кормлю, и переодеваю, и развлекаю, и спать укладываю.
- Да. Тебе не позавидуешь. Понятно, почему тебя почти не видно с ребятами.
- Ты там тоже не бываешь. А где ты бываешь, что тебя совсем не видно?
- Учусь, много читаю.

А вот зимний вечер. Крупными хлопьями тихо падает снег. Мы с двенадцатилетней Людочкой и ее пятилетней сестричкой ходим по нашему традиционному маршруту – вокруг огромной кучи угля, спрятанной под снегом. Мы обсуждаем какой-то фильм, только что просмотренный по телевизору, что был тогда в красном уголке общежития. Светланка хнычет. Мы останавливаемся.

- Толик, возьми, у меня в кармане носовой платочек.
- Людочка, я не могу.
- Людочка, вдруг догадавшись о моих затруднениях, звонко, от души смеется:
- Толик, ты же моя подружка. Правда, достань, а то у меня обе руки заняты. Придется Светку домой вести.
- Значит, вы уже не выйдете?
- А ты хочешь, чтоб я вышла?
- Людочка. Ты еще спрашиваешь.
- Ладно, попробую. Может, мама отпустит на полчаса.
- И вот мы с Людочкой одни среди зимней метели.
- Светка, действительно захотела спать. А меня отпустили, когда я сказала маме, что буду гулять с тобой. Что это ты так внимательно рассматриваешь?
- Считаю, сколько снежинок может одновременно поместиться на твоих ресничках.
- Людочка счастливо смеется, причем так тихо, что ее смех слышу только я, да еще, возможно, наш любимый клен, под кроной которого мы стоим в этот незабываемый вечер.

“Легкие пушинки белые снежинки падают и тают на твоих ресницах”, – всплывают строки стихотворения, сочиненного однажды по просьбе Людочки в память о том неповторимом вечере – о нашем самом первом юношеском “свидании”.

“Как бы хотелось вернуть вечер той зимней метели, снежную, белую муть, в иinee сосны и ели, наши следы на снегу – их разметала пурга – все, что забыть не могу, память о чем дорога”, – как заклинание, мысленно повторяю и повторяю свое самое заветное, но, увы, несбыточное желание.

“Спасибо тебе, наш маленький дворик и всему, что тебя окружает, всему-всему давным-давно знакомому и дорогому до слез. Спасибо, что самым непостижимым образом вы храните память обо всем, что здесь когда-то происходило со мной и дорогими мне людьми. Спасибо, что только здесь можно так ясно и различимо вновь услышать наши звонкие детские голоса и наши пылкие юношеские споры. Спасибо, что вы еще помните мою любимую Людочку, которую мне уже не забыть никогда, сколько бы лет не отпустила судьба”, – от души благодарю я родные места, где прошли наши детство и юность.

“Людочка, любовь моя. Ты прости, но в этот приезд я впервые не смогу навестить твою могилку. Ведь мне вряд ли удастся без всяких объяснений оставить родных и близких на целый день. А мне совсем не хочется никому ничего объяснять. Впрочем, так же, как не хочется, чтобы кто-то был рядом, когда я говорю только с тобой, моя любимая, моя невеста. А в эти дни я постараюсь пройти по всем памятным местам, где мы когда-то бывали с тобой. И незаметно для всех буду вспоминать те незабываемые дни нашего короткого счастья”, – мысленно прошу прощения у любимой, а душа разрывается от боли.

Я не заметил, как вернулась жена и как подошли родители, отвязавшись, наконец, от любопытной тети Липы. Я и не подозревал, что в тот день видел ее в последний раз. Нет, она умерла не в том же году и даже не в следующем – просто наши с ней пути так больше и не пересеклись, вплоть до ее смерти.

Родители вдруг захотели навестить семейство Борисовцов. Дядя Женя и тетя Тося были давними приятелями родителей, а их три сына: Вовка, Сашка и Женька, – нашими с братьями ровесниками и друзьями детства. Родители наших друзей работали в общежитии, корпус которого был как бы зеркальным отражением корпуса, где жила Людочка. Вся семья много лет прожила в обычной комнате этого общежития, а недавно Борисовцы получили долгожданную квартиру недалеко от моего училища.

Я не возражал, и мы всем семейством невольно отправились по традиционному маршруту наших с Людочкой прогулок. Мы шли не спеша, и у меня было достаточно времени, чтобы показать жене и дочери все достопримечательности на моем многолетнем пути от дома до школы. Я постарался рассказать обо всем как можно больше, потому что там впереди – у ниши в стене старого дома, где мы с Людочкой однажды прятались от дождя, и где родилась наша первая любовь – мне надо было незаметно остаться одному. В том, святом для меня месте, как и на кладбище, я хотел оказаться лишь наедине со своими воспоминаниями.

У пожарного училища мне удалось ненадолго задержаться, пропустив торжественное шествие метров на пятьдесят вперед. А когда семейство остановилось, чтобы меня подождать, сделал вид, что завязываю шнурок, и махнул рукой, чтобы меня не ждали.

И вот я вошел в нишу и с трепетом замер там, где много лет назад стоял рядом с Людочкой. Я закрыл глаза, вспоминая те далекие события – тот самый первый день нашего счастья. И мне вдруг показалось, что чувствую легкое прикосновение прохладной и слегка дрожащей руки любимой.

– Тебе холодно? – вдруг услышал свой юношеский голос. Я стоял, не двигаясь, опасаясь спугнуть это наваждение. Волшебное прикосновение любимой вызвало во мне ответную дрожь и невероятное ощущение реальности происходящего. Я ничего не видел, но неожиданно почувствовал себя совсем как тогда – много лет назад, когда рядом действительно была моя любимая Людочка, смущенная нашей невольной близостью в таком тесном для нас двоих пространстве.

А потом, как и в тот день, развернулся и встал так, чтобы заслонить мою драгоценность от дождевых брызг. Как замороженный, я стоял, закрыв глаза, опасаясь, что все исчезнет.

– Ты согрелась? Моя курточка с удовольствием обнимает тебя, – вновь слышал те слова, которые произнес здесь когда-то, давным-давно.

– Людочка, – вдруг тихо позвал мой голос.

– Что? – так же тихо спросил голос любимой. Я вздрогнул и неожиданно для себя вслух повторил юношеское признание в любви:

– Людочка, ты – моя Джульетта.

– Я не Джульетта. Я Людочка, – прошептал в ответ голосок любимой.

И вдруг, совсем как наяву, ощутил на себе взгляд ее удивительных глаз “чайного цвета”. На мгновение показалось, что юная живая Людочка действительно здесь, рядом, и она смотрит на меня тем самым, что и тогда, в юности, любящим взглядом.

“Этого не может быть”, – подсказывал разум, – “Пусть все останется так навечно, даже если для этого надо сойти с ума!” – кричали взбудораженные чувства.

– Лю-ю-дочка. Нет, ты не Джульетта. Ты – моя Лю-ю-дочка, – независимо от меня тихо произнес мой голос, а я уже не понимал, видение это, или все происходит на самом деле.

“А здоров ли я?” – успело промелькнуть в воспаленном воспоминаниями сознании, прежде чем услышал откуда-то издалека, словно из другого мира, недовольный голос жены: “Толик! Ну, где ты там застрял? Догоняй скорей!”

Все. Наваждение исчезло.

Никогда и ни с кем больше близко не подойду к тем местам, которые, мне кажется, до сих пор хранят память о нашей с Людочкой юности, о нашей большой любви.

Я подошел к семье разбитым и потерянными. Мне больше ничего не хотелось, кроме как вернуться домой, и уснуть.

– Что с тобой? – минут через пять моего сплина спросила жена.

– Голова разболелась.

– Надо меньше пить, – выдвинула она свое видение моей проблемы.

– У папы головка болит. Он пить не хочет, – внезапно поддержала меня моя доченька.

“Похоже, только ей я смогу когда-нибудь рассказать обо всем, что было в моей жизни. Мне кажется, только она все поймет. Как жаль, что она еще так мала”, – размышлял, плетясь в хвосте торжественного шествия в гости к Борисовцам.

Сославшись на головную боль, так и не зашел в здание, которое оказалось заурядным семейным общежитием все той же системы общежитий “Гигант”. Просто здесь семье выделили двухкомнатную квартиру взамен однокомнатной. Вот и все.

Вскоре на улицу вышел сам дядя Женя и все ребята.

– Ну, здорово! – поприветствовал он меня, – Что не заходишь? Вот вышел сам на тебя посмотреть, – радостно гудел дядя Женя.

– Здравствуй, дядя Женя. Не обижайся. Голова что-то разболелась. Привет, братва. Рад вас видеть.

– Печатай! – вместо ответа скомандовал Вовка Женьке.

Самый младший из братьев, Женька, уже был на голову выше всех. А широкоплечим крепышом я помнил его, чуть ли не с пеленок. Сейчас же передо мной стоял богатырь. Женька тут же вытащил откуда-то, мне даже показалось из-за пазухи, два стаканчика и бутылку водки.

Выпили без закуски. Пошли разговоры, в основном обо мне. Минут через десять почувствовал, что стало легче, причем, вовсе не от водки, а от общения со старыми друзьями.

Вскоре вышли родители с тетей Тосей и жена с дочерью. К тому времени успели допить вторую бутылку, появившуюся все тем же волшебным способом – из необъятной пазухи Женьки. Успели даже “замести следы преступления”. Поговорив еще немного, распрощались, как оказалось, навсегда. Зимой того же года внезапно умер дядя Женя, а через год – тетя Тося. Многодетный отец Вовка получил квартиру в новом отдаленном районе города, и его следы затерялись. В какую-то криминальную историю угодил Женька. Запил и постепенно опустился

Сашка. Доходили слухи, что оба брата угодили в тюрьму. Где они осели после тюрьмы, мог знать только Вовка.

Двести граммов и бодрый разговор с дядей Женей вернули душевное равновесие. И мы продолжили путешествие по центру города. За день посетили оба парка, и даже зоопарк. Побывали на центральной площади и у стеклянной струи, у фонтана цветомузыки и у каскада искусственных водопадов – словом, почти всюду, где когда-то бывали с Людочкой в дни нашего счастья. Я добросовестно исполнял роль экскурсовода, но, как и решил, даже близко не подходил к святым для меня местам. Я смотрел на них издали, опасаясь снова впасть в состояние депрессии.

Той же ночью впервые приснился сон, который в разных интерпретациях периодически снится до сих пор.

В той первой версии сна все происходит в Харькове, в новой квартире. Я вернулся откуда-то домой. Кажется, очень поздно. Дверь открыла мама. Она как-то странно смотрит на меня, но не спрашивает ни о чем. Это так необычно для нее.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего. Иди в комнату. Тебя ждут.

– Кто может ждать меня так поздно?

– Это сюрприз, – загадочно отвечает мать и смахивает слезу.

Я быстро прохожу в комнату и шалею от неожиданности – в кресле сидит Людочка!
ЖИВАЯ ЛЮДОЧКА!

Увидев меня, она радостно улыбается и приветствует нашим традиционным жестом – совсем как когда-то в юности.

“Этого не может быть! Она же давно умерла. Я сам хоронил ее”, – осознаю нереальность происходящего.

– Ты думаешь, я умерла? – вдруг нарушает тишину моя гостья, мгновенно почувствовавшая мои сомнения, – Все так думали, а я просто крепко уснула. Ты же видел, что хоронили не меня, а какую-то старушку. Все это видели. Даже мама сомневалась. Она бы меня узнала в любом виде. А теперь все позади, и я вернулась к тебе, мой Ромео. Я же твоя невеста. Ты помнишь? Мне больше некуда возвращаться, да и не хочется. Не в могилу же, в самом деле, – улыбаясь, рассказывает свою печальную историю Людочка.

Я почти не вникаю в смысл ее слов – ведь это всего лишь детали. Главное – Людочка сидит сейчас передо мной, живая и здоровая. Я снова вижу ее дивные глаза, а в них – искреннюю любовь. Именно эти глаза я уже видел сегодня, когда стоял там – в святом для нас обоих месте, где родилась наша первая любовь. Тогда мне показалось, что Людочка была со мной. А может, не показалось? Может, она действительно была? Буря восторга охватывает меня.

– Людочка! Любовь моя! – распаиваю руки, чтобы обнять мою прелесть. Людочка счастливо улыбается, легко встает с кресла и медленно направляется ко мне.

Неотрывно смотрю в бездонные глаза любимой, и она не отводит взгляда. Ее потемневшие от волнения глаза чаруют и манят своим теплом и любовью. И снова, как тогда в юности, вместе со своим отражением вижу в них мириады ярких звезд – словно копию Вселенной.

Звезды. Звезды. Звезды.

“Где ты, любимая? Ты же можешь затеряться в этих необъятных просторах. И мне больше никогда не найти тебя”, – молнией пронзает тревожная мысль.

Мгновенно просыпаюсь с жутким ощущением смертельной опасности.

Это, оказывается, всего лишь сон. Медленно возвращаюсь в реальность. Ужас безвозвратной потери сжимает сердце. Какое-то время беззвучно рыдаю, все глубже и глубже осознавая фатальную необратимость прошлого и полное бессилие что-либо изменить в этом мире.

Постепенно успокаиваюсь. Несколько часов лежу без сна, вспоминая мельчайшие детали счастливых мгновений, которые неожиданно-негаданно принесло подсознание.

Людочка! Ты снова вернулась ко мне, пусть во сне. Значит, ты любила меня так же сильно, как люблю тебя я. всю мою несчастную жизнь. Но, никто нас теперь не разлучит ни на минутку, ни на секундочку. Как же ты прекрасна, любимая. Ты такая же красивая, как в ту осень после нашей пятилетней разлуки. Ты все в том же любимом платье, как тогда. В моем сне ты снова была живой! Ты говорила со мной, я слышал твой голос, видел твои необыкновенные глаза, сияющие любовью. И я безмерно счастлив, что жил когда-то рядом с тобой, что был тебе верным другом, что однажды полюбил тебя и любил до самозабвения, несмотря ни на что. Вечная память и вечный тебе покой, первая любовь моя.

К утру душа успокоилась, и я искренне поблагодарил ту ночь за то, что хоть на короткое мгновение она вернула из небытия мою любимую – живой и здоровой. Пусть лишь во сне.

Оставшиеся дни перед праздником Победы прошли в будничных хлопотах. Я постарался максимально сократить оба маминых списка “Работа для Толика”, для чего пришлось пару раз съездить в сад. В весеннем саду еще не было ничего, но он поразил жену и дочь необычайно пышным цветением. После холодного московского послезимья наши цветущие сады под безоблачным майским небом показались им южным раем.

И вот он настал – “этот день Победы”. В честь праздника отец впервые надел подаренный мной костюм. Сколько помню отца, он всегда носил только военную форму, даже в домашней обстановке. И вот совсем недавно, накануне Первомая, его “проводили” на пенсию. В отместку за квартирные дрызги, грубо нарушив традиции, ему так и не присвоили майорского звания, а потому отец потерял право ношения военной формы “на гражданке”. И тогда он “переоделся” в штатское – просто споров знаки различия и сняв с фуражки кокарду. Так он и ходил все эти дни, не признавая никакой иной одежды. Так что мой подарок подоспел к сроку.

Еще вечером, накануне праздника, отец тщательно выгладил костюм, а потом весь вечер прилаживал к нему свои награды.

– Толя, а ты почему не готовишься к празднику? Где твои медали?

– Батя, не смей меня. Что у меня за медали? Полный комплект юбилейных наград.

– Мальчишка! Любая медаль – это Правительственная награда. Ее не всякому дают. А у тебя еще и Ленинская медаль – “За воинскую доблесть”. Даже у меня такой нет. А вот тебя, дурака, наградили. Много ты понимаешь в наградах, сынок, – разворчался отец.

Не знаю, почему, но он и его коллеги-ветераны очень остро восприняли тот факт, что Ленинской юбилейной медалью награждали “по разнарядке” – на подразделение приходилось строго определенное количество медалей. А потому во многих подразделениях выделенных наград хватило лишь на начальство. Ветераны обиделись, написали коллективную жалобу, но, увы, без последствий.

– Батя, зачем тебе Ленинская медаль? У тебя “Красное знамя”, “Звездочка”, “За отвагу” и еще куча боевых наград. Целый иконостас. Весь пиджак сегодня продырявишь. Есть на что посмотреть. А мне хвалиться нечем.

– Дурак ты, сынок, хоть и с высшим образованием. Ленинская медаль висит слева, совсем как “Звезда Героя”. А ты, говоришь, пустяк, – продолжал ворчать отец, прилаживая меж тем свой иконостас к неудобному для этих целей штатскому пиджаку.

Прямо с утра всем семейством направились в центр города. Транспорт ходил лишь до места сбора колонн демонстрантов. Дальше пошли пешком. Вскоре добрались до улиц, перекрытых грузовиками и милицейским оцеплением. За оцепление никого не пускали, вплоть до окончания военного парада. Здесь и пригодились “корочки” отца. Пройдя через ряд оцеп-

лений, мы оказались на центральной улице города, причем, достаточно близко от площади. Дальше пускали только по спецпропускам.

Вскоре по направлению к площади двинулись колонны участников военного парада. Мимо нас по освобожденной от потоков транспорта Сумской улице прошли “коробочки” нашего училища. Восемь лет назад в последний, седьмой раз я прошел в такой же коробочке, с десантным автоматом Калашникова на груди. Рядом шли мои товарищи, а впереди – наши наставники: начальник факультета, начальники курсов, курсовые офицеры. А тут вдруг с грустью удостоверился, что не увидел ни одного знакомого офицера, не говоря уже о слушателях. Все правильно – смена поколений. Лишь Знамя училища все то же. Я кивнул ему, как единственному старому знакомому.

Едва прошли войска, двинулись колонны школьников – участников спортивной части праздника. И это знакомо. В пятом классе я попал в сводный отряд барабанщиков и горнистов. Отряд открывал спортивную часть праздника, и выходил на площадь сразу после прохождения военного оркестра. В тот раз впервые, хоть издали, увидел настоящий военный парад.

А в седьмом классе, когда занимался в гимнастической секции “Динамо”, меня включили в состав большой группы гимнастов, синхронно выполнявших на площади разнообразные перестроения и простейшие упражнения. В тот раз военный парад увидеть так и не удалось, но от того праздника у меня осталась настоящая спортивная форма: майка с буквой “D” на груди, гимнастические брюки и китайские кеды. По традиции форму, выдаваемую участникам спортивных выступлений, дарили на память, в качестве поощрения. Ту форму я берег, и она продержалась у меня много лет. Окончательно она износилась лишь в весну-лето шестьдесят третьего года, когда я почти ежедневно занимался академической греблей на харьковском водохранилище.

Как давно все это было. Вот и сейчас за полчаса передо мной тожественно прошагала моя военная молодость, а за ней, в нарушение обычного жизненного порядка – пионерское детство и комсомольская юность.

За спортсменами подошли и встали, в ожидании своей очереди, организованные колонны нашего района, заполнив все пространство улицы гигантскими красными знаменами, транспарантами и прочими яркими многоцветными атрибутами праздника. В то время еще не было отдельных колонн ветеранов войны. Все они шли в районных колоннах, в составе предприятий и организаций, где работали. От сотрудников, “не нюхавших пороха”, их отличали лишь боевые награды на штатских пиджаках, да какая-то особая, восторженная радость на лицах. Как искренне они радовались празднику Победы, который по существу и был их настоящим праздником, завоеванным каждым из них в выпавших на их долю боях и лишениях военного лихолетья. В ожидании движения колонн, группы ветеранов пели песни военных лет, или лихо отплясывали под музыку многочисленных духовых оркестров. В тот день равнодушных или хмурых людей в орденах и медалях я не видел.

Примерно через час, когда завершились военный парад и спортивные выступления, колонны трудящихся двинулись, наконец, в сторону площади. Конечно, можно было, как в детстве, потихоньку присоединиться к какой-либо из организаций и пройти вместе с демонстрантами через площадь. Увы, сейчас такого желания не было. Мы еще немного посмотрели на демонстрацию и заторопились домой, где нас ждали гости и праздничный стол.

Глава 10. Праздник со слезами на глазах

Гости оказались самыми неожиданными. По давней традиции, возникшей еще во времена полного отсутствия иной связи, кроме почтовой, в гости друг к другу ходили без всякого приглашения, как придется. Но, помнится, гостям всегда были рады. Особенно в праздники, когда в любом доме желанным гостем мог легко стать даже случайный человек, перепутавший адрес.

Первой возникла тетя Оля Руголева. Мне кажется, ее маленькую семью я знаю столько, сколько помню себя. Наши семьи дружили еще с лагерных времен. Муж тети Оли – дядя Петя – в лагере был непосредственным начальником моей мамы, вплоть до самого моего рождения. Он был видным мужчиной высокого роста и крепкого телосложения. Но, главными его достоинствами были исключительные выдержанность и порядочность. Его уважало начальство, и боготворили подчиненные – в основном, женщины-переводчицы. Для моей мамы он на всю жизнь так и остался эталоном настоящего мужчины.

Единственным пятнышком в биографии дяди Пети мама считала его странную женитьбу. Эта история раскрывалась передо мной постепенно и по мере моего взросления становилась все более понятной. Одновременно тетя Оля из демона-искусителя доверчивого дяди Пети – а именно этот образ постоянно культивировала моя мама – превращалась в обыкновенную женщину. А сама история показалась мне не лишенной романтики высоких отношений.

Конечно, мне трудно представить тетю Олю молоденькой девушкой, но все-таки кажется, что она вовсе не была дурнушкой и дурочкой, какой ее всегда представляла мама. По мнению матери, она была недостойна внимания такого положительного во всех смыслах человека, как дядя Петя. Но, я думаю, это было лишь мнением замужней женщины, конечно же, тайно в него влюбленной.

Каким образом дядя Петя оказался в лагере, мне неизвестно. Ярких воспоминаний о нем, как, скажем, о других служащих лагеря, из моего раннего детства я не вынес. В нашем домике он был редким гостем. Не часто появлялся и в помещениях для военнопленных. Он работал в основном в персональном кабинете, как и другое лагерное начальство. В то время он снимал комнату в большом двухэтажном доме в самом центре города. До революции дом принадлежал воронежскому помещику, вотчина которого включала и деревню, откуда происходил и сам дядя Петя. Так случилось, что в том доме в основном проживали его земляки, которые сдавали ему комнату.

Там он и встретил молоденькую девушку, которая жила на втором этаже. Трудно сказать, что толкнуло их друг к другу – они действительно были разными. Дядя Петя – из многодетной, очень бедной крестьянской семьи. Рано покинул родную деревню. Промышлял, чем мог. Много помогал семье. Кем он был до войны, не знаю. Но после войны, вплоть до самой отправки немцев в Германию, в лагере военнопленных он вел, как тогда говорили, “оперативную работу”, возглавляя специальное подразделение. Едва лагерь закрыли, дядю Петю демобилизовали.

Помню, именно тогда он стал нашим частым гостем. С моим отцом они подолгу обсуждали свои перспективы. В конце концов, отец написал рапорт и остался служить в войсках НКВД. Учитывая боевой десантный опыт отца, его тут же направили на оперативную работу, а заодно и на какие-то заочные двухгодичные курсы. А дядя Петя вскоре объявил, что устроился на работу в лесничество харьковского лесопарка. Кем он там работал, не знаю, но с той поры он стал помогать нашей семье, ежегодно предоставляя нам в лесопарке небольшие земельные участки, на которых мама с превеликим удовольствием выращивала овощи. А я, школьник младших классов, на этих грядках получал свои первые уроки земледелия.

Тетя Оля была единственной дочерью того самого помещика, владельца харьковского дома и воронежского поместья. Как случилось, что помещика и его семью не репрессировали, трудно сказать. Возможно, они попросту затерялись в Харькове. А затеряться им помогли бывшие их крестьяне, во множестве заселившие тот помещичий дом. Судя по всему, тетя Оля получила неплохое образование. Что она окончила, не знаю, но свободно изъяснялась по-французски, хорошо знала немецкий. Тетя Оля никогда нигде не работала, но в любом обществе умела достойно себя преподнести. Она всегда со вкусом одевалась и была заядлой театралкой. Одно время приучила к театру и мою маму, но с рождением младшего брата, их совместные театральные походы прекратились. Тетя Оля была женщиной своеобразной, манерной, какими обычно и показывали в кино старорежимных барынек или жен высокопоставленных советских тузов. К тому же, из-за своего французского, по-русски она, сколько ее помню, говорила с легким французским прононсом, что очень раздражало мою маму. Но, как я понял, тетя Оля раздражала ее в принципе. Неважно, чем.

Семья Руголевых так и осталась бездетной. Помню, как однажды они пришли к нам с дикой просьбой – усыновить нашего новорожденного младшего брата, еще не имевшего даже имени. Естественно, им отказали. Правда, вместо ребенка им тогда подарили нашего с Сашкой маленького щенка. “Лучше бы подарили этого противного братика”, – плакал тогда шестилетний Сашка. Мне тоже было жалко щенка, но я уже понимал, что братьев дарить нельзя, и не плакал.

К тому же нам с Сашкой разрешили навещать щенка в любое время. С тех пор мы часто бывали в том удивительном доме. Руголевы занимали всего две комнаты на втором этаже. Но, что это были за комнаты! Гостиная, размером с нашу квартиру. Высокие потолки, огромные окна, на потолке – лепнина. И чего там только не было на том потолке: какие-то младенцы с крылышками и луками со стрелами, какие-то старинные гербы в обрамлении гроздьев винограда и других диковинных растений, и еще много чего. Мы с братом любили разглядывать потолок. А еще в комнате был камин. Правда, он уже не работал. А так хотелось посмотреть, как в нем пылает настоящий костер! Об этом нам рассказала тетя Оля, которая единственная из всех видела его в действии. А балкон. Летом там стоял большой обеденный стол со стульями и горка с посудой. И еще оставалось столько места, что мы с братом могли бы там кататься на нашем трехколесном велосипеде, не задевая ничего, как в нашей “большой” комнате. Вторая комната была размером с нашу большую. Это была спальня. Но там мы с братом почти не бывали.

К нашему удивлению, щенок так и не вырос. Оказалось, это обычная комнатная собачка. Конечно же, мы с братом по-прежнему любили ее, но были немного разочарованы, потому что надеялись, что щенок станет настоящей сторожевой собакой, каких видели в лагере.

А потом у Руголевых появился телевизор. И несколько лет раза два-три в неделю мы всей семьей ездили на весь вечер смотреть телепередачи.

Полгода назад умер дядя Петя, а чуть раньше – наша собачка. И в тот праздничный день тетя Оля вспомнила о нас.

Не успел поговорить с тетей Олей, как в квартиру с шумом ввалился дядя Володя Макаров. Что это был именно он, догадался по истерическому визгу мамы – дядя Володя обожал щипать знакомых и даже малознакомых женщин, а за столом рассказывать веселые, не совсем приличные анекдоты. Как ни странно, ему это всегда сходило с рук. Более того, он нередко становился душой любой компании, а “ощипанные” женщины его просто обожали, прощая дикие выходки и скабрёзности, густо украшавшие его застольные речи.

– Ты один? А где Нина и Борис? – спросила мама.

– Нина осталась с ним дома. Он, видите ли, немного приболел. А у меня – праздник. Мне болеть некогда. Ну, где там Афанасий? Где ребята? А это, похоже, жена Толика? – спросил дядя Володя, и я тут же услышал визг ошипанной Татьяны.

Дядя Володя звезд с неба не хватал. Еще до войны он окончил семь классов средней школы в Ленинграде, где родился и вырос. Он перешел в восьмой класс, когда началась война. Волей случая оказался за линией фронта – в партизанском отряде. Уже после снятия блокады Ленинграда узнал, что в осажденном городе погибли его родители и все родственники. Возвращаться было не к кому, да и некуда – их дом был уничтожен. Прямо из партизанского отряда дядя Володя добровольно ушел на фронт и воевал до Победы, не жалея себя. После войны он продолжил военную службу. Так и оказался в охране лагеря военнопленных.

В лагере дядя Володя какое-то время служил под началом моего отца. А поскольку оба были фронтовиками, между ними быстро установились особые отношения.

Тетя Нина – жена дяди Володи – происходила из профессорской семьи, но война помешала ей даже окончить школу. Она с детства хорошо знала немецкий, а потому, прибавив себе пару лет, добровольно оказалась в войсках НКВД, где в тот момент потребовались именно эти ее знания. В августе сорок третьего, когда освободили родной Харьков, тетя Нина, по ее просьбе, была направлена переводчицей в лагерь военнопленных, созданный в поселке Покатиловка, что под Харьковом. Там она познакомилась с моей мамой, работавшей в том лагере, а позже – с моим отцом, направленным туда же после выписки из харьковского госпиталя.

В сорок четвертом моих родителей и тетю Нину перевели в лагерь, который располагался на окраине Харькова – в районе тракторного завода. Там все они и познакомились с веселым молодым сержантом Володей Макаровым. Именно в том лагере в декабре сорок четвертого года родился я.

В сорок шестом отца вернули в Покатиловку. Осенью того же года в том поселке родился мой брат Сашка. Из Покатиловки отца вновь перевели в Харьков, но в лагерь, который располагался в центре города – на территории разрушенного автодорожного института. Там наша семья снова встретилась с молодой семьей Макаровых – дядя Володя и тетя Нина уже успели пожениться.

Долгое время семья Макаровых была бездетной, а потому я быстро стал ее любимцем. Несколько лет моей сознательной жизни в лагере Макаровы опекали меня не меньше, чем мои родители, занятые работой и заботами о младшем брате.

Я рассказывал по всему лагерю с дядей Володей или с тетей Ниной. Именно тетя Нина познакомила меня с немцем-переводчиком гером Бехтловым, благодаря которому я быстро освоил разговорный немецкий. Более двух лет гер Бехтлов фактически был моим наставником и с большим терпением и тактом воспитывал меня, как немецкого мальчика.

Тетя Нина, как и мой наставник, старалась больше говорить со мной по-немецки, что очень раздражало дядю Володю, который немцев, мягко говоря, недолюбливал, видя в них хоть и побежденных, но все-таки врагов.

Макаровы жили не в лагере, как большинство персонала, а у родителей тети Нины – в старинном доме недалеко от лагеря. Похоже, интеллигентным родителям не нравился несдержанный на язык, малообразованный зять. Дядя Володя отвечал им тем же. Сколько помню, “любимым” персонажем его застольных анекдотов была теща. Рассказывал он эти анекдоты с мастерством и каким-то особым, выстраданным удовольствием. Да и знал их немало.

К нам в гости Макаровы ходили часто. Вместе и порознь. Все праздники наши семьи, как правило, отмечали у нас. А вот в гости к Макаровым мы не ходили никогда.

– Некуда мне вас приглашать. Я у этих буржуев в примаках живу – на птичьих правах, – отшучивался обычно дядя Володя.

Но, однажды, когда я уже учился в третьем классе, мы с мамой зашли к Макаровым по какому-то делу.

В доме оказался лифт с лифтером, и мы впервые в жизни поднялись на третий этаж не по лестнице, а в зеркальном лифте. Дверь открыл дядя Володя, явно обескураженный нашим визитом. Но, он быстро пришел в себя и с присущим ему юмором начал демонстрировать квартиру:

– Это коридор. А это наша половина коридора. Здесь мы можем принимать гостей. Места всем хватит.

Прихожая, которую дядя Володя назвал коридором, поразила своими размерами. Она было значительно больше нашей “большой” комнаты. И еще она удивила необычной мебелью. Вдоль стены стояли огромные шкафы темного дерева. В один из шкафов мы повесили нашу одежду, но не на гвоздик, а на плечики. Это было так непривычно.

В простенках противоположной стены разместились два гигантских зеркала, в которых мы видели себя в полный рост. А если приоткрыть зеркальные дверцы шкафов и разместить их под фиксированным углом, защелкнув специальные фиксаторы, то можно оглядеть себя со всех сторон, даже сзади. Мама была в восторге. А я впервые увидел себя сзади и не узнал.

Меж тем дядя Володя продолжил экскурсию:

– Это комната прислуги. Правда, мои буржуи зовут ту тетку домработницей. Это дверь в кабинет тестя. Там он, видите ли, думает. А здесь думает, как меня поскорей известить, моя теща – змея подколотная. Это ее кабинет. Она, как и тесть, змея не простая, а ученая. А эта дверь – в их серпентарий. В спальню. А вон та – в гостиную. За гостиной – столовая, соединенная с кухней. А в самую кухню ведет вон та дверь, – подробно пояснял он, не двигаясь с места. Стало ясно, что во все эти комнаты всем нам вход воспрещен.

– А это ванная комната. Вот сюда нам с Ниной можно.

– А где же ваша комната? – не удержалась мама, потому что оставалась всего одна дверь, о которой еще не было сказано ничего, хотя, судя по расположению, это была дверь в туалет.

– Вот она, родимая! – заулыбался дядя Володя, распахивая дверь, которая действительно оказалась дверью туалета, – Прошу в наши апартаменты, господа, – жестом пригласил он нас войти.

Да-а-а. Это было нечто. Впрочем, туалет оказался комнатой довольно приличных размеров. Во всяком случае, там разместилась двуспальная кровать, которая полностью закрывала отхожее место. Зато под потолком, прямо над головами спящих, размещался солидных размеров сливной бачок. От бачка вниз спускалась сверкающая металлическая цепочка, на которой висела белая фаянсовая ручка. Дядя Володя не преминул тут же дернуть ручку. Под кроватью раздался характерный шум спускаемой воды. Все весело рассмеялись.

– А как же в туалет ходить? – снова не выдержала мама.

– Мы с Ниной приспособились, а буржуи с домработницей ходят к соседям. Нечего им осквернять наши покои.

Кроме кровати, в туалете оказалась раковина, рядом с которой примостился небольшой столик. Стульев не было. И нам предложили сесть прямо на кровать.

А у стены, что напротив сливного бачка, во всю ее ширину расположился огромный шкаф, в котором, очевидно, хранилось все имущество семьи Макаровых.

Но, мое внимание уже полностью захватил столик. Точней, не сам столик, а то, что на нем располагалось. А на столике стоял плексигласовый макет Кремля.

Что это был за макет! В миниатюрную Спасскую башню были встроены настоящие часы, которые не только показывали точное время, но и отбивали каждый час. В Кремле, кроме дворцов и церквей, были маленькие Царь-пушка и Царь-колокол. А вдоль кремлевской стены “росли” пушистые плексигласовые елочки. И еще был Мавзолей, на котором вместо надписи “ЛЕНИН СТАЛИН” крупными буквами было написано “ТЕЩА”. Я рассмеялся.

– Опасно шутишь, Володя, – почему-то не рассмеялась мама.

– Брось, Надя, – отмахнулся дядя Володя, – Кремль игрушечный и Мавзолей игрушечный. Кого хочу, того в нем и хороню. Жаль, что не взаправду.

– А где Нина? – спросила мама.

– В школе, – ответил дядя Володя и, немного помолчав, пояснил, – Вздумала, видите ли, учиться. Школу решила окончить, вечернюю. Меня даже хотела привлечь. Давай, говорит, учиться вместе. А куда мне учиться? У меня сменная работа. Решили, пусть пока одна учится. Окончит школу, тогда уж я пойду. А пока она учится, я тут со скуки помираю. Вот и начал делать этот Кремль, – пояснил дядя Володя.

После демобилизации он работал слесарем на завод “Авторучка”, где и приобрел навыки работы с экзотическими материалами.

Тетю Нину мы тогда так и не дождались – она возвращалась из школы очень поздно. Года через три упорной учебы она, наконец, получила великолепный аттестат зрелости, которому позавидовали бы многие выпускники. Но, как она не уговаривала дядю Володю, пойти в вечернюю школу тот категорически отказался. К тому времени его планировали назначить сменным мастером, и он, якобы, не хотел упустить этот шанс. После долгих колебаний тетя Нина все же решила не ждать, пока муж получит среднее образование, и поступила в институт на вечернее отделение. Через пять лет у нее уже был заветный диплом, причем с отличием. И снова, как пять лет назад, передовой мастер цеха завода “Авторучка” отказался стать школьником, придумав очередную отговорку.

Тетя Нина меж тем уже года два успешно работала в научно-исследовательском институте. Едва она стала дипломированным специалистом, институт тут же направил ее в аспирантуру, и года через три тетя Нина блестяще защитила кандидатскую диссертацию. Тема диссертации была настолько актуальной, что в институте создали профильный отдел, который она возглавила. Постепенно тетя Нина стала заметной фигурой, причем не только в своем институте.

А дядя Володя совсем загрустил. Успехи жены его доконали. Красивая тетя Нина всегда привлекала внимание мужчин, но в молодости дядю Володю это мало волновало – он и сам был недурен собой. Теперь же их бездетная семья стала явно неравнопрочной. Это было заметно даже нам, детям. Хотя бы по тому, что к нам дядя Володя все чаще заходил нетрезвым, но если раньше в разговорах он привычно хулил ученую тещу и ученого тестя, то теперь в их когорту попала и его ученая жена.

В отличие от посещений дяди Володи, оканчивающихся мрачным застольем с распитием принесенной им бутылки водки, визит тети Нины был для нас, как праздник. Это ощущение появлялось оттого, что с ее приходом моментально прекращались все ссоры, и возникала атмосфера ожидания чего-то необычного, радостного. Она всегда приносила торт или пирожные, что в нашем доме однозначно ассоциировалось с праздником. Пока мама готовила стол, тетя Нина успевала поговорить с каждым из нас. Она искренне интересовалась нашей учебой и нашими увлечениями, радовалась нашим успехам и исподволь давала хорошие советы. Общаться с ней было интересно – мы узнавали много нового в доступной для нас форме, а главное – она заряжала нас энергией оптимизма.

Но, однажды тетя Нина не выдержала:

– Не знаю, что с Володей делать, – пожаловалась она маме, – Мне стыдно с ним в приличном обществе появляться. Надоели его пошлые анекдотики. Мои ученые смотрят на него, как на дурака. А он этого даже не замечает. Напьется, как свинья. Тащи его потом домой. И учиться не хочет. Вышел, говорит, из этого возраста. А, по-моему, по уровню развития он так и остался мальчишкой-школьником. Только с возрастом сильно поглупел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.